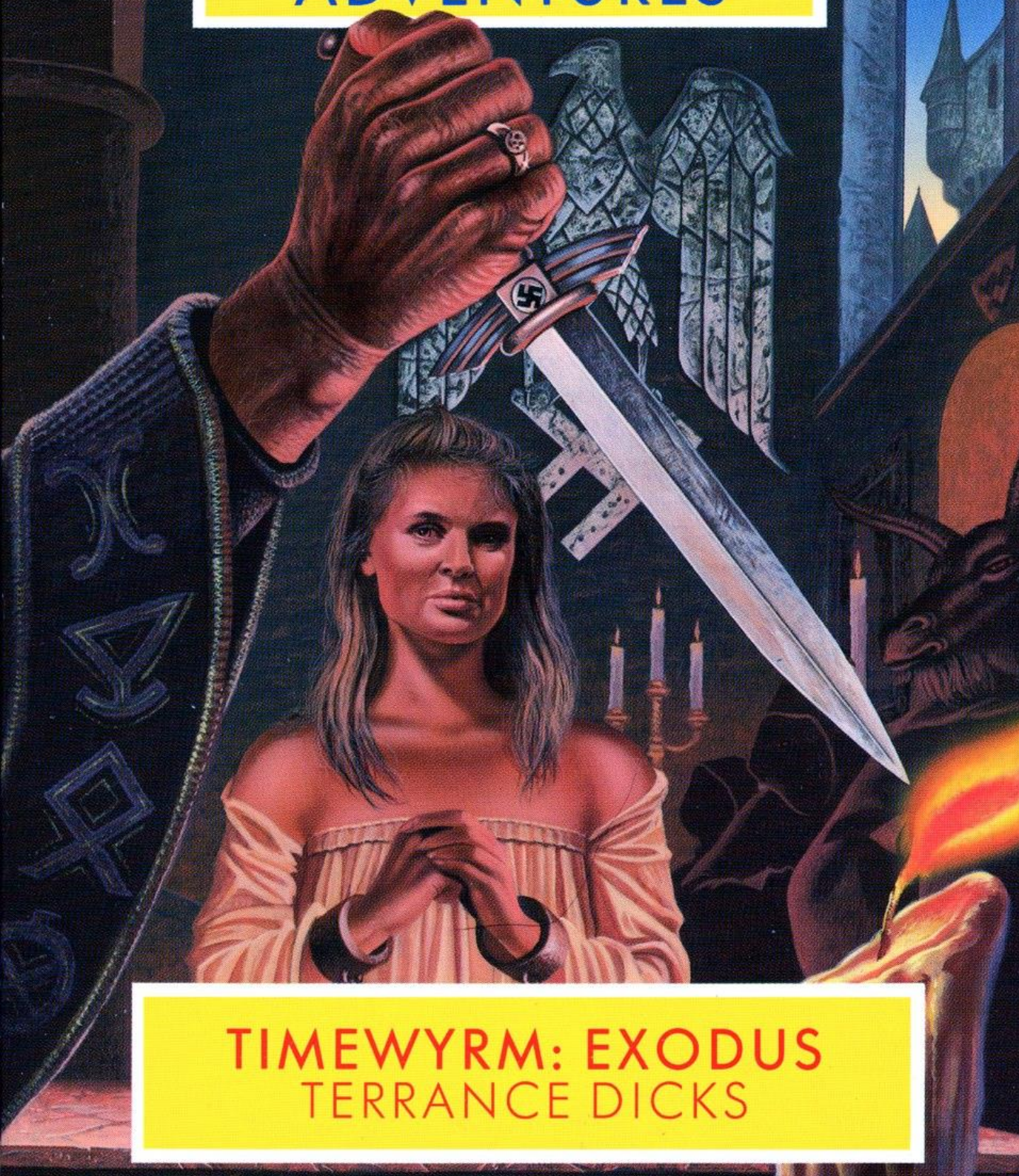

THE NEW

ADVENTURES

TIMEWYRM: EXODUS
TERRANCE DICKS

Доктор Кто

Новые Приключения

New Adventures

Книга 2

(NA 02)

Времяточец:

Исход

Терренс Дикс

TIMEWYRM: EXODUS

Terrance Dicks

1991

Перевод **ssv310**

ПРОЛОГ:

25000 год до н. э.

Она извивалась в вихре пространства-времени циклоном ненависти и разочарования, её эго исходило жгучей болью неудачи. Несмотря на всё её прощальное бахвальство, её победили, её заставили бежать. Это было невероятно, возмутительно. Разве она не богиня, да даже больше, чем богиня?!

Рационализация не заставила себя долго ждать. Она не сбежала, она отступила по собственной воле, отступила, чтобы спланировать ужасную месть. Она изучила новизну своего сознания – ту её часть, которая раньше была (а в каком-то смысле оставалась и до сих пор) её врагом. Она оценила её преимущества, её уязвимости. Она нападёт на него, нанеся удар по его любимой планете. Она уничтожит эту планету... а ещё лучше, она сделает так, что эта планета сама себя уничтожит.

В той эпохе, в которой она появилась изначально, и без неё уже было много смерти и разрушений. Но луки, копья и мечи убивали слишком медленно, оставляя саму планету невредимой. Нужно было более разрушительное оружие, и человечество наверняка его когда-нибудь создаст.

Способная теперь перемещаться в пространстве и времени, она начала просматривать будущие возможности этой планеты...

Она видела орды воинов, пронесившиеся по степям; отрубленные головы, сложенные кучами в лагерях варваров. Она видела людей в доспехах, падающих под ураганом стрел, полки, скошенные градом мушкетного огня. Но резня всё ещё была слишком медленной...

Она быстрее полетела вперёд во времени, и увидела усталых мужчин, которые шли, спотыкаясь, по опустошённой земле, застревая в кровавой путанице колючей проволоки, умирая под безжалостным огнём пулемётов. Теперь смерть наступала с удовлетворительной скоростью, но угрозы планете по-прежнему не было. Но скоро, очень скоро...

Она избрала время брожения и перемен, когда разрушительные мощности, которых она желала, были только-только открыты.

Она избрала страну: побеждённую, униженную, но в то же время с поразительным стремлением к силе, единству, и власти.

Она избрала человека: ожесточённого невротика, который не смог преуспеть ни в чём, но сила ненависти и отвращения в нём была такой же, как и у неё. Единственный атом в бурлящей массе человечества. Как забавно будет использовать этот атом для уничтожения планеты! В его сознание было легко проникнуть, проскользнуть между синапсами мозга так же просто, как вставить микросхему между лампами первых радиоприёмников. Войти было просто, но потом...

Изучив потенциал этого сознания, она обнаружила, что оно было хотя и примитивное, но невероятно мощное. Она почувствовала, что её энергия заблокирована, её цепи

разомкнуты, её ресурсы фрагментированы. В приступе паники она попыталась вырваться на свободу, но не смогла.

Она оказалась запертой в сознании безумца.

ЧАСТЬ 1.

ОККУПАЦИЯ

Достойной кульминацией стремительной последовательности славных побед, известной как Блицкриг, стало завершение операции «Морской Лев». Выбрав момент с почти сверхъестественной точностью, силы Рейха воспользовались спокойной погодой, которая последовала за необычными штормами, сократившими численность Британского флота.

19-я армия генерала Штраусса высадилась на южном берегу, захватив береговой плацдарм между Фолкстоном и Уэртингтом. Благодаря предшествующему поражению Британских ВВС, непобедимые Люфтваффе постоянно поддерживали наше превосходство в воздухе. Несмотря на хвастовство архи-преступника Черчилля, который позже был казнён за свои военные преступления, сопротивление британцев было минимальным, и операция была завершена через шесть дней.

*«Тысячелетний Рейх – Славное начало»,
Йозеф Геббельс.*

Новый Берлин, 1947 г.

1. ЗАВОРОТ ВРЕМЕНИ

Возле широкой неторопливой реки под моросящим дождём стояла группа бетонных павильонов. Высокая изящная башня взмывала вверх, сквозь дымку, к серому пасмурному небу. На её вершине был флагшток с обвисшим мокрым флагом. На краю строительной площадки, среди строительного мусора материализовалась синяя полицейская будка. Эта часть берега реки была отгорожена шатким забором, за которым в беспорядке стояли штабели древесины, шлакобетонные блоки, валялся строительный мусор, а чуть дальше к реке круто спускался забетонированный берег.

Из полицейской будки вышел невысокий темноволосый мужчина. На нём были поношенные коричневые брюки в клеточку, коричневый пиджак спортивного покроя, пёстрый свитер и элегантная соломенная шляпа. Сжимая в руках зонт с красной ручкой, он оглядывался по сторонам.

За ним из полицейской будки вышла круглолицая девушка в увешанной значками куртке; она закрыла за собой дверь. Она тоже осмотрелась по сторонам, но с гораздо меньшим энтузиазмом.

– Я так понимаю, Профессор, ты не знаешь, где мы? Или когда?

Невысокий человек, обычно известный как Доктор, укоризненно посмотрел на неё.

– Вообще-то знаю, Эйс. Мы прибыли в Лондон. Фестиваль Британии, 1951 год!

– Отчего это ты такой уверенный?

Он указал зонтом вдаль:

– Скайлон я ни с чем не перепутаю. Такой великолепно фривольный! Такой не-британский! Башня, единственное предназначение которой – быть башней! Символ, отмечающий конец послевоенного аскетизма, и надежду на будущее благополучие.

– Чего?

– Англия восстанавливается после трёпки, которую она получила во время войны.

– Мы же победили, разве нет? Наш звёздный час, и всё такое? Когда уже устанут об этом говорить.

– Вы победили, но лишь едва. Вся страна была истощена. А теперь самое худшее позади, и они решили немного шикануть и провести Фестиваль.

Девушка по имени Эйс обвела взглядом поливаемое дождём бетонное пространство.

– То же мне, Фестиваль!

– Не забывай, что ты британка, Эйс. Ты должна развлекаться с лёгкой грустью.

Эйс шмыгнула носом, по её носу скатилась капля дождя. Она посмотрела на изящную башню, и на её глазах порыв ветра развернул флаг.

– Профессор!

– Что?

– Если это Англия, и мы победили в войне, то почему на башне флаг со свастикой?

Доктор посмотрел. И действительно: чёрный перекрученный крест на белом круге на фоне кроваво-красного полотнища.

– Был один точно такой же в кабинете командора Миллингтона на военно-морской базе, – предположила Эйс. – Помнишь, он превратил эту базу в копию шифровальной комнаты в Берлине...

– Да, да, – нетерпеливо сказал Доктор. Он смотрел на флаг. – Давай тут осмотримся.

– Постой, Профессор!

– Что?

– Значит, она тут?

– Кто?

– Иштар, Времяточец, или как там она себя называет.

Доктор вынул из кармана небольшой прибор. Прибор молчал: ни звука, ни мигающих огоньков. Доктор встряхнул его, а затем спрятал.

– Похоже, что нет.

– Но мы же должны были за ней гнаться.

– Ну, может быть у нас перелёт, или недолёт, или ещё что-то. Такое легко могло случиться, все иногда ошибаются.

Они пошли по грязной дорожке вдоль реки, ища возможность пройти к месту проведения Фестиваля. Наконец, они нашли место, где часть забора была сломана, образуя подобие входа. Дети, наверное, – подумала Эйс. – Они предпочтут поиграть на стройке, чем сходить на Фестиваль. Впрочем, я бы тоже такой выбор сделала.

Доктор пошёл в проём первым, и вышел из территории стройки к одному из павильонов. Там была фотовыставка: на чёрно-белых фотографиях была запечатлена последовательность событий. Фотографии были развешаны на стендах, которые огибали павильон своего рода дорожкой, задававшей порядок просмотра. Но смотреть было некому – кроме них в павильоне никого не было.

Эйс без особого интереса посмотрела на первую фотографию: группа людей в серых и чёрных униформах на фоне Букингемского дворца. Они собрались вокруг худого мужчины со светлыми волосами и невысокой женщины с высоким лбом и зачёсанными назад тёмными волосами. На женщине была огромная корона с драгоценностями.

Под снимком была подпись:

«ВОССТАНОВЛЕННЫЙ НА СВОЁМ ЗАКОННОМ ТРОНЕ, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО КОРОЛЬ ЭДУАРД ВОСЬМОЙ В СОПРОВОЖДЕНИИ ЕЁ КОРОЛЕВСКОГО ВЫСОЧЕСТВА КОРОЛЕВЫ УОЛЛИС ПОДПИСЫВАЕТ ДОГОВОР, ФОРМАЛЬНО ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ВЕЛИКОБРИТАНИЮ КАК ПРОТЕКТОРАТ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ».

Лицо Доктора помрачнело.

– Это всё не верно, Эйс. Произошло масштабное вмешательство в ход времени.

– Времяточец?

Доктор, хмурясь, смотрел на фотографию.

– Никогда не доверял этим Уинздорам!

Эйс просматривала фотографии без особого интереса, в её сознании всплывали воспоминания о когда-то прочитанных в журналах статьях о скандалах прошлого.

– Так это герцог Уинздорский? Который отказался от трона, потому что ему не разрешали жениться на какой-то американке? «Король, который ради любви отказался от всего!»

– Он был глупым и самовлюблённым человеком, – сердито сказал Доктор. – С самой юности симпатизировал немцам. У бедняги Уинстона с ним столько проблем было.

Эйс пожала плечами:

– Ну, вернул он себе трон. Какая разница? Кому какое дело кто король?

– Король – это важный символ... а ещё важнее, что именно он символизирует.

Доктор пошёл вдоль фотографий, внимательно всматриваясь в каждый снимок, в каждую подпись. Под фотографией высокого мужчины в чёрной рубашке и с тонкими усиками было написано:

«ПРЕМЬЕР-МИНИСТР МОЗЛИ ОБРАЩАЕТСЯ К ПЕРВОМУ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ПАРЛАМЕНТУ ОККУПИРОВАННОЙ БРИТАНИИ».

Фотографий было очень много: встречи, церемонии, публичные мероприятия. Мозли был почти везде.

– А этот Мозли преуспевает, – сказала Эйс.

– Сэр Освальд Мозли, – сказал Доктор через плечо. – Основатель Британского Союза Фашистов. Когда началась

война, его интернировали, и выпустили после того, как она закончилась. После этого он вёл себя тихо.

– А вот и нет. Тут он, похоже, большая шишка.

Доктор смотрел на большое фото измученных людей, копавших огромную траншею.

«ЧЛЕНЫ БРИТАНСКИХ ДОБРОВОЛЬНЫХ РАБОЧИХ СИЛ РАБОТАЮТ НА НОВЫХ БЕРЕГОВЫХ УКРЕПЛЕНИЯХ В КАЛЕ».

Эйс стало скучно, она подошла к двери павильона и выглянула наружу. Всё казалось вполне нормальным. Людей на Фестивале было не много, но это было неудивительно, учитывая погоду. То тут, то там посетители с зонтами – в основном женщины и дети – перебегали от одного павильона к другому.

Доктор закончил осмотр, подошёл к ней, и угрюмо посмотрел на свастику на Скайлоне.

– Всё не так, – бормотал он.

– Может быть, это шутка? – спросила Эйс, пытаясь приободрить его. – Студенты какие-нибудь дурачатся. Знаешь, как ночной горшок на шпиле церкви?

Доктор указал большим пальцем за плечо:

– А это всё?

– Тоже шутка? – предположила Эйс, без особой уверенности. – Знаешь, как «Если бы Гитлер победил». Люди пишут книги...

Доктор покачал головой:

– Хорошая попытка, Эйс. Но, боюсь, всё это до ужаса по-настоящему.

– Но это невозможно! Нацисты проиграли во Второй Мировой войне. Мы и сами к этому руку приложили, забыл? Это Времяточец?

– Возможно. Но это как-то не в её стиле.

– А кто тогда?

Доктор задумчиво всмотрелся во время.

– Ну, был, разумеется, вмешивавшийся во время монах. Были и другие...

Эйс обвела взглядом Фестиваль. Он стал немного оживлённее. Дождь прекратился, между тучами временами пробивалось солнце.

– Я есть хочу.

– Как можно думать о еде, когда у нас серьёзный темпоральный кризис?

– Там вон ларёк есть, – сказала Эйс. – Как насчёт чая с булочкой?

Выбирая путь между лужами, она повела его по мокрому бетону к ларьку-кофейне. За стойкой стоял невысокий курносый круглолицый мужчина, который хмуро протирал чайные ложки. Над его головой была вывеска: «*КОФЕЙНЯ, собств. Гарри Голда*».

При виде клиентов он оживился:

– Доброе утро, дама и джентльмен! Погода, похоже, налаживается? Чем я вам могу помочь? – он говорил с сильным акцентом кокни.

– Два чая и две булки со смородиной, пожалуйста, – сказала Эйс.

Мужчина взял большой металлический чайник, долил в него кипятка, затем быстро перемешал содержимое и налил чай в две чашки из толстого фарфора, а затем добавил молока из кувшина.

– Сахарин добавьте по вкусу, – он кивнул на стоявшую рядом ёмкость с белым порошком.

Рядом лежала прикованная цепочкой ложка. Он достал из-под стекла витрины две булочки и выложил их на тарелках на стойку.

– С вас тэннер, дорогуша.

Эйс посмотрела на него, не понимая.

– Тэннер, шесть пенсов, – нетерпеливо сказал мужчина. – Чай два пенса, булочка один.

Доктор порылся у себя в кармане, вынул горсть монет из разных эпох и с разных планет, выбрал небольшую серебряную монетку и дал её хозяину.

– Один шиллинг, спасибо большое, – сказал мужчина, швыряя монету в деревянную кассу. Оттуда же он вынул ещё меньшую серебряную монету и протянул её Доктору. – И тэннер сдачи!

Чай был слабый, водянистый, а булки, казалось, были сделаны из картона. Несмотря на голод, Эйс с трудом удавалось есть, а Доктор сдался после первого же куска.

Хозяин кофейни перехватил его взгляд.

– Я знаю. Чай похож на кошачью мочу, а булки – на солдатские носки.

– Эрзац? – загадочно произнёс Доктор.

– А что сейчас не эрзац? Нет, я, конечно, не жалуюсь, – торопливо добавил мужчина. – С самого начала Нового Порядка мы никогда ещё не жили здоровее и счастливее, – он продекламировал эти слова так, словно лозунг.

– Что такое эрзац? – спросила Эйс.

– Имитация, – сказал Доктор. – Замена.

– Подделка, – с горечью сказал мужчина. – Поддельный чай, поддельная мука, поддельный табак... – он замолчал, увидев двоих парней, развязной походкой направлявшихся к кофейне. – О боже, будут неприятности...

У новых посетителей были коротко стриженные волосы, одеты они были в гимнастёрки цвета хаки, чёрные брюки, армейские ботинки. На правых рукавах их курток были пришиты повязки с британским флагом, а поверх флага свастика. Ниже были буквы «ВФК». Оттолкнув Эйс и Доктора в сторону, они облокотились на прилавок.

– Доброе утро, ребята, что закажете? – жизнерадостность мужчины была таким же эрзацем, как и его булочки.

– Два чая, – сказал первый парень.

– И один фунт из кассы, – сказал второй.

Они захихикали.

Дрожащими руками мужчина налил им чай. Первый парень взял чашку, надпил... и выплюнул прямо в лицо хозяину заведения.

– Кошачья моча!

Мужчина взял тряпку и вытер ею лицо. К изумлению Эйс он попытался улыбнуться.

– Да, вы правы, я то же самое только что сказал! Знаете что, я заварю вам свежий, горячий и крепкий, хорошо? За счёт заведения!

Он опорожнил чайник и начал засыпать в него свежий чай.

Эйс возмущённо шагнула к ним, но Доктор остановил её, положив руку на плечо. Его серые глаза изучали двух молодых людей с холодным отрешённым интересом; он был похож на учёного, изучавшего под микроскопом микробов.

Дрожа от гнева, Эйс оглянулась в поиске помощи. К её радости, неподалёку прохаживалась легко узнаваемая фигура британского бобби. У Эйс в своё время бывали проблемы с полицией, но этого полисмена она была рада увидеть.

Она подбежала к мужчине в синем шлеме.

– Нам нужна помощь...

Средних лет, крупный, похожий на заботливого отца полисмен мог бы быть живым воплощением «Диксона из Док Грин». Он поприветствовал её, коснувшись пальцами шлема.

– Да, мисс? У вас какие-то проблемы?

– Вон те двое. Они запугивают мужчину в кофейне, вымогают у него деньги.

Полисмен проследил за её взглядом.

– Вы про двоих в гимнастёрках?

– Да, пожалуйста, пойдёмте!

Полисмен не шелохнулся.

– А вы, случайно, не заметили на мундирах повязки... с буквами внизу?

– Да, что-то вроде ВФ... А что, это имеет значение?

– «ВФК», мисс. Это означает «*Britischer Frei Korps*». Британские Освободительные Силы.

– И это значит, что они могут делать что угодно?

– Да, именно так.

Более формальным тоном полисмен процитировал какой-то закон:

– Полномочия ВФК исходят напрямую от Третьего Рейха и во всех ситуациях превосходят полномочия гражданской полиции.

Затем он добавил уже обычным голосом:

– Я не могу вмешаться, и вам тоже не советую. Они могут переключиться на вас. И вам я тогда тоже ничем не смогу помочь.

Снова козырнув, полисмен пошёл дальше.

Эйс развернулась и побежала к кофейне, где два парня только что допили чай.

– Ладно, – сказал первый. – А где там фунт из кассы?

– Два фунта, – сказал второй. – А ещё лучше, сразу пятёрку.

– Две пятёрки, – сказал первый.

Хозяин попытался улыбнуться.

– Да ладно вам, парни, ну что вы. Шутки шутками, я всегда вас угощу чаем, но...

Второй парень посмотрел на вывеску над кофейней.

– Странное имя – Голд. Это случайно не сокращение от «Гольдштейн»?

Мужчина побледнел. Не успел он ничего сказать, как первый парень схватил его за пиджак и затащил на прилавок.

– Гони наличку, вшивый жид. А не то мы разнесём и твой ларёк, и твою морду... А то, что останется, передадим в Бюро по Вопросам Расы.

Эйс рванулась к тому, который держал мужчину над прилавком. Доктор снова удержал её.

– Wie heissen Sie? – крикнул он громким, резким голосом.

Парень от неожиданности отпустил хозяина и развернулся. Он, ничего не понимая, уставился на Доктора.

– Wie heissen Sie, dummkopf? – проревел Доктор.

Быстро подойдя к юноше, он со всей силы отвесил ему пощёчину. Затем ударил его ещё раз, в этот раз обратной стороной руки. Удары Доктора оказались невероятно сильными: юноша чуть не упал. Он пошатнулся, из носа у него пошла кровь.

– Слушайте... – неуверенно подал голос второй парень.

Тыльной стороной ладони Доктор ударил его по губам:

– Sei still! – он обернулся к первой жертве. – Namen?

– Простите, – пробормотал парень. – Мы не говорим по-немецки...

– So? Может, оно и к лучшему, – Доктор говорил, как офицеры гестапо в старых фильмах о войне, которые Эйс когда-то видела. – Немецкий язык лучше не пачкать губами такой мрази, как вы! Ваши имена! Из каких подразделений?! –

он стал вплотную к первому парня, поднялся на цыпочки и заорал ему прямо в лицо: – Стоять смирно, когда ко мне обращаетесь!

Оба парня неуклюже попытались стать смирно.

– Сидни Харрис, – сказал первый.

– Джордж Брэйди, – сказал второй. – Четвёртое подразделение Британских Освободительных Сил.

– Так! – сказал Доктор с ледяным спокойствием. – И какие же у вас приказы... относительно Фестиваля?

– Просто быть начеку, – с трудом сказал Сид Харрис. – Следить, нет ли подрывной деятельности, каких-нибудь беспорядков.

– Вот именно. А тут есть какие-нибудь беспорядки? – голос Доктора снова поднялся до наводящего ужас визга. – За исключением тех, которые вы же и создали?

Побледнев и дрожа от страха, Сидни и Джордж не решались открыть рот.

– Возвращайтесь в своё подразделение, – сказал Доктор. – Доложите своему командиру, чтобы он взял вас под арест по обвинению в попытке вымогательства, – его голос снова стал выше. – Немедленно! Марш! Бегом! Ein, zwei, ein, zwei!

К удивлению Эйс, два молодых человека развернулись и побежали трусцой, исчезнув за павильонами.

Доктор повернулся к Гарри Голду.

– Простите за случившееся. Больше они вас не побеспокоят.

Хозяин попятился от него:

– Никаких проблем, сэр, мне не нужны никакие проблемы. Наверняка хорошие ребята, просто дурачатся.

– Послушайте, всё в порядке, – сказала Эйс. – Не нужно нас бояться.

Хозяин смотрел на неё, пытаясь улыбнуться дрожащими губами. Он взял тряпку и начал отрывистыми, как у робота, движениями протирать стойку.

Доктор коснулся её руки:

– Пойдём, Эйс.

Эйс грустно пошла за ним. Затем она повеселела, вспомнив, как улепётывали два хулигана.

– Молодец, Профессор. Стильно ты их уделал!

Доктор загадочно посмотрел на неё:

– Тебе что, понравилось?

– Да, а что?

– Мне тоже, – сказал Доктор. – Такое очень быстро начинает нравиться. Мы напугали мужчину в чайной, это тебе тоже понравилось?

– Ладно, я поняла, – она с любопытством посмотрела на него. – Здорово у тебя получается, Профессор, все эти крики и вопли.

– Стандартные методы Гестапо, – рассеянно сказал Доктор. – Это называется «аншнаузен» – отчитывание. Очень помогает допрашивать пленных. Если сразу, ни с того ни с сего начинаешь орать на людей и бить их, они не успевают понять, что происходит.

– Какой ужас!

– А это только начало, – сказал Доктор. – Дальше всё гораздо хуже.

– А куда мы сейчас идём?

– Обратно в ТАРДИС.

– Мы улетаем?

– Не знаю. Мне нужно подумать, а здесь я думать не могу.

– Почему?

– Страх... Страх и зло, – сказал Доктор как о чём-то само собой разумеющемся. – Ты их не чувствуешь, Эйс? Они витают в воздухе, как яд...

Он быстро шёл к краю территории Фестиваля, туда, где они оставили ТАРДИС.

2. СМЕРТЬ У РЕКИ

– Что-что он вам приказал?! – лейтенант Freikorps Энтони Хеммингс недоумённо смотрел на двух жалких парней, вытянувшихся по струнке перед его столом.

– Явиться сразу сюда, – сказал Брэйдди.

– И сдать себя под арест, – промямлил Харрис.

– По какому праву?

Они не отвечали, он встал и угрожающе посмотрел на них. Контраст между ними не мог быть ярче. Рядовые Харрис и Брэйдди были одеты в грубо сделанную, плохо сидевшую на них униформу солдат ВФК, которую за глаза называли чёрно-коричневой. Они были коренастые, с одутловатыми прыщавыми лицами.

Лейтенант Хеммингс же был высокий, темноволосый, и неоспоримо красивый. Его чёрная униформа, смоделированная по подобию формы СС, была аккуратно пошита заключённым концентрационного лагеря, который раньше работал на Савил Роу. Её безупречную черноту подчёркивали серебряные значки в виде черепов на воротнике и манжетах. Его ботинки были начищены до блеска.

– И вы, разумеется, вымогали деньги, – медленно сказал он.

– Нет, сэр, – возразил Брэйдди.

Хеммингс проигнорировал ответ.

– Но вы совершили гораздо худшее преступление, чем вымогательство: позволили, чтобы вас, а значит и весь

Freikorps, выставили идиотами! Этот человек представился? Он предъявил хоть какие-нибудь документы?

Брэйди покачал головой:

– Если бы вы его слышали, сэр, вы бы в нём не сомневались...

– Он блефовал! – крикнул Хеммингс. – А у кого, по-вашему, хватило бы наглости так блефовать? У члена подполья! Почти наверняка у кого-то из руководителей. Именно для поимки таких людей нас и назначили следить за Фестивалем, а вы позволили ему уйти!

Двое рядовых замерли в ужасе. Хеммингс рассматривал их, наслаждаясь моментом.

– И что же мне с вами сделать? Надо было бы вас расстрелять, но пули на вас жалко тратить. Повесить на рояльной струне дешевле, но слишком долго... – он замолчал, чтобы растянуть их мучения. – Отправляйтесь в бараки, к сержанту-квартирмейстеру. У вас до конца недели наряд по уборке в туалете.

Двое рядовых стали смирно, отдали честь, и быстро скрылись из кабинета.

Хеммингс холодно улыбнулся, провожая их взглядом. Конечно, они вымогали деньги, как и все. И никто не возражал. Это было одним из преимуществ службы во Freikorps. Иногда вымогательство, иногда изнасилование, возможность арестовать и избить любого, чьё лицо, одежда, или цвет кожи тебе не понравились. От этого не было большого вреда, просто в результате население ненавидело Freikorps даже сильнее, чем

оккупационные власти. На их фоне Вермахт – военнослужащих регулярной германской армии – почти любили.

Хеммингс взял фуражку и перчатки. Пора уже, – решил он, – осмотреть Фестиваль. Ему не нравилось, что его назначили на Фестиваль. Он считал этот Фестиваль потерей времени, нездоровой шуткой со стороны оккупационных властей. Британцам сейчас нечего было праздновать. Но поймать нерядового подпольщика было бы большой удачей. Мечтая о повышении и славе, он вышел из кабинета.

У реки было тихо. Туман поднимался от поверхности воды и плыл между стопками кирпичей и брёвен.

Внезапно Доктор остановился.

– Стой!

– В чём дело, Профессор?

– Тсс! Слушай!

Через секунду Эйс услышала приближающиеся к ним шаги и звуки резкого, отрывистого дыхания. Из тумана появился мужчина, вилявший между штабелями брёвен и цементными блоками. На нём были тёмное пальто и шляпа, сам он был невысокий, темноволосый, полный, на носу у него были очки с тонкой оправой.

Вполне может быть начальником стройки, – подумала Эйс, – но почему он бежит? А затем она увидела, что за ним по пятам гнались другие люди.

Доктор уже мчался навстречу маленькому человеку. При виде Доктора лицо мужчины исказил ужас. Он принял его за

одного из своих врагов, отрезавших ему возможность сбежать. Он повернулся и побежал в единственном открытом ему направлении – к реке.

Когда человек добежал до края бетонированной набережной, из-за штабеля брёвен выпрыгнул высокий человек с седыми волосами. Он занёс и опустил руку. Невысокий мужчина напрягся и полетел в воду. Высокая фигура снова скрылась позади брёвен.

Когда Доктор и Эйс туда добежали, человек был по пояс в воде, дёргаясь, словно выброшенная на берег рыба. Река бурлила вокруг нижней половины его тела, тянула его за полы его пальто.

– Быстрее, пока его не смыло, – крикнул Доктор. – Держи меня за ноги.

Доктор бросился вперёд и растянулся головой вниз по скользкому бетонному склону. Эйс схватила его за ноги, уже не в первый раз отмечая, что у Доктора ужасный вкус по части выбора носков. Доктор тянулся вниз, пытаясь схватить протянутые руки невысокого человека. Их руки коснулись, и Доктор попытался схватить. Внезапно мужчина соскользнул в реку, и его тут же унесло течением.

Эйс вытянула Доктора обратно на берег, и он встал на ноги.

– Я думала, что ты схватил его...

– Я тоже... Я думал, что он пытается схватить мою руку, но он давал мне вот это, – Доктор протянул руку и показал чёрный кожаный бумажник.

Он раскрыл его. С одной стороны было что-то, похожее на пропуск, а на другой – значок с золотой свастикой.

– Наверное, для него это было важно. Как-то получилось, что я это схватил, а его упустил.

Эйс посмотрела на тело, которое переворачивалось в потоке как бревно. Скоро оно скрылось из виду.

– Может, нужно пойти за ним? – спросила она без энтузиазма.

– Нет смысла. Вручив мне папку, он умер. Я видел, как жизнь покинула его глаза – это ни с чем не перепутаешь.

Издали послышался крик:

– Эй, вы! Стоять! Стоять, стрелять будем!

На дальнем конце стройки появились люди в униформе, которые тут же бросились к ним.

Доктор засунул папку себе в карман.

– Бежим!

Они побежали, виляя между стопками кирпичей и брёвен. Наконец, они добежали до проёма в заборе и вместе прыгнули туда.

– Что же теперь нам делать, Профессор?

Доктор обернулся через плечо.

– Проблема в том, что они между нами и ТАРДИС. Придётся подождать, пока они не уйдут, а затем попробуем вернуться. А пока что предлагаю присоединиться к весёлой гуляющей толпе.

Эйс осмотрелась. Сейчас на площадке Фестиваля людей было уже больше. Впрочем, это по-прежнему были преимущественно женщины, дети, и старики.

– Разве это можно назвать это толпой? И весёлыми большинство из них тоже назовёшь.

– Ты бы после десяти лет нацистской оккупации тоже не веселилась бы. Пойдём, взглянем на Купол Открытий.

По мнению Эйс, Купол Открытий был такой же скучный, как и предыдущая выставка. Он был наполнен картами, схемами, и моделями, большинство из которых были посвящены недавно разработанной космической ракете. Похоже, нацисты планировали отметить этот год Фестиваля высадкой человека на Луну.

– Это ужасно, – ворчал Доктор.

– А я думала, что тебе такое нравится!

– Ты не понимаешь, что происходит? В конце войны нацисты были впереди всего мира по разработке ракет, они использовали ракеты для доставки больших боеголовок в Лондон. У Союзников не было ничего даже немного похожего. Если бы их армии не захватили стартовые площадки, Гитлер мог бы ещё победить.

– Но здесь он ведь и так победил?

– А ещё они работали над атомной энергией. Подумай, Эйс! Масштабная исследовательская атомная программа, поддерживаемая амбициями помешанного на войне и власти диктора с неограниченным запасом рабского труда и ресурсов половины мира! Это безумие. Его нужно остановить.

Голос Доктора повысился, и проходящий рядом невысокий мужчина в очках испуганно оглянулся на них. Он быстро скрылся, и Эйс подумала, что он похож на перепуганную мышь.

Она снова повернулась к Доктору:

– Остановить? Как?

Доктор обвёл взглядом павильон.

– То, что мы тут видим – результат вмешательства. Нужно вернуться во времени к причинам, выяснить кто вмешался, когда, и почему...

– И затем вернуть всё как было?

– Если я смогу. Вмешательство в установившиеся линии времени всегда невообразимо опасно... А вмешательство в чужое вмешательство может обернуться катастрофой. Давай ещё раз попробуем вернуться в ТАРДИС. Может быть, тот патруль уже ушёл.

Они направились к выходу, и Эйс вдруг сказала:

– Постой, а мы ничего не забыли?

– Что?

– Мы же только что видели убийство.

– И что?

– Мы не должны что-то предпринять по этому поводу?

– В каком смысле? Сыграть в Шерлока Холмса? Вернуться на место преступления и искать улики?

– Хотя бы доложить об этом властям.

– И ответить на стандартные скучные вопросы? Кто вы такие, откуда вы, почему у вас нет удостоверяющих вашу личность документов, почему вы так странно одеты?

Эйс кивнула.

– Но всё равно как-то это неправильно, игнорировать чью-то смерть. Мне интересно кем он был, почему его убили.

– Если судить по тому бумажнику, он нацистский чиновник. Видимо, его убили какие-то подпольщики. Или же другие нацисты, его политические конкуренты. При этом режиме человеческая жизнь невысоко ценится.

– Ты, Профессор, о ней тоже, похоже, не очень высокого мнения.

Он нетерпеливо посмотрел на неё.

– Преступление, которое меня сейчас беспокоит, связано с миллионами, миллиардами погибших. У меня нет времени на одно подлое убийство.

– И тебе даже не любопытно?

– Нет, вообще-то. А тебе?

– Думаю, да. Он умер на наших глазах... а мы даже не знаем, кем он был...

Они подошли ко входу, и когда они вышли на блеклый дневной свет, кто-то закричал:

– Вон они! Это они!

К ним приближался топот армейской обуви.

Лейтенант Хеммингс с четырьмя подчинёнными патрулировал Фестиваль. Всё казалось тихим и мирным, но

чего ещё можно было ожидать в присутствии патруля Freikorps? Нужно было больше хороших информаторов, – подумал он, – иначе ничего не выйдет. В этот момент он подошёл к Куполу Открытий и, словно в ответ на его мысли, к нему подошёл невысокий человек.

– Лейтенант Хеммингс... Вы же лейтенант Хеммингс, так?

Велев своим солдатам стоять, Хеммингс посмотрел на невзрачного человечка.

– Да?

– Вы меня не помните, лейтенант? Меня зовут Арнольд. В прошлом месяце я помог вам в деле о чёрном рынке.

Довольный таким совпадением, Хеммингс сказал:

– Вы знаете, а я как раз думал о вас!

Арнольда это насторожило:

– Обо мне, сэр?

– Вернее, о ком-то вроде вас. Вы ведь сдали нам немало ваших сограждан.

– Я стараюсь исполнять свой долг перед Рейхом, – сдержанно сказал Арнольд.

– И при этом заработать. Вы ведь получили неплохие вознаграждения, не так ли? Не хотели бы заработать ещё одно? Я ищу одного мужчину, – и он пересказал описание Доктора со слов Харриса и Брэйдя. – Похоже, с ним ещё девушка...

Арнольд задрожал от восторга:

– Я только что их видел, лейтенант!

– Когда? Где?

– Они были в Куполе Открытий, и говорили об измене! Я поэтому вас и искал.

Хеммингс повернулся к командиру патруля:

– Перекрыть все выходы, и мы зайдём.

Не успел патруль сдвинуться с места, как Арнольд закричал:

– Вон они! Это они! – он указывал на двоих людей у входа в Купол.

Хеммингс побежал ко входу, патруль бежал следом за ним. В считанные секунды мужчина и девушка были окружены.

Арнольд дрожащим пальцем указывал на них.

– Это они! – повторял он. – Они осуждали Славный Рейх, даже самого Фюрера! Этот мужчина назвал Фюрера безумцем, которого нужно остановить.

Хеммингс с любопытством осматривал мужчину и девушку. В них было что-то странное. Дело было не только в их странной одежде, было ещё что-то. Внезапно он понял, что именно в них было не так. Они не боялись.

– Это правда? – спросил он.

– Полная ерунда! – ответил мужчина. – На самом деле я сказал, что нужно быть безумцем, чтобы бороться со Славным Рейхом.

– Вы напали в кофейне на двух моих людей, изображая при этом представителя Партии.

– Я ни за кого себя не выдавал. Спросите у них. Они совершали преступление, а я всего лишь исполнил свой гражданский долг.

Хеммингс задумчиво посмотрел на него и покачал головой:

– Нет, не годится. Неубедительно.

– Это наше слово против их слова, – сказала девушка. – Почему вы верите этому мужчине, но не верите нам?

– Понимаете, он один из моих регулярных информаторов. Вы довольно ценный иудушка, не так ли, мистер Арнольд?

Невысокий мистер Арнольд несколько не смутился такому описанию, а гордо кивнул:

– Я готов выдвинуть обвинение под присягой. Я же получу награду, да?

– Да, конечно, мистер Арнольд. Как только они во всём сознаются и их казнят.

– И сколько на это уйдёт времени?

Хеммингс посмотрел на двух пойманных, оценивая их способность сопротивляться. Несмотря на их уверенность в себе, их можно сломать. Скоро они научатся бояться.

– Я бы сказал завтра. В крайнем случае, послезавтра. Сейчас мы не сильно загружены.

Скучающим голосом он сказал:

– Я лейтенант Британских Освободительных Сил Хеммингс. Вы арестованы по обвинению в заговоре против Рейха! У вас есть что сказать?

– Слушайте, мы же всего лишь разговаривали, – сказала девушка. И глупо добавила: – Это ведь свободная страна?

– Нет, – сказал лейтенант Хеммингс. – Боюсь, что нет, – он повернулся к ожидавшим солдатам: – Так, забираем их.

Девушка попыталась сбежать. Хеммингс кивнул, и один из солдат схватил её руку и завёл ей за спину. Она сильно пнула ногой назад, попав ему по голени. Он вскрикнул и отпрыгнул, а другой солдат вынул дубинку.

– Прекратите это безобразие, – сказал задерживаемый мужчина властным голосом.

Солдат замер, занеся дубинку. Мужчина повернулся к Хеммингсу.

– Вы ведь не хотите устроить публичный беспорядок в месте, посвящённом славе Тысячелетнего Рейха? Предлагаю разобраться во всём в вашем штабе.

Пытаясь вернуть себе инициативу, Хеммингс повернулся к командиру патруля.

– Ведите их к главным воротам. Я допрошу их в штабе.

– Хорошо, – сказал арестованный, словно давая разрешение.

Он взял девушку под руку и пошёл, а Хеммингсу с солдатами пришлось идти следом. Со стороны могло показаться, что арестованный был главный.

Арестованных посадили в огромный чёрный лимузин «Мерседес», припаркованный у входа на Фестиваль. Впереди, на капоте, был флажок со свастикой. Хеммингс велел арестованным сесть на заднем сидении, между двумя солдатами. Ещё двое солдат сели лицом к ним. Он не сомневался, что поймал крупную рыбу, и не хотел рисковать. Он сел впереди, возле шофёра в чёрной униформе, и большой автомобиль медленно поехал. Как всегда, Хеммингс

почувствовал приятное волнение от того, что часовые у ворот, сквозь которые они проезжали, отдали им салют.

Пока они ехали по второстепенным улицам, он лениво посматривал на царившее вокруг опустошение. Повсюду были воронки от бомб и разрушенные здания. Здания, разрушенные бомбёжкой не до конца, были наспех отремонтированы и снова заселены; то тут, то там посреди руин стояли торговые палатки. У людей были мрачные и измученные лица, возле редких открытых магазинов стояли длинные очереди. Хеммингс хорошо знал эти районы. На таких улицах он и сам вырос голодным оборванным сиротой.

Арестованный мужчина нагнулся вперёд и похлопал его по плечу.

– С перестройкой особого прогресса нет, – пожурил он.

– Если верить слухам, Фюрер ещё не принял решение.

– О чём? – спросила девушка.

– Перестраивать ли Лондон полностью в Нео-Нацистском классическом стиле, по планам Шпеера, или же уничтожить полностью, оставив только Новый Берлин.

Девушка ужаснулась:

– Вы что, серьёзно?

– О да. С Парижем вопрос решался довольно долго, пока Фюрер не решил, что Новый Берлин настолько лучше, что Париж можно оставить для контраста. Пока он не примет решение относительно Лондона, всё будет оставаться таким, как есть.

Они проехали через мост Ватерлоо, целый, несмотря на следы бомбардировки, и свернули налево по тому, что осталось от Странда, и направо, к внушительному зданию, стоящему чуть в стороне от проезжей части. Лимузин остановился, и все вышли из него. Арестованный поднял голову и осмотрел большой арочный вход, украшенный огромными полотнищами со свастиками.

– Отель «Савой», – одобрительно сказал он. – Всё самое лучшее.

Хеммингс улыбнулся:

– Боюсь, что «Ритц» заняло гестапо.

Он прошёл через красивое фойе отеля, тоже украшенное драпировкой со свастиками, в котором, как всегда, было полно людей в чёрных униформах. Затем открыл неприметную боковую дверь, за которой были бетонные ступени вниз.

– У вас, боюсь, будет подвал, а не номер с видом на набережную.

Он повёл их вниз, потом по невзрачному коридору, и открыл дверь в небольшую комнату без мебели. Охрана затолкнула их вовнутрь и захлопнула за ними дверь.

Хеммингс задумчиво посмотрел на запертую дверь. Оставив одного из солдат сторожить арестованных, он отпустил остальных, а сам пошёл наверх, в свой кабинет. Ему нужно было подумать, разработать стратегию. Есть в этих двоих что-то очень странное, – думал он. Но скоро мы их сломаем и вырвем из них все секреты. А пока что пускай подождут.

3. АРЕСТОВАННЫЕ

Эйс нарисовала нолик, Доктор нарисовал крестик, зачеркнул линию, и Эйс с отвращением отбросила карандаш.

– Ты опять выиграл! – она осмотрела бетонную стену, которая была уже вся покрыта крестиками-ноликами. – Уже сто сорок семь игр, Профессор. Семь раз ты выиграл, и сто сорок ничей.

Она в сотый раз осмотрела комнату. Кроме бетонных стен там была одна деревянная лавка, на которой они сидели, и с потолка свисала голая лампочка.

– Что они с нами сделают, Профессор? Почему ничего не происходит?

– А ничего и не должно происходить, во всяком случае, поначалу. Это первая стадия. Нас оставили одних, чтобы мы сами довели друг друга до страха, ужаса, и мрачных предчувствий, – Доктор завёл руки за голову и зевнул.

– А, понятно, – сказала Эйс. – Профессор?

– Что?

– Все люди, из-за которых у нас были проблемы, были англичанами, а не немцами. И те подонки в кофейне, и те, кто нас арестовал.

– Они все из ВФК, – сказал Доктор. – Britischer Freikorps. Это началось ещё во время войны. Они ходили по концлагерям, пытаясь уговорить пленных перейти на их сторону.

– И многие соглашались?

– Тогда почти никто. Но в этой реальности Англия около десяти лет назад проиграла войну. Те парни выросли при этом режиме. Предложи людям чуть побольше зарплату, дополнительный паёк, возможность помучить своих сограждан, и всегда найдётся несколько желающих.

– Наверное, ты прав, – Эйс угрюмо уставилась в покрытый крестиками-ноликаmi бетон.

– Можем начать следующую стену, – предложил Доктор.

Дверь с треском распахнулась, и перед ними возник brutального вида солдат в униформе Freikorps, который грозно помахивал стекoм.

– Попались, свиньи! – проревел он. – Вы имеете дело с Freikorps, так что пощады не ждите!

– А, вторая стадия, – сказал Доктор. – Смотри внимательно, Эйс!

Солдат разразился долгой, громкой, переходящей на визг тирадой. Она, казалось, длилась вечно, и у Эйс начали болеть голова и уши. Срывая голос, солдат вопил о том, что они еврейско-большевистские предатели, что игра окончена, что все их сообщники арестованы и уже во всём признались.

– Только полностью сознавшись в ваших грязных преступлениях и сдавшись на милость всемогущего Рейха, вы можете надеяться сохранить свои жалкие жизни! – в таком духе он, выпучив глаза, продолжал довольно долго; лицо у него покраснело, голос хрипел, даже пена на губах начала появляться.

Сидя на скамье, Доктор наблюдал за ним с выражением вежливого интереса, с которым обычно наблюдают на школьном концерте за выступлением чужих детей.

В конце концов у солдата закончились угрозы, оскорбления, и силы.

– Вы будете признаваться? – прохрипел он. – А? Чего молчите?

– Неплохо... Совсем неплохо, – оценил Доктор. – Хорошая, стабильная громкость, и пена у губ мне тоже понравилась. Но вам нужно обратить внимание на вашу тенденцию сомневаться, отклоняться, и повторяться.

Секунду подумав, он добавил:

– Я бы сказал, ну, шесть из десяти!

Поражённый солдат смотрел на него, беззвучно хлопая ртом.

– Обратите внимание, – продолжал Доктор, – что, если честно, очень трудно преподнести хороший «аншнауцен», когда говоришь на английском. Немецкий гораздо лучше подходит для того, чтобы орать на людей.

И, словно желая подтвердить свои слова, Доктор вскочил на ноги и, почти уткнувшись носом в лицо охранника, заорал:

– Heraus, schweinhund! Raus! Raus!

Солдат отпрыгнул от него, развернулся, и вышел, захлопнув за собой дверь.

Эйс покачала головой:

– А я думала, что «Schweinhund!» только в кино кричали! Когда начнётся третья стадия?

– В любой момент, – сказал Доктор.

Где-то рядом раздался ужасный крик. За ним последовали крики угроз, снова вопли, потом удары.

– Всё по расписанию, – сказал Доктор. – «Ужасающие Звуки».

Через какое-то время звуки затихли, и наступила долгая, зловещая тишина.

– Становится всё хуже и хуже, – сказала Эйс. – А какая четвёртая стадия?

– О, четвёртая стадия! – начал Доктор. – При правильном исполнении в ней много артистизма.

Не успел он продолжить свой рассказ, как дверь распахнулась и к ним кого-то втолкнули.

Новенький был молодым человеком в рваной одежде. Он выглядел очень нездоровым. Один глаз у него заплыл и был наполовину закрыт, рубаха спереди пропиталась алой кровью, а под дырами рубахи виднелись вспухшие рубцы от побоев. Он опустился на скамью.

– Вас тоже взяли?

– Что произошло? – спросил Доктор.

– Меня повязали с остальными членами ячейки... Наверное, кто-то проговорился...

Доктор кивнул, но не ответил.

Немного помолчав, молодой человек сказал:

– Я вас, кажется, не знаю. Вы из какой ячейки?

– Не из какой, – ответила Эйс. – Мы сами по себе.

Проигнорировав её слова, молодой человек повернулся к Доктору:

– Вы не из группы полковника Габбинса?

Доктор продолжал молчать.

– Сами решайте, – преодолевая боль, сказал молодой человек, – но я бы на вашем месте заговорил... Иначе с вами будет то же, что и со мной. Я держался сколько мог, но потом всё равно всё рассказал. Это им только для протокола нужно, они и так всё знают – имена, явки, всё... Раз уж кто-то проболтался, то какой смысл терпеть дальше? – он задрожал и упал в угол.

Эйс повернулась к Доктору:

– Мы не можем ему чем-нибудь помочь?

Доктор, однако, смотрел на молодого человека с критической отстранённостью.

– Не больше пяти из десяти, старина. Синяки и заплывший глаз неплохие, но кровь не совсем того цвета, слишком яркая. Эрзац, полагаю? И слишком много было вопросов. Надо было плести интригу тоньше, войти сначала к нам в доверие.

Он повернулся к Эйс:

– Это четвёртая стадия: старый добрый фокус с избитым товарищем по несчастью.

Молодой человек перестал дрожать и встал. Коротким стаккато он постучал в дверь. Дверь открылась, зашёл лейтенант Хеммингс.

– Не выйдет, они догадались.

Хеммингс злобно посмотрел на Доктора и Эйс.

– Умными себя, наверное, считаете? Что же, вот что я вам скажу. Скоро вас вызовут для интенсивного допроса. И если вы не расскажите нам всё, что нам нужно, то в конце будете выглядеть так же, как и он. Только в вашем случае кровь и синяки будут настоящие.

Судя по выражению лица Хеммингса, его такая перспектива даже радовала. Резким движением головы он велел молодому человеку убраться. Сам Хеммингс тоже вышел, с лязгом захлопнул за собой дверь, и запер её.

– Его внешнее цивилизованное очарование, похоже, постепенно улетучивается.

– Но он же прав, разве нет? – сказала Эйс. – Всё это воздействие на нервы – это всего лишь начало. Скоро они перейдут к по-настоящему грубым методам.

– Вполне возможно, – согласился Доктор.

– Профессор, что нам делать?

– Я предлагаю сбежать.

Эйс посмотрела на него:

– Что, вот так просто?

– Да, так просто! – Доктор задумчиво посмотрел на потолок. – О, да, это годится.

Он вынул горсть своей межгалактической мелочи и выбрал небольшую серебряную монетку, которую получил в кофейне в виде сдачи. Из другого кармана он вынул фонарик размером с карандаш, включил его, и вручил Эйс. Затем подошёл к двери и выключил свет.

– Хорошо, что эта комната по изначальному проекту не была тюрьмой, иначе выключатель был бы снаружи.

Он отодвинул скамью от стены так, чтобы она была под свисающей с потолка лампочкой, залез на неё и, обернув руку носовым платком, выкрутил лампочку из патрона.

– Самое главное, Эйс, ни при каких обстоятельствах не повторяй такое дома, – важным голосом сказал он.

Держа в руках фонарик, Эйс зачарованно смотрела, как Доктор аккуратно положил монету на кончик цоколя лампы и так же аккуратно вкрутил лампу обратно в плафон. Спрыгнув со скамьи, Доктор прижался к стене сбоку от двери, а Эйс жестом велел стать у него за спиной. Забрав у неё фонарик, он выключил его и положил обратно в карман, и стало совсем темно. Затем он резко постучал по двери, тем же самым стаккато, которым пользовался фальшивый арестант. Ничего не произошло. Доктор постучал ещё раз. В коридоре раздались шаги тяжёлой обуви по каменному полу.

Голос Хеммингса резко спросил:

– Да? Что вам нужно?

– Я так и знал, что он рядом! – прошептал Доктор.

Он постучал по двери ещё раз. Они услышали, как в замке повернулся ключ, и дверь открылась. В дверном проёме, на фоне света из коридора появился силуэт Хеммингса с пистолетом в руке. Он недоверчиво взгляделся в темноту... и Доктор щёлкнул выключателем. Раздался взрыв, под потолком на мгновение вспыхнул свет, и все лампы в коридоре погасли.

Проскользнув мимо Хеммингса, Доктор сильно толкнул его в спину и тот, шатаясь, шагнул в центр комнаты. Споткнувшись через скамью, он с грохотом упал, выронив пистолет.

Схватив оружие, Эйс выскочила за Доктором в коридор. Доктор захлопнул и запер дверь.

– Сюда! – схватив её за руку, Доктор потащил её по тому же пути, по которому их сюда завели, проскочив в темноте мимо растерявшейся охраны.

Они поднялись по лестнице и вышли в фойе отеля, где всё было спокойно. Доктор увидел в руках у Эйс оружие.

– Убери это, мы не в вестерне!

Эйс спрятала пистолет в карман, и они пошли, обходя людей, к парадному входу. Снаружи был припаркован чёрный лимузин с водителем в форме СС и, к ужасу Эйс, Доктор открыл заднюю дверь, залез вовнутрь, и затащил её туда же. Наклонившись вперёд, он похлопал водителя в чёрной форме по плечу и резко сказал:

– Nach Festival, bitte.

Шофёр, раскрыв рот, повернулся к нему.

– Nach Festival! – рявкнул Доктор. – Schnell!

Лимузин тронулся с места. Эйс с ужасом в глазах посмотрела на Доктора.

– Ты что творишь, Профессор?

Откинувшись на спинку, Доктор сказал:

– В авторитарных государствах люди обычно повинуются властному голосу. Это бывает полезно.

– Ты ужасно рискуешь.

– Посмотри на это иначе, Эйс. Никто, у кого нет на это права, не осмелится тут командовать шофёром служебного автомобиля. А раз мы только что это сделали, значит, у нас есть право так делать, потому что иначе мы бы так не сделали!

Эйс чувствовала, что в этой логике есть какой-то изъян, но не могла понять, в чём он. Они молча сидели, пока автомобиль вёз их по Странду, через мост, обратно к Фестивалю, завёз в ворота мимо отдавших салют часовых. Сразу за воротами автомобиль остановился.

– Ждите нас здесь, □– приказал Доктор, и шофёр ему козырнул. Доктор быстро пошёл прочь, и Эйс поспешила следом.

На Фестивале было оживлённее, чем раньше, множество людей с унылым видом ходили от павильона к павильону.

Свернув за угол последнего павильона, они пролезли в проём в заборе и пошли вдоль берега реки через стройплощадку, и наконец, пришли туда, где оставили ТАРДИС.

Её там не было.

4. ГЕНЕРАЛ-ИНСПЕКТОР

Высокий седовласый пожилой мужчина, который предпочитал, чтобы его называли Попп, медленно шёл по территории Фестиваля. На нём был обляпанный краской комбинезон, помятая кепка, в руках он нёс большую кисть и несколько банок с красками. Это как пропуск, подписанный самим Гитлером, – подумал он. Или даже плащ-невидимка. Он маляр, идёт что-то красить. Не подкопаешься, верно? Кивнув проходящему мимо патрулю Freikorps, старик вылез в проём в заборе и пошёл вдоль берега реки.

Он направлялся туда, где произошло что-то странное. Один мужчина пропал в реке, а другой мужчина и девушка внезапно появились из ниоткуда. И ещё кое-что появилось: странного вида синяя полицейская будка. А вот и она!

Попп подошёл к ней и попробовал открыть дверь. Заперто. Он приложил руку к её стенке и почувствовал тепло и тихий гул. Казалось, что будка жива... Какое-то время он стоял и смотрел на неё. Ему нужен был повод, чтобы задержаться тут. Он решил покрасить будку в белый цвет. Вынув из банки кисть, он нарисовал на стенке широкую полосу. Краска упала на землю. Он попробовал ещё раз. То же самое. Будка не принимала, отталкивала краску.

Попп почесал голову под кепкой и отошёл. Рядом вдоль реки шла оградка, недавно выкрашенная в честь Фестиваля в красный и чёрный цвета. Чёрный и красный были нацистскими цветами, и он решил, что оградка будет выглядеть лучше, если

её покрасить в красный, белый, и синий. Он принялся за работу. Довольно долго ничего не происходило. Затем подъехал разболтанный грузовик Freikorps. Солдаты Freikorps под командованием сержанта спрыгнули с кузова и окружили синюю будку. Они попробовали открыть дверь. Она была заперта. Они попытались выбить дверь. Она не выбивалась. Какое-то время они стояли вокруг неё и бурно спорили. Затем они соорудили систему блоков и талей и под руководством ругающегося сержанта подняли синюю будку, оказавшуюся поразительно тяжёлой, и водрузили её на кузов грузовика. Закрепив её там, они запрыгнули в кузов и укатили.

Какое-то время снова было тихо. Попп продолжал тихо красить. Затем пришли мужчина и девушка. Они остановились на том месте, где раньше была будка. Они были ошарашены. Они тоже начали спорить. Попп продолжил красить.

Доктор уставился туда, где раньше стояла ТАРДИС, и задумчиво тёр подбородок.

– М-да, шутки шутит рок...

– Что-что, Профессор?

– «Но не с тобой одним, зверёк, Такие шутки шутит рок!»¹

– И где же зверёк... То есть, ТАРДИС... Где она?

– Ну, тут её нет...

– Ты гений, Профессор.

– Значит, что-то её забрал.

– Ещё гениальнее!

– Значит, нам нужно узнать, кто и куда её забрал.

¹ Перевод стихотворения М.Л. Михайлова.

– И как же мы это сделаем?

– При помощи гениальной научной методики, – сказал Доктор. – Она называется «спросить у кого-нибудь».

Он огляделся и увидел высокого пожилого мужчину в кепке и комбинезоне, который красил неподалёку ограду. Доктор подошёл к нему.

– Дружище, вы давно тут?

– А кто вы такой, что спрашиваете?

– Администратор Фестиваля, – заявил Доктор. – У нас пропал один из экспонатов.

– Я его не брал.

– Полицейская будка из будущего, большая и синяя. Не видели?

– Её забрали.

– Это я понял. Кто её забрал?

– Парни из «Свободных Сил», на грузовике. Погрузили в кузов и уехали.

– Опять нестыковка, – весело сказал Доктор. – Спасибо, мы разберёмся с этим.

– Смотрите, чтобы они с вами не разобрались. Эти Freikorps те ещё гады. Но вы же это и сами знаете.

– Я?

– Ну, они же вас арестовывали сегодня, верно? И вот вы уже тут, живой и невредимый, про синие будки спрашиваете.

– Это было недоразумение, – сказал Доктор. – Я помогал им в их расследовании.

Старик перестал красить.

– В наши времена столько недоразумений.

– Это точно, – сказал Доктор. Он сурово посмотрел на старика: – Сегодня утром кое-кто по одному из недоразумений прямо в реку угодил.

– Да что вы?

Доктор кивнул:

– Я там был, – после небольшой паузы он добавил: – Вы ведь тоже там были?

– Если захотите как-нибудь чайку, – сказал старик, – попробуйте кафе Ма Баркер, под арками. Скажите, что вас Попп прислал, – совсем другим голосом он добавил: – У нас очень хороший чай, не эрзац какой-нибудь.

Коснувшись на прощание пальцами козырька кепки, он собрал свои краски и кисти и ушёл.

– Что это было? – спросила Эйс.

– Ну, я не уверен, – задумчиво сказал Доктор. – Но мне кажется, что у нас был контакт с подпольем.

– И он вот так вот просто стоял тут?

– Сомневаюсь, что тут хоть что-то было «так вот просто». Он ждал тут, потому что хотел увидеть, кто придёт за ТАРДИС.

– С чего ты взял?

– Когда мы раньше тут были, эта часть ограды уже была свежеекрашенная, – сказал Доктор. – Её не нужно было красить... И ты видишь, в какие цвета он её покрасил? К тому же, я его видел, когда тот человек в реку упал. Вообще-то, я думаю, что это он его и зарезал.

Эйс протёрла глаза.

– Столько всего случилась, что я о нём уже почти забыла.

– Я тоже, – признался Доктор. – Эйс, я дурак.

Он начал лихорадочно шарить по своим карманам, и в конце концов вынул чёрный кожаный бумажник, который ему дал умиравший мужчина. Он раскрыл его и изучил золотую свастику, впервые обнаружив, что ниже значка были вытиснены буквы. Он прочитал вслух:

– Reichsinspektor-General.

– Похоже, что-то важное, – сказала Эйс.

– Для него это было очень важно, даже когда он умирал. И сам он был важным, настолько важным, что подпольщики убили его прямо тут, рядом с Фестивалем. Стоит рискнуть... – Доктор сложил бумажник и снова спрятал его в карман. – И это может послужить нам козырем. Пойдём! – и он пошёл по дорожке.

Эйс поспешила следом.

– Куда?

– Обратно, в штаб Freikorps, – сказал Доктор. – Надеюсь, машина ещё не уехала.

– А что ты там сказал на счёт риска? – подозрительно спросила Эйс. – Ты же понимаешь, что на кон ставишь? Наши жизни!

Погрузившись в свои планы, Доктор даже не ответил.

Автомобиль был припаркован у ворот, и в этот раз шофёр беспрекословно подчинился приказу Доктора возвращаться в «Савой». При выезде из ворот водителю пришлось резко повернуть в сторону, чтобы не столкнуться с проносившейся

навстречу армейской машиной. В ней было полно солдат Freikorps, а кабине рядом с водителем сидел офицер с бледным, злым лицом.

Эйс толкнула локтём Доктора.

– Ты видел, кто это был?

Доктор кивнул:

– Ищут сбежавших арестованных, наверное. Ход верный, разумеется, но немного запоздалый.

У регистратора отеля был сегодня трудный день. Вначале в фойе ворвался растрёпанный лейтенант Хеммингс и потребовал сообщить ему о мужчине и девушке, которых он привёл утром. Когда регистратор ответил ему, что они только что уехали на служебном автомобиле, он сильно разозлился. Сказав несколько слов, недостойных джентльмена, лейтенант Хеммингс умчался. А теперь весь отель стоял на ушах, потому что генерал Штрассер, командующий Freikorps, вместе со всем своим антуражем штабных офицеров собрался посетить Фестиваль. Похоже, с его автомобилем была какая-то проблема, и ему искали замену. Когда они все ушли, регистратор надеялся посидеть немного в тишине...

Внезапно он увидел, что в отель вошли те самые мужчина и девушка, которых разыскивал лейтенант Хеммингс. К ужасу регистратора, этот мужчина направился прямо к его столу, и уставился на него холодным, как сталь, взглядом.

– Я хочу немедленно видеть командующего Britischer Freikorps.

Регистратор насмешливо посмотрел на него сверху вниз.

– Боюсь, что это невозможно.

Мужчина понизил голод почти до зловещего шёпота:

– Для вашего же блага, молодой человек, будет лучше... Или, быть может, вам бы хотелось посетить Европу, один из тамошних Лагерь Добровольного Труда? Хорошая, здоровая работа на свежем воздухе, знаете ли...

Регистратор отпрянул:

– Уверяю вас, сэр, это действительно невозможно. Генерал Штрассер собирается ехать на место проведения Фестиваля. Вот он, кстати, идёт, – он указал на крупного, упитанного мужчину в форме генерала СС, который спускался по лестнице в окружении антуража полковников, капитанов, и лейтенантов. Когда генерал спустился в фойе, незнакомец направился к нему и щёлкнул каблуками:

– Генерал Штрассер?

Генерал остановился, и его обступили со всех сторон офицеры.

– Да.

– Я должен немедленно поговорить с вами.

Навстречу шагнул капитан:

– Генерал занят. Запишитесь на встречу у него в приёмной. Возможно, через неделю или две...

Не обращая на него внимания, незнакомец посмотрел на генерала холодным стальным взглядом.

– Мне нужно немедленно, генерал. Моё дело чрезвычайно срочное.

Заинтригованный этой резкой манерой, генерал спросил:

– А в чём суть этого срочного дела?

– Оно касается безопасности Рейха.

Незнакомец вынул чёрный кожаный бумажник, мельком показал генералу золотой значок, закрыл бумажник и спрятал. Это произвело поразительный эффект. Генерал стал по стойке смирно и щёлкнул каблуками.

– Разумеется, моё время в вашем распоряжении, герр?.. – он вопросительно изогнул брови.

– Можете называть меня Доктор.

– Герр Доктор, – продолжил генерал. – Но я как раз собирался отбыть, чтобы посетить Фестиваль. Вообще-то, я уже опаздываю, моя машина пропала...

– В данный момент я рекомендую воздержаться от посещения Фестиваля, – резко сказал Доктор. – Сейчас там ловят двух опасных пленных, сбежавших из вашего штаба.

Генерал улыбнулся:

– Ну что вы, герр Доктор. От нас никто не сбегает, – он обвёл взглядом своих офицеров: – Так ведь, господа?

На краю группы офицеры засуетились. Лейтенант что-то прошептал на ухо капитану, тот – майору, а тот – полковнику.

– Я чего-то не знаю?! – рявкнул генерал.

Полковник кашлянул:

– Как оказалось, генерал, сегодня утром лейтенант Хеммингс задержал двоих людей. А затем они сбежали, и лейтенант Хеммингс отправился на Фестиваль разыскивать их.

– Почему мне не сообщили? – проревел генерал. С большим трудом, он взял себя в руки: – Выходит, герр Доктор, что вы лучше осведомлены о событиях в моём штабе, чем я сам!

Доктор зловеще улыбнулся:

– Работа у меня такая – быть в курсе.

Генерал повернулся к адъютанту:

– Сообщите администрации Фестиваля, что мой визит откладывается. И будьте добры, как только сбежавшие будут пойманы, сообщите мне об этом немедленно. Необходимо будет провести полное расследование. Пришлите ко мне лейтенанта Хеммингса, как только он вернётся.

По толпе прошла волна фашистских салютов и щёлканий каблуками, и генерал сказал:

– Не соизволите ли пройти со мной, Доктор?

Доктор шагнул вперёд, и за ним шагнула девушка. Генерал удивлённо поднял брови:

– А кто эта молодая дама?

– Мой личный ассистент, – сказал Доктор. – Она всегда меня сопровождает.

– Natürlich, – пробормотал генерал. – Gnädiges Fräulein! – щёлкнув каблуками, он кивнул ей, и все полковники, майоры, капитаны, и лейтенанты сделали то же самое.

Следуя за Доктором и генералом вверх по лестнице, Эйс тихо кипела от злости. Она прекрасно понимала, что они все о ней подумали. Если Доктор, или кто-нибудь думают, что она согласна на роль штатной девки, пускай подумают ещё раз.

Генерал провёл их в роскошный номер с видом на реку. Отпустив свой антураж, он усадил Доктора и Эйс в удобные кресла, и сел за красивый стол восемнадцатого века.

— Для нас это большая честь, — сказал он. — Слухи о высокопоставленном госте ходили уже давно. Но, должен признать, что генерал-инспектора мы не ожидали.

Доктор ещё раз зловеще улыбнулся:

— Генерал-инспектора никто не ожидает!

— Конечно, конечно, — поспешно сказал генерал. — Если предупредить о визите, то к нему все подготовятся, мусор сметут под ковёр... А вот неожиданный приезд почти наверняка выявит несколько сюрпризов.

— К примеру, двух членов «Freikorps», терроризирующих владельца кофейни на Фестивале... и вымогающих у него деньги, — сказала Эйс, стараясь повторить зловещую интонацию Доктора. — Это ведь не входит в их служебные обязанности?

Доктор сложил руки домиком и устремил взгляд в потолок.

— Ах, да, спасибо, что напомнили мне, фройляйн. Их зовут Харрис и Брэйди, четвёртое лондонское подразделение. Я приказал им вернуться в их часть и поместить себя под арест, — он строго посмотрел на генерала. — Такого рода инциденты могут казаться ерундой, но они могут спровоцировать беспорядки среди гражданского населения... А беспорядки питают подполье. Необходимо, чтобы те, кто представляет Третий Рейх, всегда вели себя максимально корректно.

Генерал сделал себе пометку в блокноте.

– Я займусь этим немедленно. Вы понимаете, герр инспектор...

Доктор поднял палец и покачал головой.

– То есть, герр Доктор, – поспешно поправился генерал. – Когда набираешь людей из местного населения, как это приходится делать нам, тяжело найти достойных людей, особенно для солдатского состава. Впрочем, у нас есть несколько весьма хороших английских офицеров...

– Таких, как лейтенант Хеммингс? – спросила Эйс.

Доктор поднял руку:

– К лейтенанту Хеммингсу мы ещё вернёмся. Есть гораздо более серьёзные темы для размышления, к примеру, британское движение сопротивления.

Генерал уверенно улыбнулся и откинулся на спинку стула.

– Я не знаю, какого рода слухи вы слышали в Берлине, герр Доктор, но так называемое британское сопротивление почти не существует. Горстка измученных фанатиков, скрывающихся среди руин, жалкие остатки подполья, организованного перед оккупацией полковником Габбинсом... Поверьте, они не представляют собой настоящую проблему.

– Да что вы? – холодно сказал Доктор. Он наклонился вперёд, пристально всматриваясь в генерала. – Тогда позвольте сообщить вам, герр генерал, что хотя моё прибытие было неожиданностью для вас, оно ни в коем случае не было сюрпризом для британского сопротивления. Они меня ждали, и они попытались убить меня в первые же минуты после моего появления на Фестивале.

– Это... это просто неслыханно! – сказал генерал. – Покушение было неудачным?

Доктор вздохнул:

– Как видите.

– Да, конечно, простите. Позвольте узнать, а как вам удалось спастись?

– Я зарезал убийцу его собственным ножом, и выкинул тело в реку, – небрежным тоном сказал Доктор. Рано или поздно оно где-нибудь выплывет.

Генерал встал и начал ходить по комнате.

– Я в шоке, я просто в ужасе от того, что такое могло произойти в моей юрисдикции. Я даже не знаю, как просить за такое прощение... А уж что об этом в Берлине скажут...

– Берлину об этом не нужно знать, – сказал Доктор. – Во всяком случае, это не обязательно.

Генерал перестал шагать, в его глазах загорелась надежда:

– Я не понимаю, герр Доктор.

Доктор уверенным голосом сказал:

– Я полагаю, что местные проблемы следует решать на местном уровне. Если я отправлю доклад о том, что Freikorps не справляется, что в Лондоне кишат подпольщики... Ну, вы сами понимаете, какие могут быть последствия.

– Да уж, представляю, – сказал генерал и передёрнул плечами.

– Но, – многозначительно сказал Доктор, – если мы с вами вместе решим эти трудности... Если я через какое-то время смогу отправить рапорт о том, что Freikorps – примерная

организация, и что подполье подавлено... Так будет гораздо лучше и для меня, и для вас, и для нашего славного Рейха!

– В самом деле, – сказал генерал. – Вы человек великого и благородного ума, герр Доктор.

Доктор посмотрел на него строго:

– Однако, такое решение потребует вашего полного, неограниченного содействия.

– Что угодно, – сказал генерал. – Только попросите.

– Мне понадобятся документы и пропуска для меня и моей ассистентки. Нам нужен полный доступ, во все места. Мне понадобятся кабинет, жилая комната, транспорт...

– Что угодно, – снова сказал генерал. – Оккупированная Британия в вашем распоряжении, – он взял в руки карандаш. – На какое имя вам выписать документы?

Доктор подумал.

– Шмидт, – сказал он. – Герр Доктор Йоханн Шмидт.

– А барышне?

– Фройляйн Дороти Шмидт, моя племянница.

– Natürlich, – пробормотал генерал, записывая имена.

В дверь постучали. Генерал нахмурился:

– Я же просил меня не беспокоить, – он поднял голос: – Кто там?!

– Прошу прощения, генерал, – сказал голос снаружи. – Вы приказали мне явиться к вам немедленно.

Эйс с ужасом посмотрела на Доктора. Это был голос лейтенанта Хеммингса.

5. ОСОБО ВАЖНЫЕ ПЕРСОНЫ

Отряхивая униформу и расправляя фуражку, лейтенант Хеммингс неуверенно топтался за дверью номера генерала. Генерал уже не в первый раз отдал противоречивые приказы. Его нельзя было беспокоить, но Хеммингс должен был явиться немедленно. Выбирая из двух зол Хеммингс решил, что безопаснее будет доложиться. Он услышал голоса внутри, а затем голос генерала крикнул:

– Войдите!

Хеммингс зашёл в комнату, щёлкнул каблуками... и увидел двух своих сбежавших арестованных, удобно устроившихся в креслах для гостей.

– Это они! – вскрикнул он и потянулся рукой к пистолету.

Он тут же пожалел об этом: в его глянцевої кожаной кобуре ничего не было. Он умудрился потерять пистолет во время побега, и спеша поймать беглецов не стал тратить время на то, чтобы взять другой.

– Вы это ищите? – спросила девушка.

К ужасу Хеммингса, она вынула из кармана его «Люггер» и взяла его на мушку.

Хеммингс присел, готовясь прыгнуть. Не сводя глаз с Эйс, он сказал:

– Генерал, вы в опасности. Эти люди – террористы-подпольщики, наверняка они собираются вас убить. Когда я прыгну на женщину, бросайтесь на пол и зовите подмогу.

Драматизм ситуации был нарушен смехом сбежавшего мужчины.

– Ладно, давайте вернём лейтенанту его пистолет.

Он взял у девушки пистолет и бросил его Хеммингсу, который ловко его поймал и тут же навёл на беглеца.

Не обращая на него внимания, мужчина повернулся к генералу:

– Позвольте объяснить. Частью моего задания является проверка бдительности Freikorps, быстроты их реакции по вопросам безопасности. Для этого я и моя ассистентка проникли на территорию Оккупированной Британии неофициально, и никто это не обнаружил. Вот почему у нас нет багажа, и мы одеты так странно. По прибытию в Лондон мы бродили по территории Фестиваля, громко и неуважительно говоря о Фюрере и Рейхе, – он строго и осуждающе посмотрел на Хеммингса. – И лишь по прошествии весьма значительного времени нас задержали, и то лишь благодаря случайному доносу местного информатора.

Генерал строго посмотрел на Хеммингса:

– Это правда, лейтенант?

– Нас вывел на них информатор, – признал Хеммингс. – Что же касается остального...

Незнакомец прервал его:

– Когда нам, наконец, удалось стать арестантами, я провёл ещё одну проверку эффективности Freikorps. Нас содержали под абсурдно слабой охраной, и подвергли серии неумелых психологических уловок.

Генерал нахмурился:

– Но почему вы не предъявили свои документы, не сказали кто вы такой?

– Ради проверки!

– Да, конечно, конечно.

– Не говоря уже о том, что никто у меня моё имя и не спрашивал, – продолжал незнакомец. – Более того, секретность – суть моей работы. Моё настоящее имя, моё официальное имя, само моё присутствие в Оккупированной Британии можно раскрывать как можно меньшему числу людей, и низшие чины Freikorps, проводившие допрос, доверия не вызывают. Поэтому, дабы избежать несомненно приближавшегося допроса, я убрал со сцены себя и свою ассистентку.

Хеммингс увидел, что лицо генерала покраснело. Доигрались, – восторженно подумал Хеммингс. Они перегнули палку. Сейчас генерал прикажет мне увести их и расстрелять.

– Так значит, – с трудом сказал генерал. – Вы и есть сбежавшие заключённые... и вы явились ко мне!

– Именно так, генерал.

К изумлению Хеммингса, генерал захохотал:

– Герр Доктор, ну вы, я вам скажу, и плут! – сказал он. Посмотрев на ошарашенного Хеммингса, он снова засмеялся: – Бедный мой лейтенант, видели бы вы своё лицо!

– В сложившейся ситуации есть некий юмористический аспект, – сухо сказал незнакомец. – Однако, необходимость строгой секретности реальна и чрезвычайно важна. Вы

помните, о чём мы с вами говорили, генерал, насчёт моего рапорта?..

Генерал мгновенно перестал смеяться.

– Да, да, конечно.

– Позвольте предложить?

– Прошу вас, герр Доктор.

– Раз уж мне пришлось частично раскрыть этому молодому офицеру, кто я такой и зачем приехал, можно вас попросить отдать его под моё командование? Мне нужен адъютант, и таким образом мы избавимся от необходимости ставить в известность остальных.

– Отличная мысль, герр Доктор. Лейтенант Хеммингс!

Хеммингс щёлкнул каблуками:

– Генерал?

– Этот джентльмен, которого вы будете знать исключительно как «герр Доктор», является высоким чиновником Рейха, исполняющим важное, совершенно секретное задание. Вы назначаетесь его личным адъютантом и будете ответственны за то, чтобы он получал всё, что ему нужно. Вам всё ясно?

– Так точно, герр генерал!

– Позволю себе также сказать, – добавил генерал, – что если бы не просьба герр Доктора о вашем назначении, вы могли бы стать перед трибуналом СС за некомпетентность и утерю военного имущества.

Хеммингс посмотрел на свой пистолет и быстро его спрятал.

– Я очень благодарен за вашу снисходительность, герр генерал, и ценю честь, оказанную мне назначением на эту должность.

Генерал снова повернулся к Доктору:

– Что вам нужно прямо сейчас, герр Доктор?

Доктор небрежно махнул рукой:

– Апартаменты для меня и моей ассистентки, еда, одежда...

Лабораторию мы можем обсудить позже.

– Займитесь этим, лейтенант, – рявкнул генерал. – Подготовьте один из номеров с видом на набережную.

– Они все заняты, генерал.

– Тогда выселите кого-нибудь.

– Как прикажете, генерал.

Едва сдерживая гнев, Хеммингс смотрел, как генерал заискивающе повернулся к Доктору.

– Могу ли я рассчитывать на вашу компанию за ужином, герр Доктор?

– Боюсь, что нет. Я начну свою работу немедленно, и чем меньше нас вместе будут видеть, тем лучше. Лучше что-нибудь скромное в моём номере, у меня простые потребности...

– Займитесь немедленно, лейтенант, – приказал генерал. – И другими вопросами тоже. Герр Доктор должен иметь всё, что ему нужно, вам ясно?

– Как прикажете, генерал, – Хеммингс отдал салют и строевым шагом пошёл к двери, чтобы начать новую карьеру – мальчика на побегушках.

Шагая по коридору, он пытался осмыслить ситуацию. Как Доктору удалось полностью завоевать доверие Штрассера? Может ли он действительно быть высокопоставленным чиновником Рейха? Хеммингс покачал головой. Кем-то Доктор несомненно был, кем-то очень умным и опасным. Но высокопоставленным нацистом? Ни за что! Он самозванец. Дайте время, и Хеммингс это докажет. Быть может, всё сложилось не так уж и плохо.

Вежливо выселив из одного из номеров ошеломлённого и обиженного полковника СС, Хеммингс пошёл на кухню и заказал лучший холодный ужин, который они только могли предоставить. Мысленно же он надеялся, что этот ублюдок подавится.

– Ещё шампанского, Эйс? Или, быть может, немного икры?

Эйс задумчиво посмотрела на него.

– То есть о коле и гамбургере не может быть и речи?

Они сидели за столом у окна с видом на набережную. Рядом со столом стояла тележка, нагруженная всякого рода деликатесами. Копчёный лосось, икра, жареная курица, ростбиф, жареная свинина, несколько салатов, три разных вина не считая шампанского. Не говоря уже о сверх толстом пудинге и кувшине со сливками. Всё это было предоставлено, когда Доктор попросил «простые холодные закуски». Отказаться от этого было невозможно, а избавиться от официанта было ужасно сложно.

Доктор намазал на хлеб ещё немного икры.

– Боюсь, что гамбургер не соответствует достоинству Рейха, – ответил он на её вопрос. – Пользуйся этим, Эйс.

– Послушай, – начала Эйс.

Доктор покачал головой. Он приложил палец к губам, затем к уху, а затем указал вверх.

Эйс нахмурилась:

– Я не...

– Просто ешь, Эйс. Поговорим позже.

Эйс проголодалась сильнее, чем сама думала. Она набросилась на мясо и салат, а затем на бисквит со сливками, и залила всё это шампанским. Доктор во время этой молчаливой трапезы в свойственной ему манере поклевал всего понемножку, как птичка, и закончил чашкой кофе, налитой из термоса.

Закончив ужинать, Доктор встал и направился в ванную, маня за собою озадаченную Эйс. В роскошной ванной комнате Доктор заткнул пробкой слив огромной ванны и открыл оба крана. Комнату наполнили пар и шум воды.

Доктор уселся на краю ванной и жестом позвал Эйс сесть рядом.

– А вот теперь выкладывай!

Эйс видела достаточно много шпионских кинофильмов, чтобы понять, что происходит.

– Ты думаешь, что наш номер прослушивается.

– Я в этом уверен.

– Разве мы не почётные гости?

– Именно так. Но это не значит, что они нам верят.

– Но, Профессор...

– Послушай, Эйс, эти люди живут в мире коварства и предательства, постоянных манёвров с целью получить более высокую должность. Вот почему они так легко пугаются. Они не доверяют ни ближайшим друзьям, ни старым коллегам. Они даже самим себе не верят...

В одном из чуланов рядом с их номером Хеммингс нависал над техником в наушниках. Тот снял наушники и поднял взгляд.

– Ничего, лейтенант. Просто вода шумит. Слышно, что они разговаривают, но я не могу ничего разобрать. Кажется, они в ванной.

– Вдвоём?

– Выходит, что да, сэр, – равнодушно сказал техник. Рассуждать о личных привычках важных представителей Рейха он не собирался.

– Я предложил остаться и прислуживать им, – сказал официант. – Они отказались, выставили меня за дверь.

Хеммингс кивнул:

– Дайте мне попробовать... – оттолкнув техника в сторону, он надел наушники.

– Мы прибыли сюда за Времяточцем, так? – спросила Эйс. – Тогда с чего это вдруг ты начал играть в крутого нациста?

– Думай, Эйс, – сказал Доктор. – У тебя же есть мозги, почему бы их не задействовать? Мы прибыли сюда по указанию индикатора пути во времени, и сразу наткнулись на

свидетельства вмешательства в ход времени. Его необходимо изучить.

– Наверное, ты прав.

– А поскольку это общество устроено по принципу «я начальник, ты дурак», для проведения расследования мне хотя бы иногда нужно быть начальником.

Эйс решила зайти с другой стороны:

– А ты уверен, что в случившемся виновата Времяточец?

– Ну, не совсем, – признался Доктор. – Возможно, мы наткнулись на совершенно другое нарушение законов времени... Знаешь, как полисмен, погнавшись за одним грабителем, вдруг натывается на другого.

– Но ты считаешь, что это Времяточец?

– Честно говоря, я не уверен.

– Почему?

– Я уже говорил тебе, это не в её стиле.

– А что у неё за стиль? Злая разрушительная психопатка?

– Именно. В её текущем состоянии Времяточец просто ураган зла. Она промчится по вселенной, оставляя после себя руины.

– И что?

– А это дело для неё слишком кропотливое, слишком хорошо спланированное. Вмешаться в историю ровно настолько, чтобы изменить результат Второй Мировой войны – для этого нужна очень тонкая работа. Ураган не сидит на месте и не занимается мелочами. Он их просто сносит на своём пути.

– Тогда почему бы нам не вернуться в ТАРДИС и не начать заново?

– Потому что, даже если это совсем другое преступление, его всё равно нужно расследовать.

– Да забудь уже о расследовании, Профессор... Почему мы ничего не делаем?

– Например?

Эйс задумалась.

– Ну, ты сказал, что тот человек, с которым мы говорили, возможно, подпольщик, так?

– Продолжай.

– Ну, мы можем связаться с ним и помочь подполью. У меня большой опыт с нитро-9, а ты мог бы сварганить несколько лучевых ружей...

Хеммингс подпрыгнул, срывая с головы наушники.

– Что-то случилось, сэр? – спросил техник.

– Он орёт, – сказал Хеммингс.

– Что орёт?

– «Нет», вернее, «Нет! Нет! Нет! Нет!».

Он снова надел наушники, но теперь ему было слышно только шум воды.

Доктор вспомнил о микрофонах и эмоционально шептал Эйс на ухо:

– Ты же видела, что тут происходит? пытки, жестокость, угнетение, голод, и всё это много лет после того, как это должно было закончиться.

Эйс молча кивнула.

– А знаешь, чем это вызвано? – прошипел Доктор.

– Вмешательством во время?

– Именно! А ты собралась исправлять его ещё более массивным вмешательством, добавить ещё одну катастрофу!

– А у тебя есть идеи лучше?

– Конечно! Я предлагаю выяснить, где источник вмешательства, а затем исправить его.

– А если это началось много лет назад?

– Тогда отправимся на ТАРДИС в прошлое и придушим его в зародыше.

– Мы потеряли ТАРДИС, ты уже забыл?

– Ну же, Эйс, пошевели мозгами. Кто забрал ТАРДИС?

– Если верить тому старикашке, это были Свободные Британские Силы.

– А куда они могли её забрать?

– К себе в штаб, наверное... – Эйс посмотрела на него. – Сюда?

– Прямо сюда. Она в подвале, под охраной, недалеко от того места, где нас держали.

У Эйс уже не было сил спорить.

– Ладно, Профессор, ты победил. Что я должна делать?

Тихим шёпотом Доктор ей объяснил.

– Это я смогу, – сказала Эйс, когда он закончил. – А сейчас что?

Доктор посмотрел на почти наполнившуюся огромную ванну.

– Ну, раз уж ванна готова, можешь ею воспользоваться. А затем советую поспать. В спальне есть пижама.

– А как же ты?

– Сон для лентяев, – сказал Доктор.

– Да ладно тебе, Профессор.

– Моя дорогая Эйс, у нас в гостиной полно огромных кресел и диванов. Мне там будет очень удобно. Мне нужно о многом подумать.

Эйс зевнула:

– Ладно, как хочешь... Ах, да, ещё один вопрос. Зачем ты попросил этого щёголя Хеммингса в адъютанты? Ты его таким дураком выставил, он теперь тебя ненавидит.

Доктор засмеялся.

– Ты, наверное, права.

– Тогда почему...

– Потому что я хочу, чтобы мой враг был у меня на виду. Кстати говоря... – Доктор нагнулся и перекрыл краны.

Сидя в чулане, Хеммингс напряжённо вслушивался, но кроме шума воды и редких отдельных слов не мог ничего разобрать. Затем шум воды прекратился, и в его ухе раздался резкий голос Доктора:

– Лейтенант Хеммингс! Будьте добры явиться ко мне завтра в девять утра. У нас на завтра очень много дел.

– Jawohl, Herr Doktor! – злобно пробурчал Хеммингс.

Сорвав с головы наушники, он швырнул их в другой конец комнаты.

6. РАССЛЕДОВАНИЕ

За Эйс по бесконечным металлическим коридорам гонялся огромный чёрный далек со свастикой. Его рука-присоска была поднята вверх, и жёстким металлическим голосом он повторял: «Хайль Доктор! Хайль Доктор!». Она хотела остановиться и возразить, что всё это не правильно, но понимала, что далек убьёт её раньше, чем она успеет всё объяснить. Появился ещё один далек, он нёс поднос с завтраком. Эйс почувствовала запах кофе и бекона... Но можно ли доверять кухне далеков?

С непередаваемым удовольствием Эйс проснулась... и тут же снова испугалась. Она была в шёлковой ночной рубашке, спала на простыне из тонкого льна. Открыв глаза, она увидела спальню в номере отеля, украшенную в таком роскошном стиле, к которому она не привыкла. Она что, попала из одного сна в другой? Нет, комната и кровать были вполне настоящими. Как и запахи кофе и жареного бекона. Быстрый стук в дверь и голос Доктора тоже были вполне настоящими.

– Ну же, Эйс! Проснись и пой. А не то тебе гренок совсем не достанется.

Быстро умывшись, Эйс оделась, вышла из спальни и увидела Доктора, свежего и отдохнувшего, заканчивавшего завтракать. Несмотря на его угрозу, гренок было ещё много. Вообще-то, было много всего: кофе, бекон, яйца, какое-то блюда из риса и рыбы, которое Доктор называл «кеджери».

Эйс набрала полную тарелку еды и принялась есть.

– А неплохо они тут живут, правда?

– Это штаб Freikorps, – сказал Доктор. – Преданные союзники Рейха заслуживают лучшего.

Эйс посмотрела в окно на Лондон, на серые здания за серой рекой.

– А как остальные? Обычные люди?

– Уверен, что их обеспечивают питательной диетой, адекватной их потребностям, – с невозмутимым лицом сказал Доктор.

Эйс вспомнила безвкусный чай и чёрствы́е булочки в кофейне. Она раскрыла рот, собираясь возразить, но Доктор указал вверх, затем приложил палец к уху, а затем к губам.

– В этом я не сомневаюсь, – сказала она и продолжила жевать, но уже с меньшим удовольствием.

– Нам нужно хорошо подкрепиться, Эйс, – мягко сказал Доктор. – Нам предстоит важное дело.

– Жду его с нетерпением, – сказала Эйс.

Пускай невидимые слушатели понимают это как хотят!

За ночь на креслах в прихожей их номера появилась одежда. Доктор подошёл к ней и начал примерять. Когда Эйс допила третью чашку кофе, он позвал её:

– Эйс! Что скажешь?

Она обернулась. На Докторе было длинное чёрное кожаное пальто и чёрная шляпа.

– Ну что, как я выгляжу?

Эйс осмотрела его.

– Жуть!

– Правда? – довольным голосом спросил Доктор. – Ты это не из вежливости говоришь? Думаю, нужно добавить небольшой штрих... – порывшись в своих бездонных карманах, он вынул монокль на чёрной ленточке и вставил его в глаз. – Ну вот, как тебе?

– Превосходно, – сказала Эйс. – Настоящий гестаповский шик!

Ровно в девять раздался стук в дверь.

– Kommen Sie! – рявкнул Доктор.

Дверь открылась, строевым шагом зашёл лейтенант Хеммингс, стал смирно и отдал салют:

– Heil Hitler!

Доктор небрежно коснулся рукой полей чёрной шляпы:

– Отлично, лейтенант. У вас есть транспорт?

– На улице стоит машина с шофёром, герр Доктор. Они в вашем распоряжении, как и я.

Хеммингс выглядел безупречно: аккуратно выглаженная униформа, значки и пуговицы блестели, сапоги начищены так, что в них можно было увидеть своё отражение. Он был высокий, темноволосый, поразительно красивый, и нагонял на неё страх.

Доктор одобрительно кивнул:

– Sehr gut! Где расположены ваши военные архивы?

– В музее Рейха, в Блумсбери, герр Доктор. Бывший Британский Музей.

– Мы направимся туда немедленно.

– Но там ещё закрыто, герр Доктор.

– Тогда распорядитесь, чтобы открыли, – сказал Доктор.

– Так точно, герр Доктор! Разрешите выполнять? – Хеммингс подошёл к телефону и прокричал в него серию приказов. Затем бросил трубку. – Смотритель живёт рядом, за ним уже послали. Когда вы подъедете к музею, он будет уже ждать вас.

– Хорошо, – сказал Доктор. – Осталось решить вопрос с моей ассистенткой.

Хеммингс посмотрел на Эйс:

– Вы об этой девушке, герр Доктор?

– Именно. Вы ведь наверняка думали о том, зачем я решил взять её с собой?

Хеммингс бросил на Эйс такой взгляд, что ей захотелось его ударить.

– Меня это не касается, герр Доктор. А с такой очаровательной девушкой...

Доктор удивлённо поднял брови, и монокль выпал из его глаза. Он вставил его обратно.

– Дружище, вы же не думаете, что...

– Вынужден признаться, герр Доктор...

Доктор рассмеялся:

– Нет, нет, нет! Эта девушка не лишена привлекательности, но я предпочитаю пышных и светловолосых. Рубенсовских! Или даже вагнеровских!

– Я с вами согласен, герр Доктор.

Чудесно, – подумала Эйс. Мало было того, что меня считали подстилкой Доктора, так теперь я даже до этого уровня

не дотягиваю! Ей совсем не сложно было бросить на Доктора полный ненависти взгляд, о котором они договорились заранее.

– Нет, эта девушка тут по совсем другой причине, – продолжал Доктор. – Её отец был знаменитостью в британском подполье, ещё в самом начале. Сейчас он на перевоспитании в концентрационном лагере Заксхаузен. Её мать погибла в самом начале войны, и всё свое детство она путешествовала с отцом. Она прекрасно знает его контакты и сообщников. Она может нам помочь искоренить последние остатки этих преступников.

Эйс поняла, что Хеммингс смотрит на неё уже совсем иначе, скорее как тигр, наблюдающий за упитанным оленем. Теперь она была его потенциальной жертвой, его мясом, и у неё мурашки по коже бегали от его взгляда. У неё появились сомнения в плане Доктора. Он собирался отдать её во власть лейтенанта Хеммингса. Разумеется, с инструкциями не причинять ей вред. Но можно ли доверять тигру, оставленному один на один с оленем?

– Понятно, – медленно сказал Хеммингс. – Как интересно. И она согласна сотрудничать?

Доктор холодно улыбнулся:

– Её отец уже не молодой человек, а курс перевоспитания довольно суров. Она прекрасно понимает, что его выживание, не говоря уже о его освобождении, зависят от её сотрудничества.

– Классический метод, герр Доктор. Позвольте вас поздравить.

Доктор скромно пожал плечами:

– Думаю, будет лучше всего, если я сразу поеду в музей Рейха один, а вы останетесь тут с ней.

Хеммингс озадаченно переспросил:

– Простите, герр Доктор, я не совсем понимаю, что вы хотите, чтобы я сделал?

– Что сделал? – спросил Доктор с наигранным удивлением.

– Мой дорогой лейтенант, она изменница, подозреваемая в связях с подпольем. Я хочу, чтобы вы её арестовали и допросили!

Когда в его дверь забарабанил посыльный из ближайшего штаба Freikorps, смотритель приготовился к смерти. Он против Рейха совершил лишь небольшое преступление – помог пытавшемуся сбежать художнику-еврею, продав часть его семейных драгоценностей – но даже мелкие преступления означали депортацию или смерть. Хотя смотритель был старым и больным, он не хотел умирать. Он боялся не столько смерти, сколько оставить на произвол судьбы то, что осталось от его любимого музея. В те дни, когда музей Рейха ещё назывался Британским Музеем, он был профессором и старшим куратором. Теперь, когда музей был закрыт, он был скромным смотрителем, но он был там, был там каждый день. Теперь этому всему конец.

Высокий худой старик с редкими седыми волосами, он быстро оделся, не желая, чтобы его выволокли в ночной рубашке, и пошёл вниз по лестнице. Он открыл дверь и оказался лицом к лицу с обычным громилой из Freikorps. Тот

сидел верхом на мотоцикле, на котором подъехал до самой входной двери.

— Я готов, — сказал смотритель, стараясь сохранить достоинство. Ему хотелось, чтобы его колени перестали дрожать.

Посыльный из Freikorps вытаращил глаза:

— Ты ещё даже не знаешь, зачем я приехал, старый дурак!

— Но ведь... — смотритель замолчал. — Я готов делать то, ради чего вы приехали.

— Да уж, постарайся. Какая-то большая шишка из штаба Freikorps хочет порыться в военных архивах. Тотчас отправляйся в музей встречать его. И моли о пощаде, если ему придётся тебя ждать.

Ревя двигателем, посыльный уехал.

Произнося про себя благодарственную молитву, смотритель сходил за ключами и выкатил из коридора свой древний велосипед. Крутя педали по безлюдным улицам разрушенного Блумсбери, смотритель говорил сам себе, что это ещё не значит, что у него нет проблем. Если посетитель доберётся туда раньше него... Высокие чины Рейха не привыкли к тому, что их заставляют ждать, и жалоба разгневанного важного лица вполне могла стать для него концом.

Свернув на Музейную улицу, он увидел припаркованный напротив входа в музей чёрный лимузин. Он крутил педали изо всех сил, слез с велосипеда возле входа и, тяжело дыша, облокотил его на колонну.

В тот же миг шофёр лимузина – ещё один громила из Freikorps – выпрыгнул из машины и начал на него орать:

– Ты опоздал, свинья старая. Я доложу об этом! Герру Доктору пришлось ждать. И это ты называешь уважением к чиновникам Рейха? – он занёс кулак, и куратор сжался, ожидая неизбежного удара.

– Минуточку! – раздался позади них голос. Невысокий темноволосый мужчина в кожаном пальто и чёрной шляпе вышел из машины. Холодными серыми глазами он посмотрел на шофёра: – Вы!

Громила стал по стойке смирно:

– Герр Доктор?

– Кто вам разрешил говорить?

– Но, герр Доктор...

– Молчать! Сядьте в машину и ждите моего возвращения.

– Слушаюсь, герр Доктор. Позвольте узнать, как долго...

– Не позволю! Но если по моему возвращению вы не будете сидеть за рулём, то я о вас доложу.

– Так точно, герр Доктор.

Шофёр забежал обратно в машину, сел за руль, выпрямился, и уставился вперёд.

Мужчина по имени Доктор подошёл и коснулся руки дрожащего куратора.

– Никаких проблем, – мягко сказал он. – Мы прибыли почти одновременно, жалобы не будет. Пройдёмте вовнутрь?

Вынув огромную связку ключей, старик отпер дверь. Его руки так дрожали, что ему тяжело было попасть ключом в замок.

– Вы очень добры, герр Доктор. Я бы не хотел лишиться привилегии работы в Музее, хотя он сейчас и закрыт... – он закатил свой велосипед в фойе и запер дверь. – Идёмте за мной, Доктор. Военные архивы находятся в дальней части здания, нам нужно пройти по галереям.

Он повёл Доктора вверх по лестнице и через первую галерею. Смотритель заметил, что посетитель оглядывается по сторонам с явным удивлением. Огромная галерея, как и последующие галереи, была почти пуста. Там, где раньше были картины, статуи, гобелены, сейчас не было ничего. Голые стены, пустые постаменты, и гулкая тишина, в которой разносилось эхо их шагов.

– Теперь я понимаю, почему Музей закрыт для публики, – сухо сказал посетитель.

– Боюсь, публике тут почти не на что смотреть. Большая часть экспонатов сейчас в Берлине. Маршал Геринг лично следил за их изъятием.

Посетитель кивнул:

– Да, он всегда был увлечённым коллекционером...

Смотрителя удивило явное удивление этого человека. Естественно, музей был выпотрошен. Национальная Галерея и все остальные музеи и художественные галереи также были опустошены, их культурные сокровища были отправлены в Музей Адольфа Гитлера в Новом Берлине.

Он провёл посетителя к пыльным кабинетам в задней части здания.

– Когда архив музея увезли в Берлин, здесь какое-то время размещалось Бюро Военных архивов. Сейчас Бюро уже закрыто, но документы всё ещё не перевезли. Какой период вас интересует?

– От начала войны до сегодняшнего дня.

– В таком случае, наверное, вот в этой комнате... – он завёл посетителя в длинную, пыльную комнату, уставленную шкафами с папками. – Все документы расположены по порядку, начиная с вот этого шкафа. Вам чем-то ещё помочь?

– Нет, спасибо. Вы очень добры.

Куратор побрёл прочь. Какой странный человек, – подумал он. Самый вежливый нацист, которых доводилось видеть. Даже не верится...

Оставшись один, Доктор подошёл к шкафу, вынул одну из папок и раскрыл её. В ней было полно карт и военных докладов. Он начал читать.

Начало событий шло по знакомому руслу. Всё началось в 1939 году. После продолжительной серии не встретивших серьёзных возражений «аншлюссов» Рейнской области, Австрии, и Чехословакии, которую нацистские историки называли «вдохновлённое Фюрером славное объединение законных наследий Рейха», Адольф Гитлер напал на Польшу, страну, чью безопасность неосмотрительно гарантировала Великобритания.

К явному сожалению историка, британцы решили соблюсти свои обязательства и потребовали от Гитлера уйти. Он должен был отвести свои войска, или же они объявят ему войну. Гитлер был абсолютно уверен, что британцы не станут воевать из-за Польши, и ошибся. В сентябре 1939 года началась война. Армии Гитлера с поразительной скоростью пронеслись по Европе в Блицкриге – молниеносной войне, британцы и французы были вынуждены отступать.

Пока что всё знакомо, – подумал Доктор. История была такой, какой он её знал, какой она должна была быть. Но где-то что-то изменилось. Вопрос был в том, где, как, и почему?

Он открыл другую папку.

Хеммингс и Эйс были в комнате для допросов. Это был ещё один подвал с бетонными стенами, в центре стоял стол, а с потолка свешивалась мощная лампа. Стол был привинчен к полу, и в нём были странные углубления с тёмными пятнами. На потолке был крюк, а в углу были ванна и раковина.

Они сидели по разные стороны стола на жёстких деревянных стульях. Хеммингс курил сигарету и вертел в руках хлыст. Как неоригинально, – подумала Эйс. Зловещая комната и мужчина с хлыстом, одетый в чёрную униформу – она это видела в сотнях старых кинофильмов. Но ей всё равно было не по себе. Как там когда-то сказал Доктор? «Не смотри на клише свысока, Эйс. Единственная причина того, что они становятся клише, состоит в том, что они работают».

Внезапно Эйс поняла, что ей страшно. Нужно перехватить инициативу, – подумала она. – Взять на себя контроль, как это делает Доктор.

– Долго мне ещё ждать? – громко спросила она.

Хеммингс ударил хлыстом по столу:

– Это я решать буду!

– Вы слышали приказы герра Доктора, – дерзко сказала Эйс. – Я должна быть арестована, задержана на какое-то время, как будто меня допрашивают, а затем отпущена с другими задержанными, чтобы я могла связаться с подпольем.

Хеммингс улыбнулся.

– «Как будто» допрашивают, – мягко сказал он. – Но насколько «как будто», вот в чём вопрос, – он говорил мягким, мечтательным шёпотом, словно в трансе. – Может быть, мне следует подвергнуть вас полной программе? Начать можно с порки. О, это будет в полном соответствии с инструкцией. Стандартное количество ударов в присутствии врача... на всякий случай. Даже официальные бланки будут заполнены, – он кивнул на стоявшую в углу ванну: – Водные процедуры обычно очень успешны. Погружаем голову и держим, пока лёгкие не готовы взорваться, затем вынимаем... и снова под воду... – он указал на крюк в потолке. – Или, к примеру, «карусель». Руки связываются за спиной, подвешиваем за запястья, и крутим туда-сюда. Последствия могут оказаться неизлечимыми. Некоторые потом никогда не могут больше выпрямиться.

Сделав глубокую затяжку, он посмотрел на горящий кончик сигареты:

– Даже простая сигарета, если её приложить к нужному месту...

Да он псих, – подумала Эйс, – настоящий извращенец, а я в его власти. Огромным усилием она подавила дрожь в голосе.

– Слушай, ты, садист. Это всё понарошку. Я не – повторяю – НЕ настоящая пленница. Ты слышал приказ герра Доктора. Если ты его нарушишь, или перестараяешься, то очень, очень пожалеешь.

Хеммингс долго и глубоко вздохнул:

– Да. Да, конечно. Какая жалость. Может быть, в другой раз.

– Другое дело, – сказала Эйс. – Я вижу, что ты обожаешь свою работу, но надо держать себя в руках.

Он нагнулся к ней через стол, сверкая глазами:

– Но я не думаю, что мы можем выпустить тебя с допроса без единой царапины. Это было бы абсолютно неубедительно.

Хеммингс наотмашь ударил Эйс по лицу, и она упала со стула.

7. СОПРОТИВЛЕНИЕ

В кабинете на верхнем этаже Канцелярии в Новом Берлине Альберт Шпеер, главный архитектор Тысячелетнего Рейха, изучал подборку чертежей. Огромное окно давало вид на перестроенный город с широкими бульварами и колоссальной триумфальной аркой, гигантскими стадионами, административными зданиями и вокзалами. Большой части старого Берлина уже не было, и новый город своими колоссальностью и грандиозностью превосходил Рим и Афины времён их расцвета. Это был город с населением десять миллионов человек, он стоял во главе Германской Империи с её 140 миллионами граждан и бесчисленным множеством рабов.

Шпеер только что вернулся со встречи с самим Фюрером. Он демонстрировал ему проекты нового Дворца Фюрера, который должен был стать высшим достижением Нового Берлина. Он будет в сто пятьдесят раз больше, чем старая Канцелярия Бисмарка. Два миллиона квадратных метров общей площади этажей, восемь огромных приёмных залов, театр, обеденный зал с местами на тысячу человек. Но он всё ещё не был построен, и Фюрер был недоволен. Шпеер вздохнул. За последние пять лет они перестроили большую часть Берлина, и даже ресурсы Германской империи, опирающиеся на бесконечные запасы рабского труда, не могли сделать невозможное.

В кабинет вошёл Мартин Борман. Личный секретарь Гитлера был одним из самых влиятельных людей в Рейхе, и

одним из очень немногих, кто всё ещё мог общаться с Гитлером.

Он вопросительно посмотрел на Шпеера:

– Как прошла ваша встреча?

Архитектор пожал плечами:

– Обычная нетерпеливость. Даже Рим не за один день был построен, но попробуйте сказать об этом Фюреру. Он разозлился.

– Этого я и боялся. Опять был припадок?

– Боюсь, что да. Пришлось вызвать врачей, и я ушёл.

– Его состояние ухудшается, – медленно сказал Борман. – Его постоянное стремление что-то делать, внезапные приступы. Победа в войне не дала ему покоя, он теперь стал ещё беспокойнее, чем раньше. Иногда мне кажется, что он истощит себя.

Шпеер промолчал. У него в ушах всё ещё звучал голос Фюрера, энергичный и кричащий; его всё ещё преследовало то, что он увидел в ярко-голубых глазах Гитлера, или даже за ними. Что-то запертое, разочарованное, бушующее... что-то не совсем человеческое.

Удар Хеммингса пришёлся Эйс между носом и верхней губой. Это было ужасно больно, и из носа тут же хлынула кровь. Она свалилась со стула, перекатилась через плечо, вскочила на ноги, и бросилась на Хеммингса, пытаясь достать руками его лицо. Хеммингс удивлённо отпрянул от неё, выставив для защиты руки. Придя в себя, он схватил её за

предплечья, больно вонзив стальные пальцы в её кожу, и сильно встряхнул её. Её голова дёрнулась назад и вперёд, забрызгав кровью из носа его униформу. Брезгливо прорычав, он толкнул её в угол. Она налетела на стену и сползла по ней на пол.

Тяжело дыша, Хеммингс посмотрел на неё. Нос и губа у неё распухли, всё лицо и большая часть футболки были залиты кровью.

– Да, так гораздо убедительнее, – сказал он и нажал кнопку звонка у двери.

Почти мгновенно дверь открылась, и появились двое громил из Freikorps.

– Оправдана после предварительного допроса, – сказал Хеммингс. – Отправьте вместе с остальными на освобождение.

Оба солдата не проявили ни удивления, ни даже интереса к внешнему виду Эйс. Они просто схватили её под руки и подняли на ноги. Словно они за мусором пришли, – подумала Эйс; – впрочем, учитывая моё состояние...

Они вытолкали её по коридору в комнату ожидания, где несколько людей сидели, сгрудившись, на деревянных скамьях, стоявших вдоль стен. Среди них были растерянный седой старик, две худые подавленные девушки, очень толстая женщина, одетая в бесформенное рваньё, и коренастый рабочий с фингалом под глазом и избитым лицом. Когда завели Эйс, они посмотрели на неё без особого интереса. Она опустилась на скамью рядом с толстой женщиной, которая ей по-дружески улыбнулась:

– Что, досталось тебе от них?

– Ничего страшного, – сказала Эйс, утирая с носа последние несколько капель крови.

К её собственному удивлению, она поняла, что говорит правду. Нос и верхняя губа у неё всё ещё болели, но боль постепенно проходила. Может быть, выглядит она из-за крови и страшно, но пострадала она не так уж сильно. Вынув из кармана грязный носовой платок, она плюнула на него и попыталась протереть лицо. В конце концов, – подумала она, – всего-то разок ударили, и кровь из носа пошла. В детском саду и то хуже бывало.

Она уселась и стала ждать.

Доктор сидел в окружении разбросанных папок. Он изучал начала Второй Мировой войны, неожиданное объявление войны Британией, молниеносный Блицкриг, поражение французского Сопротивления. Он отслеживал события вплоть до известного чуда Дюнкерка, спасения потрёпанных остатков Британской Армии, переправленных на ожидавшие их эсминцы печально известного флота малых кораблей.

Чудо не произошло.

В лежащих перед ним жёлто-коричневых папках Доктор нашёл другую историю. Он читал о том, что немецкие танки продолжили наступление, чтобы захватить порт Дюнкерк, о безнадёжном последнем сражении и, в конечном итоге, о неизбежной капитуляции остатков Британской Армии. Он прочёл о великой победе Люфтваффе Геринга в Битве за

Британию, о разгроме и поражении Королевских ВВС. Отдельные похвалы уделялись гуманному и мудрому решению Фюрера сосредоточить бомбардировки на аэродромах и местах размещения радиолокаторов, а не на самом Лондоне.

Наконец, со всё нарастающим удивлением он прочёл об успешном завершении операции «Морской Лев», плана Гитлера по вторжению на территорию Великобритании и её завоеванию, о странных штормах, потопивших большую часть Британского Военно-Морского Флота, и о не менее странной хорошей погоде, установившейся во время пересечения Ла-Манша гитлеровскими войсками. Их высадка почти не встретила сопротивления, и вскоре танковые колонны ломились в сторону Лондона.

Доктор откинулся на спинку стула, уставившись в пространство... во время. Как шахматист, сражающийся заочно с невидимым противником, он попытался нащупать ход мыслей своего врага.

Дюнкерк был поворотной точкой. Но наверняка и Дюнкерк, и последовавшее завоевание Британии были лишь кульминацией долгосрочного плана, медленно горевшего бикфордова шнура, спрятанного глубоко в нацистской истории. Он подумал о невероятном взлёте Гитлера из неизвестности. Семена зла были посеяны там.

Внезапно Доктор почувствовал реакцию на свои мысли. Было такое ощущение, что то, что он пытался нащупать, пыталось нащупать его. А затем последовал шок от узнавания.

– Ты! – прогремел в его голове голос. – Добро пожаловать, Доктор. Я надеялась, что мы снова встретимся.

Бушующий вихрь яростных эмоций промчался в сознании Доктора, эмоций, которые он отчаянно пытался контролировать, проанализировать. Сильнее всех была исступлённая, безумная ярость, но был также и страх, и ощущение беспомощности. А не было ли там скрытой тоски, мольбы?

Словно подстёгнутый мыслями Доктора, вихрь психической энергии пронёсся по комнате архива, разбрасывая бумаги, стулья, столы, подняв в воздух самого Доктора.

Буря улеглась так же неожиданно, как и началась; Доктор со стуком упал на пол, ударившись головой об металлический шкаф. Лёжа посреди опустошённой комнаты, Доктор слабеющим сознанием слышал металлический, нечеловеческий смех. Смех Иштар. Он почувствовал запах серы... Это было неправильно, – с трудом думал он. Совсем не правильно. Это всё-таки Времяточец...

Эйс и других заключённых везли в кузове грузовика Freikorps по ухабистым улицам. В кузове с ними сидел охранник – прыщавый коротко-стриженный парень в чёрно-коричневой, плохо сидящей на нём униформе Freikorps. В руках у него была винтовка с пристёгнутым штыком.

Эйс повернулась к сидевшему рядом с ней рабочему:

– Что происходит? Разве они нас не отпускают?

– Отпускают, дорогуша. Во всяком случае, я на это надеюсь.

– Тогда почему они нас просто не отпустили?

Он изобразил на лице ужас:

– В таком шикарном месте, возле отеля «Савой»? Они не хотят, чтобы такие, как мы, портили тут вид, особенно после того, как нас избили. Людской мусор, вот мы кто. Они отвезут нас и выбросят где-нибудь подальше, где никто носом крутить не будет.

– Молчать! Никаких разговоров в кузове! – нервно, высоким голосом сказал охранник.

Заключённые повернулись к нему.

– Заткнись, сынок, – сказал рабочий.

– Что вы сделали? – спросила Эйс.

– Говорят, я выпил лишнего и поссорился с кем-то из Freikorps. Если честно, то я почти ничего не помню. Ужасная вещь, выпивка...

Грузовик резко остановился, и охранник выпрыгнул.

– Приехали, – сказал рабочий. – Выбираемся! – он спрыгнул с кузова. – Ну что, я пошёл похмеляться... если смогу найти паб, в котором ещё осталось пиво.

Он ушёл.

Остальные заключённые, а с ними и Эйс, слезли с грузовика. Эйс огляделась. Они были среди невзрачных улочек, в тени железнодорожного моста. Повернувшись, она увидела толстую женщину, пытавшуюся слезть с грузовика под нетерпеливым взглядом охранника.

– Шевелись давай, у нас мало времени, – сказал он и толкнул её так, что она чуть не упала.

Эйс оттолкнула его и помогла толстой женщине слезть.

– Спасибо, дорогуша, – тяжело выдохнула она, спуская свой вес с кузова.

– Слышь, ты! – сказал хриплый голос. Охранник схватил Эйс за плечо и развернул её лицом к себе. – Тебе что, одного раза мало было? Хочешь вернуться ещё за одной порцией?

Толстая женщина пошла на него, как танк.

– Я бы на твоём месте, сынок, тут не задерживалась. Freikorps тут не очень любят. Они тут иногда исчезают.

– Да? – сказал охранник. – А знаешь, что будет с этим районом, если нас кто-нибудь тронет?

– Прекрасно знаю, – спокойно сказала женщина. – Застрелите пару заложников, взорвёте пару зданий. Мы всё это уже раньше видели. Вот только... тебе это уже ничем не поможет. Ты этого всего уже не увидишь.

В голосе женщины была такая ненависть, что у Эйс кровь стыла в жилах. Охранник, похоже, почувствовал то же самое. Он запрыгнул в кузов, постучал по крыше кабины, и грузовик потарахтел прочь.

– Шавки фашистские! – презрительно сказала женщина.

Эйс вспомнила о том, что она должна была сделать.

– Я ищу кафе под названием «Ма Баркерс»...

Толстая женщина недоверчиво посмотрела на неё:

– А где ты о нём слышала?

– Его мне порекомендовали... вернее, мне и моему другу. Старик на Фестивале сказал, что там делают хороший чай.

– Старик? Что за старик, как его зовут?

– Я не знаю. Седой такой и очень высокий. Велел нам сказать, что нас прислал Попп.

Толстая женщина широко улыбнулась.

– А, ну тогда другое дело. Идём со мной, дорогуша, я тебя проведу. Тут рядом, мне по пути...

Встревоженный шумом ветра, старый смотритель поспешил в комнату архивов. К своему ужасу, он увидел, что в комнате всё разбросано, а посетитель лежит на полу без сознания. На мгновение старик-смотритель замер от ужаса. Если с высокопоставленным нацистом что-то случилось в музее...

Он опустился на колени рядом с телом:

– Герр Доктор! Герр Доктор!

К облегчению смотрителя, Доктор открыл глаза.

– С вами всё в порядке? – с тревогой спросил смотритель.

Потирая затылок, посетитель сел.

– Чудесно, чудесно как никогда!

Он вскочил на ноги, развернулся и, шатаясь, схватился за шкаф, чтобы не упасть.

– Я услышал шум, странный, как будто ветер; пришёл посмотреть, в чём дело, и обнаружил вот это, – смотритель обвёл взглядом кавардак. – Что тут случилось?

– Что-то очень странное.

– На вас напали?

– Думаю, да, некоторым образом.

Смотритель снова испугался.

– Заверяю вас, все двери были хорошо заперты, – бормотал он. – Ни одна живая душа не могла сюда проникнуть.

– Думаю, это была не совсем живая душа, – сказал посетитель и улыбнулся смотрителю. – Что бы это ни было, это не ваша вина. Вы мне очень помогли, я доложу об этом начальству. Давайте наведём тут порядок...

– Ну что вы, я сам, герр Доктор.

– Нет, нет, я настаиваю. Это ведь, неким образом, моя вина.

Смотритель был шокирован тем, что посетитель настоял на том, чтобы помочь с уборкой. Он поднял опрокинувшиеся стулья и столы и вернул их на место, а смотритель тем временем разложил бумаги по папкам, а папки сложил в шкаф.

Когда они закончили, посетитель попрощался и пожал смотрителю руку – тот уже и забыл, что такое бывает.

– Сожалею, что вам так нелегко сейчас, – сказал посетитель.
– Будем надеяться на лучшие времена.

Выйдя из здания Музея, Доктор увидел, что водитель всё ещё неподвижно сидит за рулём. Он выпрыгнул наружу, чтобы открыть перед Доктором дверь лимузина.

– Штаб Freikorps, – резко сказал Доктор.

Водитель снова сел за руль, и машина тронулась.

– Позвольте узнать, успешно ли у герра Доктора прошло утро?

– Не позволю! – холодно сказал Доктор. – Разве что вам очень хочется явиться в гестапо и объяснить причины своего любопытства относительно того, что вас не касается.

Эта фраза надёжно заставила водителя замолкнуть. До конца поездки он не сказал ни слова, что полностью устраивало Доктора. Он размышлял над тем, что с ним произошло, над странной смесью эмоций, которые он так ясно прочувствовал. Безумная, злая, и запертая, – думал он. – Интересно... Его насторожила та лёгкость, с которой чужое сознание внедрилось в его.

Проблема в том, что мы связаны, я и Времяточец. Может быть, она чувствует, где я... Она, возможно, даже знает, о чём я думаю...

Откинувшись на спинку сидения, Доктор начал вспоминать методики защиты сознания, которым в молодости обучался на Галлифрее у отшельника, который жил на вершине горы. Он вспомнил замёрзшие лужи на тропе, ведущей на вершину, и ромашку, которая, казалось, таила в себе тайну бытия. Этими знаниями он давно не пользовался, но всё ещё не растерял.

Он закрыл глаза и очистил сознание.

Когда они подъехали к штабу Freikorps, Доктор улыбнулся, раскрыл глаза, и сел, наполненный новыми силами и устремлениями. В будущем незваные гости или призраки обнаружат, что двери его сознания заперты на засов, ставни закрыты, и включена сигнализация.

Он вышел из автомобиля и направился в украшенное полотнищами со свастиками фойе гостиницы. И снова он

увидел генерала, спускавшегося по лестнице в окружение своей свиты.

Увидев Доктора, тот поспешил к нему:

– А, герр Доктор! Я собираюсь на отложенную экскурсию по Фестивалю. Если, конечно, нет никаких...

Доктор покачал головой:

– Вы можете ехать.

Генерал понизил голос:

– Есть прогресс в вашем расследовании?

– Я напал на след, – загадочно сказал Доктор. – Вы не подскажете, где я могу найти лейтенанта Хеммингса? Я надеюсь узнать от него новости о моей ассистентке.

Генерал оглянулся в поиске помощи, и в тот же миг адъютант, один из окружавших его полковников, шагнул вперёд:

– Лейтенант провёл утро допрашивая неких подозреваемых.

– Он ещё тут? – нетерпеливо спросил Доктор.

– Вы с ним только что разминулись, герр Доктор. Буквально только что он взял взвод солдат, чтобы совершить облаву на место, подозреваемое как штаб подполья, – с некоторым отвращением полковник добавил: – Заведение, известное как «Кафе Ма Баркер».

8. ПОПАЛАСЬ

– Вот мы и пришли, дорогуша, – сказала толстая женщина.

Она провела Эйс по лабиринту кривых переулков, и теперь они стояли возле небольшого бедного кафе. Его в своё время построили, перегородив стеной с окном и дверью бывший железнодорожный виадук.

Всё пропахло ветхостью и разрухой. Краска, когда-то ярко-зелёная, потрескалась и отслаивалась, гардины на закопчённых окнах были грязные и рваные. Над дверью была вывеска, красивые буквы в потрескавшейся золотой краске гласили: УЮТНОЕ КАФЕ: Г. БАРКЕР

Толстая женщина увидела, что Эйс смотрит на вывеску.

– Это «Г» – мой Гарри, – сказала она. – Его схватили с остальными под Дюнкерком, больше я его не видела. Я на всякий случай продолжаю содержать его. Заходи.

Она завела Эйс в мрачную комнату с арочным потолком, похожую на отрезок тоннеля. Большую часть комнаты занимали расшатанные деревянные стулья и столы, а в дальнем конце была барная стойка. Внутри было тепло, уютно, и почему-то чувствовалась защищённость.

За стойкой было видно нагретый титан, а рядом с ним стоял высокий старик с седыми волосами. Он грязной тряпкой протирал стойку и показался Эйс знакомым.

– Привет, Ма, – крикнул он. – Что, тебя отпустили?

– Попалась в одну из случайных облав Freikorps. Просто всё те же рутинные проверки. Снова поймали всё тех же. Не знаю, зачем они время на это тратят.

Эйс замерла:

– Минуточку, – она повернулась к толстой женщине. – Так вы и есть Ма Баркер, а это ваше кафе?

– Точно, дорогуша.

– Вы владелица заведения, которое я искала, и мы оказались в одном грузовике?

– Жизнь полна небольших совпадений, дорогуша, – спокойно сказала Ма Баркер.

– Да? Для меня это слишком большое совпадение, – сказала Эйс. – Думаю, мне лучше уйти.

– О, я так не думаю, дорогуша, – сказала Ма Баркер. – Ты не уйдёшь, пока мы не поговорим. Правда, Попп?

– Боюсь, юная леди, о вашем уходе и речи быть не может, – сказал старик.

Его голос изменился, а в руке появился огромный револьвер.

Ма Баркер в раскачку прошла к двери, заперла её, перевернула табличку с надписью «ЗАКРЫТО», и подтолкнула Эйс в сторону стойки.

– Налей девушке чаю, Попп. И нам с тобой тоже налей.

Старик налил в три толстые фарфоровые чашки чаю и кивнул на стоявшую на стойке жестяную сахарницу. Рядом с ней лежала облепленная сахаром ложка, цепочкой прикреплённая к стойке.

Эйс попробовала чай. Он был горячий, крепкий, и действительно имел вкус чая.

Ма Баркер шумно хлебнула чай.

– Бутербродов нет каких-нибудь?

– У меня под стойкой есть настоящее масло и хорошая ветчина, – сказал Попп. – Они выпали из грузовика Freikorps.

Он вынул из-под стойки кусок ветчины, длинный тонкий нож, буханку хлеба, и пакет масла. Револьвер он положил в пределах досягаемости – своей, а не Эйс – достал из ящика нож для хлеба и начал отрезать ломти.

Ма Баркер взяла длинный нож и начала нарезать ветчину.

– Ну что, дорогуша, – сказала она. – Кто ты такая и что тебе тут нужно?

Эйс кивнула на старика:

– Вы меня сюда пригласили... на Фестивале. Вы красили какую-то оградку, которая и так была покрашена.

– Я твоего друга пригласил, – сказал Попп. – Невысокого такого, в смешной шляпе. Почему его нет?

– Он занят, – сказала Эйс. – Поэтому послал меня.

– А зачем он тебя прислал?

Эйс попыталась вспомнить инструктаж Доктора. Толку от этого было не много.

«Просто поговори с ними, Эйс», – сказал он. «Нельзя им рассказывать кто мы и откуда, они всё равно не поверят. Нельзя рассказывать о том, что нам на самом деле нужно, в это они тоже не поверят. Просто скажи, что мы хотим помочь. Узнай всё, что сможешь, о том, что тут происходит, начиная с начала

войны, с поражения Англии. Посмотри, не сможешь ли найти какие-нибудь намёки на вездомное вмешательство... на что-нибудь, похожее на Времяточца». После небольшой паузы он добавил: «И не давай им нитро-9».

Эйс сообразила, что Попп и Ма Баркер выжидающе смотрят на неё. Она посмотрела на пистолет рядом с Поппом, на длинный нож в руках у Ма Баркер, и поняла, что от её слов зависит её жизнь.

— Мы с Доктором прибыли издалека, — сказала она. — Не спрашивайте, откуда, я не могу ответить.

— Из Америки? — спросил Попп. — У нас в стране таких синих будок не делали.

— Из Канады? — предположила Ма Баркер. — Правительство в изгнании?

— Да какая разница? — сказала Эйс. — Поверьте, вам это не нужно знать, — почувствовав внезапное вдохновение, она добавила: — А то, чего вы не знаете, вас не смогут заставить рассказать.

К её облегчению, слушатели кивнули, соглашаясь.

— Мы явились сюда, чтобы узнать, не можем ли мы вам помочь, — продолжала она. — Но для этого нам нужно знать о том, что тут происходило с начала войны.

Они недоверчиво смотрели на неё и молчали.

— Послушайте, — отчаянно сказала Эйс. — Я ведь не прошу выдавать никакие секреты. Я не хочу знать ничего из того, что нацисты не знают — ни имён, ни явки. Мне просто нужно знать

об обычной жизни тут. Всё то, что вы знаете, а мы не знаем, потому что вы тут были, а мы – нет.

Попп и Ма Баркер переглянулись.

– Не вижу в этом вреда, – сказала Ма Баркер.

Попп сказал:

– Почему бы и нет... а там посмотрим.

Они начали рассказывать. Они рассказали о молниеносном завоевании, о немецких войсках в Уайтхолле, появившихся там раньше, чем кто-то успел понять, что происходит.

– Вскоре после этого был подписан Англо-Германский Договор, – сказал Попп. – Просто вычурное название для капитуляции.

– А потом они вернули его на трон, – сказала Ма Баркер. – И её, эту американку, к которой он убежал! – она фыркнула: – Королева Уоллис!

– Продолжайте, – сказала Эйс. – Что было дальше?

А дальше начались аресты всех, кто представлял собой хотя бы гипотетическую угрозу Рейху.

– Госслужащие, бывшие офицеры, активисты профсоюзов, адвокаты, не успевшие сбежать члены Парламента, – сказал Попп. – Чёрные списки у них были готовы – замели почти всех.

– А что случилось с евреями, можешь сама догадаться, – сказала Ма Баркер. – И с цыганами, с инвалидами, и со всеми теми, кого они считали бесполезными.

Затем начались массовые депортации.

– «Добровольная Рабочая Сила», – сказала Ма Баркер. – Добровольная – обхохочешься.

– Всех трудоспособных мужчин от семнадцати до сорока-пяти собрали и увезли, – сказал Попп.

Эйс вспомнила, что кроме оккупантов и их приспешников они с Доктором видели только женщин, детей, и стариков.

– Что с ними случилось?

– Отправили на Континент – рабский труд, – сказал Попп. – Они укрепляют «Крепость Европа», помогают строить Новый Берлин. Работают до смерти, насколько я слышал. Как бы там ни было, никто не вернулся.

– Женщин тоже, – сказала Ма Баркер. – Правда, только голубоглазых блондинок. Их отправляли в Расовые Центры рожать детей от эсэсовских ублюдков. Они хотят воспитать этих детей в Германии и отправить их обратно сюда, когда из них вырастут хорошие нацисты.

– Почти всё, что имело ценность, было отправлено в Германию. Культурные ценности, промышленное оборудование, всё. Оставили нищую, пустую страну стариков, большая часть которых живут впроголодь и выполняют непосильную работу. Когда они перебьют нас всех, они заселят это место хорошими чистокровными арийцами. Английского народа больше не будет.

– А вы тогда как? – спросила Эйс. – Вы, похоже, как-то держитесь.

– Делаем что можем, дорогуша, – сказала Ма Баркер. – Немного воровства, немного саботажа.

– Немного сброшенных в реку нацистских чиновников? – предположила Эйс.

Попп отрезал длинным ножом ещё один кусок ветчины.

– Нам подсказали, что прибывает какая-то нацистская шишка, чтобы прикрутить гайки. И мы подумали, что неплохо будет ему помешать.

– То есть, убить его.

– Это не убийство, это война, – сказал Попп.

– Но вы не военный.

– Я военный, – сменив голос, сказал Попп. – Я майор Британской Армии... был им, пока была Британская Армия. Я был в одном из вспомогательных подразделений полковника Габбинса, которым приказали уйти после захвата в подполье. Я никогда не сдавался. Как по мне, война ещё не закончилась.

Он дал Эйс бутерброд с ветчиной. Она молча жевала, думая о том, будет ли Доктору от этих сведений хоть какая-то польза.

– А не происходило ли во время войны чего-то странного, необычного?

Попп удивился:

– Я бы не сказал. Было сражение, мы его проиграли. Как только Армия была взята во Франции в плен, нам было почти нечем воевать.

– И больше ничего не было?

Он нахмурился:

– Я не совсем понимаю, о чём ты.

– Я тоже, – призналась Эйс. – Просто, мне было велено узнать обо всё странном, необычном.

– А как насчёт чёрной магии? – спросила Ма Баркер.

Поп фыркнул:

– Суеверная ерунда.

– Расскажите, – сказала Эйс.

Ма Баркер понизила голос:

– Примерно во время завоевания, некоторые говорили, что Гитлера нельзя победить, потому что на его стороне сам дьявол. Что на него работают чёрные маги. Они создали эти аномальные штормы, которые потопили Флот, и обеспечили хорошую погоду во время завоевания, сглазили наших лидеров, и всё такое. Они назвались «Чёрный Ковен».

– Это всё только слухи, – настаивал Попп. – Они же быстро затихли, разве не так?

– Только потому, что их подавили!

– Кто подавил? – спросила Эйс.

– Они, гады. Любое упоминание «Чёрного Ковена» считается подрывной деятельностью, наказание – смерть. Не удивительно, что о них перестали говорить! – более низким и зловещим голосом Ма Баркер добавила: – Они до сих пор должны быть в Германии, помогают Гитлеру, рассказывают о том, как завоевать мир. Они живут где-то в большом замке, у них там чёрные ритуалы, людей приносят в жертву! Но, как сказал Попп, мы не должны этого знать, и нам нельзя об этом говорить!

– Значит, нацисты до сих пор воспринимают эти рассказы всерьёз?

– Они не хотят, чтобы группе шаманов в чёрных балахонах досталась вся слава, – сказал Попп. – Знаешь, они всегда были

суеверными. У Гитлера много лет был личный астролог, и Гиммлер такой же.

Кто-то постучал в дверь.

Попп схватил револьвер, держа его так, чтобы из-за стойки не было видно. Ма Баркер схватила длинный нож. Она подошла к двери и выглянула в стеклянную панель.

– Всё в порядке, это старина Арни.

Она открыла дверь, и внутрь воровато проскользнул невысокий мужчина. Ма Баркер прикрыла дверь и снова заперла её.

– Я пришёл предупредить вас, – сказал мужчина. – В этом районе запланирована крупная операция Freikorps... – он замолк, уставившись на Эйс. – Что она тут делает?

– Долгая история, – сказала Ма Баркер.

– История окажется чертовски короткой, если вы от неё не избавитесь, – отрезал мужчина. – Она из Freikorps. Я буквально вчера видел, как она и её приятель разъезжали в одном из лимузинов.

Эйс почувствовала возле своего горла холодную сталь ножа Ма Баркер.

9. ОБЛАВА

Сидя рядом с водителем в кабине грузовика Freikorps, лейтенант Хеммингс проверил магазин своего «Люггера». Он задвинул магазин обратно в рукоять пистолета и вспомнил о том, как эта девушка унизила его в кабинете генерала. На лице Хеммингса появилась садистская улыбка. Для сидящих в кузове солдат это была просто ещё одна облава, но для Хеммингса это была сладкая месть.

Его небольшой шахматный этюд себя оправдал, и он собирался сделать победный ход. Скоро девушка окажется в его руках, в этот раз навсегда. А как только девушка заговорит, он схватит и Доктора тоже.

Хеммингс заменил у себя на лацкане пятнышко, и потёр его, посплюнявив палец. Кончик пальца стал розовым. Пятно было кровью – кровью Эйс.

Он облизал палец и улыбнулся.

Попп повернулся к Ма Баркер:

– Как так получилось, что ты её сюда привела?

– Её выпустили вместе со мной, мы были в одном грузовике, – Ма Баркер коснулась распухшей губы Эйс. – Ушибы настоящие, кровь тоже.

Попп покачал головой:

– Это ничего не доказывает. Любой хороший шпион подставится под пару ударов ради большей убедительности.

– Старый фокус с избитым заключённым, – сказала Ма Баркер. – И я на него купилась.

Невысокий мужчина бросился к двери и выглянул сквозь стеклянную панель.

– Она подставная! Я бы на вашем месте прямо сейчас ей горло перерезал. Нужно будет избавиться от тела до того, как они сюда явятся.

В его суетливых, как у мыши, движениях было что-то странно знакомое, и вдруг Эйс вспомнила, где она его видела.

– Минуточку... Это не я работаю на Freikorps, а ты, – не обращая внимания на нож, она возмущённо повернулась к Ма Баркер: – Это человек, который сдал нас – меня и Доктора. Он подслушал наш разговор в одном из тех павильонов, и продал нас ради награды.

Эйс говорила с такой уверенностью, что никто не усомнился в её словах. Ма Баркер по-прежнему держала нож у её горла, но револьвер Поппа внезапно оказался нацеленным на похожего на мышь мужчину.

– Итак, Арни? – мягко сказал Попп.

Мужчина смотрел то на Ма, то на Поппа, облизывая пересохшие губы.

– Ладно, что такого, если так всё и было? – дерзко сказал он. Он повернулся к Поппу: – Слушай, ты же знаешь, в каком я положении. Я поддерживаю хорошие отношения с Freikorps и оккупационными властями, поэтому могу сообщать вам о том, что происходит. Предупреждать об облавах, и другое... вот как сейчас.

Попп молчал. Молчала и Ма Баркер.

Мужчина сглотнул и продолжил:

– А для того, чтобы быть с ними в хороших отношениях, я должен время от времени что-то им сдавать. Какие-нибудь ненужные сведения, сообщения о том, чего вы не будете делать. Это помогает отвлечь их внимание на других людей. И если есть настоящий предатель, угроза для вас... ну, я могу подбросить какие-то улики и сообщить им.

Он выжидающе посмотрел на них.

– Это всё хорошо, дорогуша, – сказала Ма Баркер. – Но ведь всё это нужно согласовывать с нами, так? Каждую мелочь, которую ты им сливаешь, каждого человека, которого сдаёшь – вначале об этом должны знать мы. И что-то я не помню, чтобы давала согласие на сдачу этой девушки и её приятеля. А ты, Попп?

– Я тоже не давал, Ма, – дуло его револьвера всё ещё было направлено на мужчину.

– Я проявил инициативу, – сказал Арни.

Попп покачал головой:

– Инициатива может быть опасна, Арни. Правда, Ма?

– Это точно, – сказала Ма. – Только начни сдавать людей без отчёта, и быстро к этому привыкаешь.

– Начнёшь думать обо мне и Ма, – сказал Попп. – О том, сколько можешь им о нас рассказать, и сколько тебе за это заплатят.

Арни выглядел таким перепуганным, что Эйс было почти жалко его.

– Ну поймите, – отчаянно говорил он. – Я услышал, как эти двое трепали языком на Фестивале, создавая этим опасность и себе, и всем вокруг. Я знал, что они не местные, и подумал...

– И подумал, а не получить ли награду, – сказала Эйс. – Вы что, не понимаете, что мы прибыли сюда помочь вам?

– Вы? Помочь нам? – сказал Арни. Он снова обратился к Ма Баркер и Поппу: – Этот её малыш-приятель, он ни капли не испугался, когда они его повязали. Он почти командовал ими. А вскоре после этого он разъезжал на лимузине Freikorps, с водителем из Freikorps... и она с ним была!

Теперь все смотрели на Эйс.

– Ну, в этом есть доля правды, – сказала Эйс. Нож прижался к её горлу. – Но я могу объяснить, – торопливо сказала она.

– Объяснение должно быть очень хорошим, дорогуша, – сказала Ма Баркер.

Эйс посмотрела на Поппа:

– Помните того человека, с которым случился несчастный случай у реки, когда мы только прибыли? Мы с Доктором были рядом с ним, после вас, но раньше солдат. Перед смертью он дал Доктору чёрный кожаный бумажник, с золотой свастикой внутри. Там говорилось, что он какой-то инспектор... только по-немецки.

– Reichsinspektor-General, – тихо сказал Попп. – Личный следователь Гитлера. Может ходить где угодно, встречаться с кем угодно, делать что угодно, и никаких вопросов. Да, это была большая рыба.

– Точно, – сказала Эйс. – И вот, когда нас арестовали, Доктор воспользовался этим бумажником, убедил их, что он и есть этот райхс-как-там-его.

– Ему бы никто не поверил, – сказал Попп.

– Да вы просто не знаете Доктора, – сказала Эйс. – Он дьявольски хорош... Иногда мне кажется, что он и есть дьявол.

– Хочешь сказать, у него получилось?

Эйс кивнула:

– Поверьте, пошло как по маслу. Мы оба живём в штабе Freikorps, и весь этот Freikorps ходит перед Доктором на полусогнутых.

Ма Баркер заметила в её рассказе большой изъян:

– Если вы с приятелем так хорошо устроились в Freikorps, то как ты попала в тот грузовик?

Эйс застонала. Ну вот зачем было плести такую сеть?

– Считается, что мы проводим какое-то загадочное расследование британского движения сопротивления, ясно? Поэтому Доктор наврал им о том, что я вынуждена помогать вас ловить, поэтому мне нужно прикрытие, чтобы найти вас. Я знаю, что это звучит глупо, но если разобраться, то можно увидеть в этом смысл.

– То есть, ты действуешь как двойной агент? – спросил Попп.

– Верно, – сказала Эйс. – Именно так.

– Не люблю двойных агентов, – сказал Попп. – Они начинают путаться, забывают на чьей они стороне.

– Как Арни, – сказала Ма.

Попп сказал:

– Что думаешь, Ма? Сдаётся мне, что они друг друга стоят. Либо мы отпускаем их обоих...

– Либо обоих убиваем, – весело сказала Ма.

– Так, конечно, безопаснее, – сказал Попп.

– Бережённого бог бережёт, – сказала Ма. – А жаль. Она, похоже, хорошая девочка.

Нож снова был у горла Эйс. Попп навёл пистолет на мужчину.

– Мне будет тебя не хватать, Арни, – сказал он, в очередной раз внезапно заговорив с акцентом аристократа. – Не обижайся, ладно?

Внезапно снаружи донёлся рёв двигателей. За грязными окнами Эйс различила несколько грузовиков, из которых выпрыгивали вооружённые люди.

– Теперь уже всем нам поздно что-то делать, – горько сказал Арни. – Я же говорил вам, что тут что-то планируется. Это облава!

Снаружи раздался усиленный мегафоном голос:

– Это отряд британских Freikorps. Вы окружены. Оставайтесь все на местах. При попытке бегства мы будем стрелять.

Хеммингс спрыгнул на землю и посмотрел, как разворачивается его отряд Freikorps. Такие операции они проводили уже много раз. Кто-то уже привычно оббегал кафе

сзади, другие поднимались на соседние здания, чтобы перекрыть отход по крышам.

Сержант Хеммингса, коренастый человек со следами побоев на лице, подбежал и отдал салют.

– Цель окружена, сэр.

– Продолжайте.

Сержант кивнул капралу, тот подбежал к двери кафе, пинком ноги распахнул её, и навёл на тех, кто был внутри, пистолет-пулемёт «Стен». Хеммингс зашёл вовнутрь. Его глазам предстала мирная невинная сцена. Девушка и мужчина сидели за столом и пили чай. Толстая пожилая женщина протирала стойку, а высокий старик нарезал неприятного вида говядину.

– Хотите чаю и перекусить, сэр? – приветливо спросила пожилая женщина. – У нас только эрзац говядины, но на неё можно побольше горчицы намазать. Горчица, правда, тоже эрзац...

– Документы! – перебил её капрал.

– Не тратьте время, – растягивая слова, сказал Хеммингс. – Эти дамы и господа поедут с нами в штаб. Подождите снаружи, капрал. Да, и пришлите сюда сержанта.

Капрал отдал салют и вышел.

Хеммингс осмотрел кафе.

– Вот так, так! Какое счастливое воссоединение! А вот и ещё один старый друг.

Зашёл сержант с разбитым лицом и отдал честь.

– Вот она, сэр, – сказал он, указывая на Эйс. – Она присоединилась к этой женщине, как только мы вылезли из грузовика. Я сказал, что пошёл искать выпивку. А сам задержался и незаметно проследил за ними до сюда.

– Отлично, сержант. Напишите в штабе рапорт.

– Так точно! – сержант отдал нацистский салют и ушёл.

Хеммингс триумфально посмотрел на девушку, но она продолжала вести себя вызывающе.

– Вот так, так, – сказала Эйс. – Старый трюк с избитым заключённым, и я на него попалась! – она презрительно на него посмотрела. – Не знаю, что это вы затеяли...

– В таком случае, давайте я расскажу, – прервал её Хеммингс. – Я отправил вас в один грузовик кое с кем, подозреваемым в подпольном движении... а также посадил туда одного из своих людей. Он увидел, что у вас состоялся контакт с подозреваемой, и вы вместе пошли в её... логово, или как это назвать? А затем я обнаружил вас в компании других подозрительных типов. У нас уже очень давно были подозрения относительно Ма Баркер... а вот этот её приятель уже много лет в розыске, – он кивнул старику за стойкой: – Приятно с вами, наконец, познакомиться, майор Поппельвелл. Вы, полагаю, были верным подчинённым полковника Габбинса? Долго вы от нас бегали, но теперь всё кончено.

– Не знаю, о чём вы, начальник, – невозмутимо сказал старик.

Девушка всё равно не сдавалась:

– Придурок самодовольный, я *должна* была найти подпольщиков. В этом и был весь смысл утренней инсценировки. И она сработала – я уже почти вошла к ним в доверие, а тут ты являешься.

– А, но в этом-то вся ваша хитрость, – Хеммингс говорил почти с одобрением. – Вы организовали контакт с подпольем, прикрываясь контактом с подпольем. Классический двойной блеф. Гениально!

– Чушь! У вас нет доказательств.

– У меня будут все необходимые доказательства после того, как мы вернёмся в штаб – письменные признания от вас всех.

– Я бы на это не рассчитывала, дорогуша, – сказала Ма Баркер.

– Все признаются... рано или поздно.

Хеммингс обвёл взглядом небольшую группу. Трое из них смотрели на него жёстко и решительно. Он посмотрел на четвёртого.

– Кроме того, если вы трое и будете отпираться, то всегда есть мистер Арнольд. В обмен на обещание снятия обвинений он подпишет признание, в котором будете фигурировать вы все. А затем я вас расстреляю, и дело закрыто.

Все посмотрели на Арнольда, но тот потупил взгляд. Хеммингс улыбнулся. Было ясно, что все поняли, что он прав. Арнольд ради спасения своей шкуры расскажет что угодно.

Девушка предприняла последнюю отчаянную попытку:

– Слушай, ты же знаешь, кто такой Доктор...

– Я знаю кто он. Этот твой смешной человечек – самозванец. Я знаю это. Я это нутром чувствую.

– Прогнившее у тебя нутро, – презрительно сказала девушка.

Хеммингс радостно улыбнулся, почувствовав прилив знакомого тепла.

– Ты что, напрашиваешься, да? Ты что, мазохистка, что ли? Не переживай, боли будет сколько угодно.

Он занёс кулак. Эйс стояла на месте, готовясь пригнуться... и ответить ударом ноги, который на какое-то время лишит позу Хеммингса элегантности. Она спокойно приняла решение, что её лучшим действием будет спровоцировать его убить её. Но со стороны двери донёсся голос:

– У вас не найдётся чашечки чаю и булочки со смородиной?

Это был Доктор, весьма зловещий в своём чёрном кожаном пальто, чёрной шляпе, и с моноклем. Его вид немного портила только красная ручка зонта, добавлявшая образу немного неуместной фривольности.

– Превосходно! – радостно сказал Хеммингс. – Арест полного состава.

– Да, но кто арестовывает, а кто арестант? – загадочно сказал Доктор. – Как там сказал поэт?

«Убийца мнит, что убивает,

Или он мнит, что пал в крови, –

Но он, увы, совсем не знает,

Куда ведут пути мои».

Ну, или что-то в этом роде². Пора снова всё поменять, как мне кажется!

Доктор шагнул в сторону, и к общему удивлению в кафе зашёл генерал Штрассер. За ним зашли два штурмовика, но не из Freikorps, а из СС.

Властным голосом Доктор сказал:

– Генерал, к моему сожалению, я вынужден вам сообщить, что в результате злопамятства и глупости этого офицера, деликатнейшая жизненно-важная операция, связанная с безопасностью Рейха, оказалась на грани краха.

У генерала Штрассера было обеспокоенное лицо.

– Мне неприятно это слышать, герр Доктор. Я могу вам чем-то помочь?

– Можете, – решительно сказал Доктор. – Если вы его арестуете и посадите в одиночную камеру со строгой изоляцией, ситуацию, возможно, ещё удастся исправить.

– Конечно, герр Доктор, – сказал генерал Штрассер. – Ничто не может быть проще.

Он кивнул двум эсэсовцам, и те стали по бокам от Хеммингса.

– Герр генерал... – начал Хеммингс, но дальше лишь вскрикнул от боли, потому что один из штурмовиков грубо ударил его по почкам.

² Доктор немного перепутал текст стихотворения «Брама» Ральфа Уолдо Эмерсона. Перепутанный текст основан на переводе М. Зенкевича.

– Я не давал вам разрешения говорить, – спокойно сказал Штрассер. – Герр Доктор, пойдёт ли на пользу вашей операции, если этот несчастный офицер повесится в камере? Или, если его застрелят при попытке к бегству... прямо здесь, если хотите.

Соглашайся, Доктор! – подумала Эйс. На мгновение показалось, что Доктор согласится, но затем он покачал головой:

– Пожалуй, нет. Возможно, его действия были продиктованы чрезмерным рвением, а не изменой. С вашего разрешения, я проведу полное расследование, когда у меня будет время. А пока что...

– Разумеется, герр Доктор. Его запрут до вашего распоряжения, – генерал Штрассер щёлкнул пальцами, и эсэсовцы увели Хеммингса.

Генерал обвёл взглядом комнату:

– А это кто?

– Ядро подпольной ячейки, – спокойно сказал Доктор. – Их нашла моя ассистентка... и перевербовала.

– Невероятно! – пробормотал генерал. – И всё это за один день, даже меньше, чем за один день!

– Через какое-то время, – гордо сказал Доктор, – они выведут нас на своих сообщников... на *всех* своих сообщников. Но на данный момент им нужно предоставить полную свободу действий, даже без слежки. Если другие подпольщики что-то заподозрят...

– Можете не продолжать, герр Доктор. Я предоставляю их в ваши руки, – генерал осмотрел маленькое кафе, словно ему

казалось, что от него ждут ещё чего-то. — Милая забегаловка, — пробормотал он.

— Хотите чашечку чаю, генерал? — вкрадчивым голосом спросила Ма Баркер. — Или бутербродик с эрзац-говядинкой? За счёт заведения, конечно — для нас это честь...

— Нет, спасибо, — торопливо сказал генерал. — Быть может, в другой раз. Если я вам больше не нужен, герр Доктор...

Доктор его проводил. Снаружи раздались крики приказов и гул отъезжающих автомобилей.

В дверях снова появился Доктор. Он снял с себя шляпу и пальто и повесил их на стул.

— Что там на счёт чая? — грустно спросил он. — И, может быть, что-нибудь перекусить? Я такой голодный, что согласен даже на эрзац говядины.

— Для вас, Доктор, настоящая ветчина, — сказал Попп, потянувшись рукой под стойку. — Ешьте, сколько хотите.

Ма Баркер налила чашку крепкого чая и принесла её Доктору.

— Арестовал лейтенанта Freikorps, сдал нас гестапо, затем освободил нас, и всё это на одном дыхании, — восхищённо говорила она. Она посмотрела на Эйс: — Ты была права, дорогуша.

— В чём?

Ма Баркер улыбнулась:

— О своём дружке. Он дьявольски хорош.

10. ФОКУС С ИСЧЕЗНОВЕНИЕМ

– Всё уже, Доктор, хватит, – сказала Эйс. – Больше я не могу! У меня мозги как выжатый лимон.

Это было в тот же день, но позже. Они вернулись в свой номер в «Савойе» и сидели на балконе, подальше от микрофонов в комнатах. Был чудесный день; река сверкала под солнцем. На другой стороне были видны павильоны Фестиваля.

– Признай, отсюда вид лучше, чем из ванной, – сказала Эйс.

Она только что закончила вспоминать все подробности её разговора с Поппом и Ма Баркер. Доктор заставил её повторить рассказ несколько раз, а теперь размышлял над услышанным.

– У них всё нормально сложится? – спросила она.

Доктор отрешённо глядел на неторопливо текущую реку.

– У кого?

– У Поппа, Ма Баркер, и этого крысёныша Арнольда...

– Наверное. Им, конечно, придётся отказаться от кафе, найти новые документы на новые имена, найти новое место для штаба, но им это не впервой. Штрассер считает их моими двойными агентами, так что, если повезёт, какое-то время их не будут трогать...

– А старина Штрассер очень неплохое предложение сделал, я имею в виду относительно Хеммингса. Нужно было тебе соглашаться.

– У меня был соблазн, особенно когда я увидел твоё лицо, – Доктор устало покачал головой. – Боже мой, что я говорю?

Правду говорят: власть развращает. А абсолютная власть развращает абсолютно.

– Ты о чём? Мы не развращены.

– Разве? Мы тут сидим и спокойно рассуждаем об убийстве за то, что тебя ударили по носу. Нужно нам убираться отсюда.

– И чем скорее, тем лучше!

– Как оно? Я имею в виду нос.

Эйс осторожно коснулась кончика носа.

– Не так уж и плохо.

– У меня где-то в ТАРДИС была мазь Сестёр.

– А что это?

– Можешь считать это чудо-продуктом, – серьёзным тоном сказал Доктор. – Мигом снимет твои синяки, а кожа будет выглядеть на несколько лет моложе.

– Мы прямо сейчас уходим?

– Скоро, – сказал Доктор. – Не думаю, что мы тут сможем узнать намного больше.

– А была хоть какая-то польза... от всего того, что я узнала у Ма Баркер и Поппа?

– Боюсь, что большая часть их рассказа – просто ежедневные ужасы войны. Нацисты всё это планировали сделать в Англии и в твоём потоке времени, после были найдены соответствующие документы.

– Но в этом времени они победили, – задумчиво сказала Эйс. – Поэтому они воплотили их в жизнь.

Она ненадолго замолчала, задумавшись о той мрачной картине, которую двое пожилых людей обрисовали ей как

нечто само собой разумеющееся. Убийства и депортации, голод, угнетение. Ежедневный ужас.

– Знаешь что, Профессор, – сказала она. – Я не без ума от той Англии, из которой я родом, но она чертовски лучше этой.

– Самое интересное было о чёрной магии, – задумчиво сказал Доктор.

– Как это?

– Ну, для меня это всегда было загадкой.

– Что?

– Как нацистская партия вообще пришла к власти, – терпеливо сказал Доктор.

– А что в этом было загадочного? Они же были обычными политиками, разве нет?

– Ты хоть представляешь себе, кем они были, когда только начинали? Бывший пилот, наркоман; фермер, не сумевший разводить кур; сноб, неудавшийся торговец шампанским, с фальшивым дворянским титулом; и жалкий развратник, страдающий от хромоты. Сборище тунеядцев, во главе которых был несостоявшийся художник.

Эйс пожала плечами:

– Типичные политики!

– Поразительно успешные! Только что они были на полулегальном положении, и вот они уже правят страной, а ещё чуть позже они контролируют полмира.

– Ну, если так это преподносить.

Он не убедил Эйс. Ей все политики казались странными и немного подозрительными. Почему нацисты должны были быть другими?

– Мне эта часть истории всегда казалась странной, – сказал Доктор. – Одна из необычностей вашей необычной планеты. Я уже давным-давно хотел разобраться в этом, но то одно, то другое. Мне всегда казалось, что им кто-то помог.

– Магическая помощь?

– Или же что-то, что выдавалось за магию. Они суеверные. СС – это не только частная армия, но ещё и мистический орден.

– Так значит, мы отправляемся в Германию?

– Да, Эйс, но в довоенную, туда, где всё начиналось.

– Почему?

– Потому что вырвать росток легче, чем выкорчевать дерево, – лирически сказал Доктор.

– Ну что же, пойдём.

– Не спеши, Эйс. Вначале мне нужно кое-что сделать.

– Что именно?

– Повидаться с Хеммингсом.

– Да забудь о нём, Профессор. Думаю, Штрассер его рано или поздно расстреляет, или же оставить в камере гнить.

Серые глаза Доктора посмотрели на Эйс так, как бывало очень редко. От такого взгляда у неё возникало ощущение, словно её мозг вскрыли и выставили наружу всё самое гадкое.

– Ну ладно, ладно, – беспокойно сказала она. – Где встретимся?

– В ТАРДИС, конечно.

– Ты уверен, что она тут?

Доктор кивнул:

– Абсолютно. Генерал при полном параде являлся доложить о ней.

– И что ты ему сказал?

– Правду, в некоторой степени.

– Ты сказал ему, что это машина времени?

– Нет, нет конечно. Я сказал ему, что она полна сверхсекретного, крайне опасного электронного оборудования – это правда, вообще-то – и он с радостью передал её в моё распоряжение.

– Где она сейчас?

Доктор улыбнулся:

– Внизу, в запертом хранилище, ключ от которого есть только у меня.

– Как мне её найти?

Доктор взял лист бумаги и быстро набросал план.

– Помнишь, где нас внизу под замком держали?

Эйс кивнула.

– В этом отеле целая сеть подвалов с коридорами. Некоторые из них преобразовали в камеры и комнаты для допросов, а некоторые до сих пор используются как склады. ТАРДИС находится вот тут, в старом винном погребе. Дай мне немного времени, а потом спускайся туда, там и встретимся.

Доктор направился к двери. Когда он был на пороге, Эйс крикнула:

– Профессор!

Доктор остановился:

– Что?

– Не передавай ему от меня привет.

Доктор прошёл по многолюдному фойе отеля и вышел в дверь, ведущую в подвалы. Он показал вежливому охраннику-эсэсовцу выписанный Штрассером пропуск, и тот провёл его по плохо освещённым коридорам к камере Хеммингса, открыл дверь, и пустил его вовнутрь.

Хеммингс сидел на койке и смотрел на стену. Доктор повернулся к охраннику:

– Подождите снаружи.

– Вы уверены, герр Доктор? Это опасный предатель и преступник.

– Вон!

Охранник вышел и запер за собой дверь.

Доктор опёрся на неё спиной.

– Крестики-нолики – хороший способ скоротать время, когда есть карандаш и напарник.

Хеммингс поднял взгляд:

– Вы дьявол... хитрый маленький дьявол!

– Хитрый? – задумчиво спросил Доктор. – Ну, да, иногда приходится. Что касается маленького, то всё, знаете ли, относительно. Я бывал гораздо меньше, чем сейчас. Вообще-то, однажды меня чуть не смыло в сливное отверстие. Но дьявол? Мы сами создаём себе и дьявола, и ад.

– Сами? В этот ад меня вы отправили.

– Вам, по крайней мере, он хорошо знаком, – сказал Доктор.

– Это тот самый ад, в который вы отправили многих людей. И если сюда вас отправил я, то кто заставил вас носить эту униформу?

– Когда Англия проиграла войну, мне было тринадцать лет. Что мне оставалось делать? Ждать, пока я вырасту, и меня депортируют в качестве раба? Я скоро понял, что в этом мире есть победители и побеждённые, и я решил присоединиться к победителям. Мне очень повезло, что я попал во Фрайкорпс, но тем не менее я в него попал, и это было правильно.

Доктор кивнул:

– И тут всё и закончится.

– Только из-за вас! – глаза Хеммингса светились ненавистью. – Слушайте, вы выиграли, так удовлетворите моё любопытство, уважьте последнее желание обречённого. Я был прав, да? Вы самозванец?

Доктор пожал плечами:

– Самозванец? Не уверен. Это тоже относительно. Если вас это утешит, то я не генерал-инспектор.

– А где он, настоящий?

– Кто знает? Рочестер, Грейвсенд, Саутгемптон... Может быть, он до самой Германии доплывёт.

– Вы его убили?

– Кто-то другой убил. Я занял его место. Природа, знаете ли, не терпит пустоты. Впрочем, хватит уже обо мне, давайте поговорим о вас.

– Меня уже не существует. Я покойник, ожидающий похороны.

– Не обязательно, – сказал Доктор. – Я могу вам помочь.

– Помочь мне? Зачем?

– Думаю, вам этого не понять. К тому же, главный вопрос не зачем, а как.

– Что это значит?

– Я не хочу вас тут бросать... Но я отказываюсь восстанавливать вас на прежней должности. Я собираюсь дать вам сбежать. Я дам вам фору, прежде чем сообщать генералу Штрассеру о вашем побеге, – Доктор немного помолчал. – А ещё я скажу ему, что вы – опасный преступник, которого нужно расстрелять на месте, так что даже не думайте о возвращении.

– Меня будут разыскивать...

– Это даст вам возможность увидеть, во что вы и ваши нацистские хозяева превратили Англию.

– Плохое у вас предложение, Доктор.

– Вы в вашем положении ожидаете лучшего?

Хеммингс встал:

– Хорошо.

– Когда войдёт охранник, бросайтесь на него, остальное сделаю я.

Доктор постучал по двери, и вошёл охранник-эсэсовец. Хеммингс тот час бросился на него. Доктор проскользнул за спину борющегося охранника, положил руки ему на плечо, и сильно сдавил пальцами болевые точки. Охранник упал на

койку. Пока он падал, Доктор свободной рукой вынул из его кармана ключи.

Доктор и Хеммингс вышли в коридор, и Доктор запер дверь камеры.

– Что вы им скажете о моём побеге? – спросил Хеммингс, идя за Доктором по мрачным коридорам.

– Вы явно оказались сильнее охранника. А меня тут вообще не было.

– А если охранник расскажет другое?

– Не расскажет. Венерианский щипок нерва вызывает краткосрочную амнезию...

Услышав позади себя движение, Доктор обернулся, но было поздно. Повелители времени тоже уязвимы: удар по затылку, в который Хеммингс вложил всё своё отчаяние, обрушил Доктора на пол.

Хеммингс пнул его тело ногой, развернулся и побежал. Он бежал на верхние этажи, к кабинету Штрассера. Если он расскажет о признании Доктора и ему поверят, если он сможет убедить Штрассера проверить...

Это был риск, на который стоило пойти. Предложение Доктора сбежать он не рассматривал ни единой секунды. Для Хеммингса жизнь без звания и должности не была жизнью.

Эйс беспокойно ходила туда-сюда по номеру. Схватив нарисованную Доктором карту, она решила идти. Если она придёт к ТАРДИС раньше Доктора, то просто подождёт его. Она вышла из номера и спустилась в фойе. Затем, как и Доктор

незадолго да неё, она прошла в боковую дверь, которая вела вниз. Внизу она сверилась с картой Доктора и пошла по подземным коридорам. Воздух был сырой и холодный, свисавшие с побеленных потолков пыльные лампы давали блеклый желтоватый свет. Эйс держала наготове свой пропуск, но предъявлять его было некому.

Совсем рядом Хеммингс тоже спешил по плохо освещённым коридорам, удивляясь тому, что они были такими безлюдными. Обычно там ходили патрули, приводили и уводили заключённых, выносили мёртвые или бесчувственные тела, было слышно, как кого-то допрашивают.

Свернув за угол, он остановился от удивления, увидев перед собой странную синюю будку. Это была будка Доктора, которую его люди доставили с Фестиваля. Будка должна была быть заперта в хранилище. Но она не была заперта, она была тут, и её дверь была открыта. В его голове звучал голос, который звал его.

Как лунатик, Хеммингс подошёл к открытой двери будки и зашёл вовнутрь. Дверь закрылась, и будка растворилась со странным завывающим звуком, как раз в тот момент, когда мимо конца этого коридора пробегала Эйс. Она остановилась, не веря своим глазам.

Доктор очнулся буквально через несколько секунд, шея у него болела, но в остальном он был цел. Он поспешил к винному погребу, удивляясь и радуясь тому, что в коридорах никого не было. Он добежал до арочной двери, вынул из

кармана ключ и открыл её. Там стояла ТАРДИС, целая и невредимая.

Позади себя он услышал движение, слишком громкое для одной Эйс. Обернувшись, он увидел полковника Штрассера, а с ним двоих штурмовиков СС с автоматами.

– Вы же не хотите нас бросить, Доктор? – сказал Штрассер.
– Скажите, этот странный объект действительно устройство для перемещения во времени? Его польза для Рейха будет неоценимой. В Берлине мной будут так довольны! Это даже загладит горечь печальной смерти генерал-инспектора.

Доктор понял, что его раскрыли.

– Как вы узнали?

– Река вынесла труп. На нём были другие документы. Для окончательной проверки я велел установить микрофоны ещё и на балконе. Наверное, их в кованную ограду встроили. Услышав ваши планы, я велел очистить коридоры, чтобы вам было легче.

– Вы очень предусмотрительный.

– Знаете, мне с самого начала казалось, что вы слишком хороши, чтобы быть правдой, Доктор, – задумчиво сказал генерал Штрассер. – А ваше представление в кафе было перебором, даже для меня. О, и в камере Хеммингса тоже были жучки, разумеется. Боюсь, вы обложены со всех сторон.

– Я сам виноват, – сказал Доктор. – Не могу привыкнуть к жизни в обществе шпионов. Мы можем как-то договориться?

– Боюсь, что нет, Доктор, – сказал Штрассер с искренним сожалением. – Вы мне нравитесь, очень нравитесь, я

восхищаюсь вашей выдержкой... но я боюсь вашей хитрости и вашего красноречия. Вы же меня дураком выставили. Я не знаю кто вы или что вы, но я уверен, что не могу допустить того, чтобы вы были рядом.

— Понятно, — сказал Доктор. — Застрелен при попытке к бегству, так?

— Боюсь, что так, — извиняющимся голосом сказал Штрассер. Он указал на коридор.

— Вы не могли бы немного пробежаться, чисто для виду? Места тут для этого маловато, но попробуйте немного попетлять, если хотите.

Доктор посмотрел на небольшой коридор, на двоих солдат.

— Думаю, я не стану бегать.

— Тогда прощайте, Доктор, — сказал генерал Штрассер. Он шагнул назад, и штурмовики подняли автоматы.

Доктор понимал, что это смерть. Даже повелителя времени можно убить. Два автоматных рожка, расстрелянные в него с такого близкого расстояния, повредят оба его сердца и убьют его так же верно, как и любого человека.

Он был знаком со смертью. Он испытал на себе малую смерть регенерации, и много раз сталкивался с большой смертью, которая является концом любой жизни. Доктор очистил свой разум, как его научил старый отшельник, и приготовился принять свою судьбу, какой бы она ни была.

Штурмовики были привычны убивать. Они видали и угрюмую дерзость, и слёзы, и мольбу о помощи. Но никогда раньше они не сталкивались с таким спокойствием стоящего

перед ними невзрачного человека. Они замешкались, всего лишь на мгновение.

Раздался голос:

– Профессор, ложись!

Штурмовики тут же обернулись на голос, и в эту секунду Доктор бросился на пол и покатился по нему, скрываясь за ТАРДИС.

Генерал Штрассер и его штурмовики увидели Эйс, которая отвела руку за спину. Они увидели, как её рука взмахнула, и в их сторону полетело что-то блестящее. Они увидели, как это что-то ударилось об стену и услышали оглушительный треск. Последнее, что они увидели – в буквальном смысле последнее – стена вздулась, как наполненный ветром парус. Она обрушилась, а за ней и потолок, засыпая их троих толстым слоем обломков. Нитро-9 способен на такое, при умелом применении.

Эйс бросилась сквозь облака пыли и помогла Доктору встать на ноги. Доктор открыл дверь ТАРДИС и они зашли вовнутрь. Несколько секунд спустя ТАРДИС растворилась.

Третий Рейх с глубоким сожалением сообщает о трагической смерти генерала СС Отто Штрассера во время подлого нападения террористов на штаб Freikorps. Есть опасения, что лейтенант Хеммингс, один из самых перспективных молодых офицеров Freikorps, погиб во время этого же нападения, хотя его тело пока что не обнаружено. Слухи о том, что во время этого трагического инцидента

также погибли высокопоставленный представитель Рейха и его ассистентка, не имеют под собой никакого основания.

Этот представитель не существует.

ЧАСТЬ 2.
ПУТЧ 1923 года

После поражения Германии в 1918 году, в возникшем хаосе возник ряд небольших политических партий и групп, которые сейчас уже более или менее забыты. Среди них была Национал-социалистическая немецкая рабочая партия, основанная в 1919 году Антоном Дрекслером и Дитрихом Эрхартом. Благодаря хитро подобранным популистским лозунгам, напыщенной смеси национализма, социализма и, прежде всего, анти-семитизма, партия добилась в начале двадцатых годов умеренной популярности, в основном благодаря способностям заводить толпу бывшего военного по имени Адольф Гиттлер, или Гитлер. Многие митинги этой партии проходили в пивных Мюнхена и, как правило, заканчивались драками между сторонниками национал-социалистов и их противниками коммунистами.

Однако надежды новой партии на продолжительный политический успех рухнули во время смехотворно неумело организованной и несвоевременной попытке политического переворота в Мюнхене, в сентябре 1923 года, которая в конечном счёте привела к тому, что эта партия была запрещена. Заручившись поддержкой старого, запутавшегося, уже почти слабоумного героя войны генерала Людендорфа, этот Гиттлер повёл маршем вооружённую толпу последователей к Военному министерству...

(Из книги профессора Карла Мюллера «Бюллетени, кровь, и пули – политический хаос в послевоенной Германии», Берлин, 1927 г. В 1933 году, после прихода к власти Национал-социалистической партии, эта книга была запрещена, а её автор казнён.)

1. ИНТЕРЛЮДИЯ

Доктор согнулся над индикатором пути во времени, изучая ярко-зелёный след.

– В прошлый раз был небольшой перелёт. Нужно вернуться.

Эйс сидела на стуле и отряхивала со своей одежды кирпичную крошку.

– Насколько вернуться?

– В этом-то и проблема. Небольшая ошибка – и мы окажемся перед Аттилой. Я думал, что ты отказалась от нитро-9?

– Ну, Профессор, ты же понижаешь, как оно бывает, – настороженно сказала Эйс.

– Что?

– Я возилась в лаборатории ТАРДИС, просто от нечего делать... Взяла щепотку того, несколько кусочков другого... Сама не заметила, как...

– Ясно. Получился нитро-9.

– Вообще-то, нитро-9а, – гордо сказала Эйс. – Новый, улучшенный и усовершенствованный! И более концентрированный: в два раза больше бабаха в том же весе.

Порывшись в своих карманах, она вынула три больших стеклянных шара.

Доктор недоверчиво посмотрел на них:

– Он теперь стабильнее?

– Ну, чуть-чуть. Для детонации нужен сильный удар. Его нужно швырять, а не просто уронить.

Доктор вздрогнул.

– Сколько их у тебя?

– Сейчас всего три. Успела только четыре сделать.

– Ну, убери их... И заверни их хотя бы в платок. Кстати, спасибо.

– Всегда пожалуйста... Профессор, я тебе не сказала...

– Что не сказала?

– По пути на склад мне показалось, что я увидела ТАРДИС – другую ТАРДИС – дематериализующуюся в одном из коридоров.

– О господи! Ты уверена?

Эйс пожала плечами:

– Не знаю. Мне показалось, что я увидела синий свет и услышала звук, но когда подошла посмотреть, там ничего не было. На секунду я подумала, что ты улетел без меня.

Доктор нахмурился:

– Может быть, временное преломление, причудливое предвосхищение нашего отлёта. Но всё равно странно... Впрочем, ничего мы с этим сейчас не можем поделать, – он что-то изменил на пульте. – Вот, лучшее, что я могу сделать, – он похлопал по пульту. – Теперь дело за тобой, старушка!

Эйс не могла привыкнуть к тому, что Доктор относился к ТАРДИС как к разумному существу.

– Ты позволяешь ТАРДИС решать куда направиться?

– Не полностью. При помощи индикатора пути во времени я направляю нас в нужный сегмент пространства-времени, а ТАРДИС я предоставляю тонкую подстройку.

– А как оно...

– Она! – прошептал Доктор. – Если ты заденешь её чувства, она обидится.

Эйс выразительно посмотрела на него:

– Как она узнает?

– Не забывай, что во Времяточце по-прежнему есть части ТАРДИС, и я подключил имплантат Времяточца к телепатическим контурам. ТАРДИС и Времяточец связаны: Раз я связан с ТАРДИС, значит, связан и с Времяточцем.

– Навсегда?

– До тех пор, пока кто-то из нас не будет уничтожен.

– Значит, ТАРДИС в любой момент может перенести нас к Времяточцу?

– Ну, я на это надеялся. К сожалению, всё не настолько точно.

– В каком смысле?

– Ну, скажем так: куда-бы нас не отправила ТАРДИС, Времяточец будет где-то рядом, или же вот-вот появится там...

– Или же она недавно там была? – предположила Эйс. – Так мы оказались в Оккупированной Британии?

Доктор кивнул:

– Будем надеяться, что в этот раз нам больше повезёт, – он опустился на колени и начал рыться в редко используемом шкафчике в основании консоли, вынув из него, в конце концов, пыльный каменный сосуд. – Вот оно, Эйс. Должно помочь твоим опухшим носу и губе.

Она открутила крышку.

– Тут почти пусто, Доктор. Буквально на один мазок какого-то крема на дне осталось.

– Тебе одного мазка будет достаточно. Попробуй.

– Ладно. Мне в любом случае нужно вымыться. А заодно, может быть, и поплавать.

Быстро окунувшись в бассейне ТАРДИС, Эйс вернулась в свою комнату, чтобы принять душ и переодеться. Уже собираясь уходить, она вспомнила о сосуде Доктора. Она макнула кончик пальца в остатки крема и размазала его по носу и верхней губе.

Результаты были поразительны. Краснота и опухоль мгновенно исчезли, и её кожа выглядела лучше, чем раньше. С сосудом в руках она поспешила обратно в отсек управления, где Доктор задумчиво стоял над консолью, сравнивая её показания с показаниями индикатора пути во времени.

– Превосходное средство, Доктор! Где ты такое раздобыл?

– На Карне.

Она рассмотрела символы, вырезанные на боку сосуда.

– Что это значит?

Доктор взял сосуд в руки.

– Это старый верхне-галлифрейский. Тут написано: «Специальное средство «Морбиус» доктора Солона. Гарантированно содержит оригинальный Эликсир Жизни. Произведено по лицензии Сестёр Карна».

– Оно чудесное! Ты мог бы на нём целое состояние заработать!

– Сомневаюсь, уж больно низкая скорость производства. Они производят всего одну упаковку за сто лет...

Подъёмы и опускания центральной колонны начали замедляться.

– Ты вовремя, Эйс, – сказал Доктор. – Мы уже почти прибыли.

– Куда прибыли, Профессор? И когда?

– А вот это, моя дорогая Эйс, большой вопрос, – Доктор снял с вешалки своё чёрное кожаное пальто. – Думаю, это будет всё ещё в моде, – он кивнул на вешалку: – Я подобрал тебе в гардеробе кое-что подходящее.

Эйс взяла жёлто-коричневую шинель и мягкую коричневую фетровую шляпу, и надела их.

– Как я выгляжу, Профессор?

– Романтичная и загадочная.

Эйс осмотрела себя в высоком зеркале.

– Я похожа на Марлен Дитрих, у которой был тяжёлый день. Профессор?

– Что?

– Если мы прибудем в Германию, то там все будут говорить на немецком?

– Весьма вероятно.

– Я прогуливала почти все уроки немецкого, а экзамен вообще не сдавала.

– Не волнуйся, справишься. У тебя же всегда получается, верно? По языку гепардов ты экзамен тоже не сдавала.

– А ты хорошо говоришь на немецком?

– Я хорошо говорю на любом, – сказал Доктор. – Идём, мы уже прибыли.

2. РЕВОЛЮЦИЯ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Несмотря на то, что Объект пригоден по многим параметрам, у меня по-прежнему есть серьёзные опасения. Он не стабилен, склонен к маниям, и даже к паранойям. Нельзя игнорировать возможность полного расстройства его психики. Вы настаиваете, что его огромная ментальная энергия делает его особенно подходящим для Процесса, однако эта энергия также является причиной некоторых сомнений, поскольку её источник по-прежнему ускользает от нас. Управлять Объектом тоже непросто, чему свидетельство его предложение совершить переворот. Тем не менее, я рекомендую позволить ему совершить попытку. Когда он потерпит неудачу, а он потерпит её почти наверняка, Объект будет уязвлён и станет беззащитным, он будет готов для Процесса.

К тому же, попытка переворота предоставит ценные сведения о том, как Объект ведёт себя в стрессовой ситуации. По этой причине исключительно важно, чтобы вы постоянно держали его под наблюдением.

ТАРДИС материализовалась в переулке, рядом длинной узкой улицей со старыми высокими домами. С конца переулк доносился гул возбуждённых голосов. На углу улицы вокруг мужчины в старом плаще собиралась толпа. Он стоял на деревянной трибуне, в окружении вооружённых людей. Рядом с

ним был поразительно высокий осанистый пожилой мужчина в коричневом охотничьем пиджаке. Позади них стоял молодой человек в униформе, шатающийся под весом огромного знамени со свастикой.

Человек на трибуне произносил речь, и Доктор и Эйс подошли ближе, чтобы послушать. Речь произносил Адольф Гитлер, ещё молодая версия знаменитого лица, но уже со спадающими на лоб гладкими чёрными волосами и маленькими усиками.

Речь была бурная и бессвязная, он то бормотал, то кричал, и Эйс была о ней невысокого мнения. Но толпе, похоже, нравилось.

«Есть раса», – вопил Гитлер, – «которая тысячи лет не имела собственного государства, а вместо этого расползлась по всему миру. Они не крестьяне и не фермеры, вместо этого они захватили денежные рынки, начав в нищете, а теперь богатые паразитами, пороком и заразой, решительно настроены не служить нам, а править нами. Я говорю, что этих евреев нужно гнать прочь!»

Эйс сердито посмотрела на Доктора:

– Ты слышал, что он сказал?

Тихого вида мужчина рядом с ними сказал:

– Чёртовы жида, у них все деньги и все рабочие места!

Эйс сердито развернулась к нему, но Доктор схватил её за руку и покачал головой. Эйс неохотно послушалась.

Гитлер продолжал метаться от темы к теме, направив в этот раз свою агрессию на заключённый после Первой Мировой

войны договор, который лишил Германию территорий и вынуждал её выплачивать унижительные репарации.

– За мной! – кричал он. – Идёмте за мной, и мы сметём это зло, и Германия снова станет великой! Германия, проснись! К Военному Министерству!

Толпа возбуждённо заревела, и процессия направилась по улице. Впереди шёл мужчина, который нёс знамя со свастикой. За ним маршировали Гитлер и высокий старик. За ними маршировали высокий толстяк и ещё один мужчина, помельче, Эйс эти двое напоминали комиков Лорела и Харди.

За этой группой лидеров шла разношёрстная толпа их сторонников, некоторые были одеты в униформу, некоторые нет, у некоторых были ружья со штыками, кто-то размахивал револьвером. Несмотря на всё это оружие, атмосфера была праздничная, радостная, как будто большая часть людей вышли просто погулять.

Эйс схватила Доктора за руку:

– Что происходит? Что он делает?

– Захватывает власть, или пытается это сделать.

– У него получится?

– Пойдём, увидишь.

Улица была такой узкой, что действовала как воронка, она сжимала процессию в плотную массу. Идя вслед за толпой, Доктор сказал:

– Мы в Мюнхене, Эйс, 1923 год. Волнения охватили всю страну, и Гитлер со своей бандой пытается захватить власть.

– А кто этот второй, высокий старик?

– Генерал Людендорф, герой Первой Мировой Войны. Он тут в качестве свадебного генерала, не понимает, что происходит.

Они приближались к концу узкой улицы, и Эйс увидела, что улица выходит на большую площадь. Поперёк выхода на площадь стоял кордон одетых в зелёные мундиры полицейских, вооружённых ружьями.

– Эта площадь называется Одеонплатц, – сказал Доктор. – Им нужно перейти её, чтобы дойти до Военного Министерства.

– Но копы им не дадут?

– Нет, если справятся. Их проблема в том, что они не хотят открывать огонь, чтобы случайно не ранить Людендорфа. Он ведь всё ещё народный герой.

Голова колонны подходила всё ближе к полицейскому кордону. Полицейские подняли ружья. Один из людей, шедших рядом с Гитлером, побежал вперёд, крича:

– Не стреляйте! Здесь генерал Людендорф!

Полицейский закричал:

– Стоять! Всем остановиться и отступить!

Смеясь и подбадривая друг друга, толпа бросилась вперёд... и полиция открыла огонь. Но они стреляли не в толпу. Они направили ружья вниз и стреляли по гранитной мостовой. Осколки камней и от ricochetившие пули ударили по первым рядам процессии, и тут же несостоявшиеся революционеры развернулись и побежали, в том числе и Гитлер. Эйс увидела, что он споткнулся и упал, и толпа бежала через него.

– Сюда! – крикнул Доктор.

Он схватил Эйс под руку, и они отступили на ступени большого старого дома. Укрывшись в дверном проёме, они наблюдали за воцарившимся хаосом.

Со стороны полицейского кордона всё ещё слышался треск ружейного огня, и толпа отступала по улице. Звучали крики и вопли, Эйс увидела, что люди вламываются в магазины и дома, выбивают стёкла и лезут в окна, лишь бы убраться с улицы. Большая часть толпы уже прошла, но тут и там после неё на земле оставались тела, некоторые дёргались и стонали, другие лежали неподвижно. Они увидели толстяка, который был одним из лидеров; он шёл, шатаясь, и держался за живот.

– Это бедняга Геринг, – сказал Доктор. – Один из гранитных осколков попал в него... А вот и наш герой!

В их сторону по тротуару ползла, всхлипывая от боли, грязная фигура. Это был Адольф Гитлер. Он был в синяках и помятый, ему было так больно, что он с трудом двигался.

– Он ранен? – спросила Эйс. – Надеюсь, серьёзно?

Доктор покачал головой:

– Просто немного помят. Идём!

К удивлению Эйс, Доктор сбежал по ступеням вниз и помог Гитлеру встать, а затем поддерживал его, помогая идти. Для Адольфа Гитлера боль его поражения была гораздо сильнее боли в плече. Люди, которых он попытался вести к славе, не выдержали и бежали. А что случилось с ним? Не славная смерть, даже не ранен. Его просто сбили с ног и втоптали в грязь... его же собственные бегущие последователи! Он

осознал, что кто-то помогает ему вставать. Этот кто-то был не один, с ним была девушка.

– Что ты делаешь, Профессор? – с осуждением говорила она.

– Помогаю раненому, – ответил мужчина. – Давай отведём его к той двери.

Девушка подхватила его с другой стороны, и они его почти занесли вверх по крыльцу и уложили у двери.

Гитлер смотрел на них дикими глазами. Мужчина был невысокий, темноволосый, с серыми пронизательными глазами, а девушка молодая, круглолицая, привлекательная. Раньше он их никогда не видел.

Мужчина спросил:

– Вы ранены?

Гитлер покачал головой:

– Только плечо – я упал.

Он скривился, когда незнакомец расстегнул его шинель и ощупал плечо.

– Я так и думал. Вывих левого плеча. Не очень серьёзно, но очень больно.

– Вот и хорошо, – сказала девушка всё с той же враждебной интонацией.

Гитлер посмотрел на мужчину:

– Вы доктор?

– Можно сказать, что я Доктор с большой буквы, – скромно сказал невысокий мужчина. – Дайте-ка я вас переверну.

Быстрыми уверенными движениями он перевернул Гитлера лицом вниз. Он упёрся одной рукой в лопатку, другой схватил левую руку, и одновременно толкнул и потянул их. На мгновение Адольфа Гитлера охватила невыносимая боль, и он закричал.

Постепенно боль отпускала его. Гитлер попытался сесть.

– Я вправил вам плечо, – оживлённо говорил мужчина. – Немного наспех, но пока этого достаточно, – он снял с шеи Гитлера шарф, и соорудил из него подвязку для левой руки. – Теперь вам будет легче, но вам всё равно нужна медицинская помощь и отдых.

Гитлер прохрипел:

– Меня неподалёку ждут друзья, ещё один доктор, на случай проблем. Жёлтый «Фиат», припаркован на Макс-Йозефплатц...

– Тогда будет лучше, если мы отведём вас туда, – сказал Доктор. – Идите как можно спокойнее. Постарайтесь вести себя как невинный прохожий.

Они помогли ему спуститься по ступеням, и пошли по засыпанному битыми стёклами тротуару, поддерживая его по бокам.

Пока они его вели, Гитлер бормотал:

– Я вас не знаю. Вы члены партии, сочувствующие?

Девушка сказала:

– Разме...

Мужчина остановил её взмахом руки.

– Нет, – сказал он. – Просто проходили мимо. Можете считать, что мы наблюдатели.

Глубоко в сознании Гитлера зашевелилось что-то чужеродное, оно корчилось в бессильном гневе. Она почувствовала присутствие своего врага: близко, так близко... и его сознание было заперто для неё, оно отвергало её. Но её время ещё наступит...

Гитлер внезапно остановился, глядя прямо перед собой невидящими глазами.

– В чём дело? – спросил незнакомец.

Гитлер понял, что серые глаза незнакомца смотрят в его глаза. Он встряхнул головой, прогоняя наваждение, и отвернулся.

– Ничего. У меня бывают приступы головокружения... напряжения...

Он шёл, уныло озираясь по сторонам. Его недолгая попытка совершить революцию завершилась. Мёртвых и раненых начали уносить, из ближайших домов начали выходить любопытные, чтобы узнать, что произошло. Всё было кончено... он потерпел неудачу. Стоит ли продолжать?

Они шли по улице, а за ними на безопасном расстоянии кралась тёмная фигура, перебегая от дерева к дереву, словно огромный чёрный паук.

Доктор качал головой, подавленный странным предчувствием. У него было такое чувство, будто его враги собираются вокруг него.

Макс-Йозефплатц была всего в нескольких кварталах, и жёлтый «Фиат» стоял, припаркованный на краю площади. Гитлер остановился на углу и внимательно посмотрел на Доктора.

– Я вам навеки благодарен за вашу помощь. Я хотел бы отплатить вам за это, но мне нечего предложить, – он горько рассмеялся. – Полчаса назад я надеялся править Германией, а теперь я разыскиваемый беглец. Мне повезёт, если меня не арестуют, а то и казнят... Я потерпел полное фиаско. Я покончу со своей жизнью, это единственный способ сохранить честь!

Он услышал, что девушка пробормотала что-то, похожее на «Хорошо!». Невысокий человек снова велел ей молчать. Он положил руку на здоровое плечо Гитлера и внимательно посмотрел в его глаза.

– Послушайте меня. Сегодня вы проиграли, но так будет не всегда.

Гитлер смотрел на него, не понимая:

– Что вы хотите сказать? Откуда вы знаете?

– Однажды вы будете править Германией. Не очень много лет, но этот день настанет. И тогда мы снова встретимся. Всё, чего я прошу – запомните меня!

В тихом голосе мужчины было что-то странно неотразимое, абсолютно убедительное, и Гитлер понимал, что этот человек каким-то образом знает правду. Ещё не всё потеряно. Однажды он добьётся верховной власти и поведёт Германию к славному будущему. Его судьба predetermined.

– Я никогда не забуду вас, Доктор, – прохрипел Гитлер. – Вы дали мне новую надежду. Если эти надежды исполнятся, вы получите любую награду, которая будет в моей власти, – он повернулся и пошёл к ожидавшей его машине.

Когда он к ней подошёл, дверь пассажирского места открылась. Задержавшись на мгновение, он вскинул правую руку, отдавая салют.

– До свидания, Доктор!

Он неуклюже сел в маленький автомобиль, дверь закрылась, «Фиат» загудел и поехал.

Позади себя Доктор услышал злой шёпот Эйс:

– Прощай, Адольф!

Инстинкт подсказал ему обернуться, и он увидел, что рука Эйс высунулась из кармана и замахнулась.

– Нет! – закричал Доктор, хватая её за руку.

Он не смог помешать ей бросить, но не дал попасть в цель. Стеклянная капсула с нитро-9а упала левее отъезжающей машины, проделав взрывом в дороге огромный кратер. «Фиат» поехал большими зигзагами, затем выровнял курс и умчался.

Крадущаяся за ними тёмная фигура спряталась.

Доктор отпустил вырывавшуюся Эйс.

– Ты что это себе вздумала?

– Ты сам слышал ту расистскую грязь, которую он орал. Мы видели, что он сделает с Англией, если его не остановить. Я думала, что мы меняем историю, Профессор!

Доктор схватил её за руку и повёл прочь.

– Лишь ровно настолько, насколько нам придётся. Изменение истории – операция деликатная, как операция на мозге. Её не начинают с ампутации головы пациента!

– Я её разнести хотела, – пробормотала Эйс.

Тёмный силуэт подошёл ближе. Спорившие мужчина и девушка его не замечали. Он с радостью отметил, что был прав – это был Доктор. Его внешность изменилась, но он узнал его голос, его манеру двигаться, саму душу этого повелителя времени, которого ненавидел столько лет. Его старый враг оказался в его руках. Доктор клюнул на наживку гораздо быстрее, чем он надеялся. Как жаль, что он умрет не зная кто его убил! Силуэт осторожно настроил энергетическое оружие...

– Ладно, предположим, что ты бы его убила, – нетерпеливо сказал Доктор. – Что было бы потом?

– Откуда мне знать? Что бы это ни было, было бы лучше.

– Откуда тебе знать?

– Ну, это логично...

– Разве? – яростно сказал Доктор. – В истории, в настоящей истории, Тысячелетний Рейх Гитлера существовал с 1933 по 1945 год. Двенадцать лет, и всё. И ему конец.

– И что?

– Главная причина этого – Гитлер был некомпетентным безумцем. Разнеси его в клочья, и его место может занять компетентный безумец. Кто-то, кто действительно сделает Тысячелетний Рейх тысячелетним.

– Ладно, Доктор, ты победил, – устало сказала Эйс.

Где-то рядом чей-то голос прошептал:

– Нет, Доктор, ты проиграл!

Из-за одного из деревьев вышел тёмный силуэт, держа в руках длинную трость. Раздался электрический треск.

Доктор пригнулся, но недостаточно быстро, и энергетический луч отрезал кончик его уха и полу его шляпы. Луч метнулся вверх, отрезал тяжёлую ветку дерева, и та рухнула на землю, едва их не задев.

Эйс замахнулась.

– Эйс, пригнись! – закричал Доктор, но капсула нитро-9 уже летела.

Дерево, за которым стоял стрелявший в них, поднялось высоко в воздух... и убийца, наверное, вместе с ним.

– Бежим, Эйс! – крикнул Доктор. – Обратно в ТАРДИС, пока ты ещё не весь Мюнхен разрушила!

Они бросились к переулку.

Забежав в ТАРДИС, Доктор устало опустился в кресло.

– Спасибо, Эйс... снова!

– Значит, тех, кто в тебя стреляет, взрывать можно?

– Всегда. Особенно, тех, кто стреляет в меня в 1923 году из энергетического оружия. И тем не менее... – Доктор протянул руку.

– Что? – невинным голосом спросила Эйс.

– Давай сюда.

– Но это последний!

– Давай сюда, говорю.

Эйс неохотно вынула последнюю капсулу с нитро-9а.

Доктор взял её и спрятал себе в карман.

– Я больше не могу рисковать твоим взрывным вмешательством в историю. Ты могла нарушить временной поток, – он осмотрел свою шляпу. – Посмотри на неё – хоть выбрасывай! И ухо он мне тоже испортил.

Эйс уже рылась в шкафчике.

– Найдёшь себе другую шляпу.

– А как на счёт уха?

Она кинула ему каменный сосуд:

– Попробуй, там ещё чуть-чуть оставалось. Если всё и дальше так пойдёт, тебе лучше будет запастись этим средством.

Доктор осторожно помазал ухо мазью.

– Теперь моё левое ухо будет моложе остального меня.

Эйс кивнула на центральную колонну. Та поднималась и опускалась, но очень, очень медленно.

– Мы летим куда-то или нет?

– Кажется, мы просто зависли в Вихре, – Доктор достал из шкафа набор электронных инструментов, снял с консоли одну из панелей, и взялся что-то переделывать.

– А чем ты сейчас занялся?

– Небольшой эксперимент с телепатическими контурами, – сказал Доктор.

Эйс какое-то время наблюдала за его работой.

– Так какой у нас план?

Доктор похлопал по консоли:

– У неё спроси.

– Ты серьёзно?

– Абсолютно. Это план ТАРДИС, а не мой. А я только действую по подсказкам.

– Ты там собирал подсказки?

Доктор кивнул.

– Да, и пытался по ходу дела вносить как можно меньше изменений.

– Но ты внёс изменения. Ты познакомился с Гитлером и спас его задницу.

– Не совсем. Согласно истории, наш Адольф действительно сбежал с Мюнхенской катастрофы с вывихнутым плечом. Всё, что я сделал – как можно более ненавязчиво внедрил себя в его жизнь. Мы пока что ничего по-настоящему не изменили. Если не считать нескольких частей Мюнхена, конечно... это спишут на бомбы революционеров.

– И что будет дальше... с ним? Его арестуют?

– О да, его в конце концов поймали.

– И что было дальше?

– Ему дали пять лет за измену, он отсидел шесть месяцев как особо важный заключённый, написал за это время «Mein Kampf», затем его простили и он оказался героем. Ещё десять лет грязной политики, и он, наконец, смог прийти к власти.

– И ты думаешь, что ему помогли?

– Я уверен в этом, – задумчиво сказал Доктор. – Кто-то, у кого есть энергетическое оружие. Кто-то, кто меня знает, и знал, что я должен прибыть.

Он завершил свою возню с приборами, вернул панель на место и спрятал инструменты.

– А что насчёт Времяточца? – спросила Эйс.

– А и в самом деле... – Доктор достал индикатор пути во времени. Индикатор ярко светился. – Он говорит, что она где-то рядом, а ТАРДИС снова приземлилась. Идём?

– А нужно ли? В том смысле, что... если это была типичная нацистская политика...

– О, нет, нет, нет! – сказал Доктор. – Это были всего лишь ранние её дни. Потом всё стало гораздо хуже, – он уставился в пространство.

– В чём дело, Профессор?

– Это был первый раз, когда я встретил Адольфа, – задумчиво сказал Доктор. – Но до этого, когда у него было что-то вроде небольшого припадка по пути на площадь, мне показалось, что я его уже знал. Было такое чувство, будто его глазами на меня смотрел кто-то знакомый. Странно, очень странно...

Он открыл двери ТАРДИС, и вовнутрь хлынул свет.

В ночном небе бегали лучи прожекторов, рядом слышался рёв огромной толпы.

ЧАСТЬ 3.
1939 год, ВОЙНА

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Ключом ко всему Проекту является использование Субъекта для управления всё большими людскими массами посредством ораторского искусства. Очень важно понимать этот базовый метод, использованный политиками человечества во все эпохи. Он состоит в стимуляции таких базовых эмоций, как СТРАХ, ЛЮБОВЬ, НЕНАВИСТЬ, НЕДОВЕРИЕ, ГОРДОСТЬ, ЗЛОСТЬ, и постоянно повторяющейся последовательности.

Логика и здравый смысл при этом неважны, а скорее даже ограничивают желаемое воздействие...

Действия Субъекта всё ещё имеют тенденцию быть непредсказуемыми, и мы должны продолжать стремиться к более эффективному его контролю. Я рекомендую непрерывное, но постепенное наращивание психического усиления. В первую очередь нам следует избегать перегрузки.

1. МИТИНГ

Рейхсмаршал Герман Геринг смотрел на воодушевлённые лица, на вскинутые в салюте правые руки, на кажущееся бесконечным море людей, обращённых лицами к трибуне.

Прожектора, знамёна, факелы – эти митинги в Нюрнберге с каждым годом становились всё более странными, всё больше походили на безумную религиозную церемонию, чем на митинг политической партии. Он обвёл взглядом других партийных лидеров и подумал – как он всегда думал в таких обстоятельствах – что со времён старых дней в Мюнхене они прошли очень долгий путь.

Встречи в дешёвых пивных, произнесение речей перед небольшим числом единомышленников с мыслями о том, хватит ли денег, вырученных продажей входных билетов, на оплату аренды пивного зала. Драки с рабочими-коммунистами, пытающимися проломить тебе череп своими пивными кружками. Они обычно покупали много пива, и складывали пустые кружки под столом, чтобы было чем кидаться, когда начнутся выступления ораторов. Редкое собрание тогда не заканчивалось битыми стёклами и кровопролитием.

Геринг с удивлением осознал, что он скучает за этими старыми временами, за пьянками и драками. Тяжело было быть богом. Или, скорее, полубогом; бог в Партии был только один. Никто из его коллег не был против своего возвышения. Им нравилось, что им поклоняются.

Геринг с искренним презрением осмотрел собравшихся у трибуны. Там были претендующий на аристократизм Риббентроп, крысёныш Геббельс, Борман – царь бюрократии. А вон там, как всегда позади, маленький Гейни...

При виде своего единственного серьёзного противника в нацистской иерархии, с лица Геринга пропала улыбка. Тощий невысокий мужчина в очках с тонкой оправой и торчащими усиками был похож на клерка-неудачника. Генрих Гиммлер: рейхсфюрер СС, глава гестапо, человек, которого в Германии боялись больше всего.

И ещё я, – подумал Геринг. Что я тут делаю? Родился в знатной семье, чем не могут похвастаться остальные, сын дипломата, герой войны, командир знаменитого эскадрона фон Рихтхофена. Он подумал о своём великолепном поместье в Каринхалле, о своей коллекции произведений искусств, в основном награбленных, и цинично улыбнулся. Ты хорошо живёшь, Герман, – подумал он, – как и все остальные.

Выше всех – всегда выше всех – сидел сам Фюрер, Адольф Гитлер, который как раз сейчас поднимался, чтобы ритуально почтить память умершего члена Партии. Мы все поднимаемся в хвосте ракеты Гитлера, – подумал Геринг. Вперёд и вверх, выше и выше.

В последнее время у него начали появляться мысли о том, как долго ещё это может продолжаться.

Исполненный энергией, как всегда заряженный обожанием огромной толпы, Адольф Гитлер медленно спускался по ступеням.

В его сознании беспомощно извивалась инопланетная сила, она чувствовала этот безмерный океан психической энергии обожающей толпы, но не могла вкусить её. Она должна освободиться, освободиться, чтобы манипулировать этими пешками на их погибель. Но она была заперта. Это единственное, что она могла сделать ради своего выживания, ради сохранения своего разума.

На мгновение Фюрер оступился из-за бушевавшей в его мозге борьбы. Придя в себя, он пошёл дальше.

Недалеко оттуда, всё это наблюдали Эйс и Доктор. Они были на вершине пологого холма, чуть в стороне от огромного круга ярких огней. Холм стоял на краю гигантской равнины, на которой собрались тысячи и тысячи людей. Несмотря на ночь, равнина была ярко освещена, гораздо ярче, чем если бы это был день. Её окружали прожектора, направлявшие в воздух столбы света, пересекавшиеся вверху так, что над центральной площадкой образовывался купол. Повсюду пылали факелы, развевались тысячи нацистских знамён на флагштоках. Но больше всего было людей – шеренга за шеренгой, колонна за колонной, в центре чёрные и коричневые униформы, а по краям толпы гражданских.

Несмотря на количество людей, была мёртвая тишина. Широкий проход разделял огромную толпу, его края обозначали штурмовики с ружьями с пристёгнутыми штыками. Единственная фигура в военной форме шла по проходу к алтарю, на котором был огромный венок.

Вокруг алтаря горели жаровни, их дым клубился вокруг одинокой фигуры. Немного постояв неподвижно, фигура вскинула руку в жёстком, почти механическом салюте. Толпа издала глубокий хриплый рёв, как будто одно гигантское существо: «Sieg Heil! Sieg Heil! Sieg Heil!» Казалось, что от этого рёва трясётся земля. На мгновение фигура замерла с поднятой рукой, а затем развернулась и пошла обратно по центральному проходу, не обращая внимания на истерическое приветствие толпы.

Когда фигура проходила напротив их холма, Эйс узнала лицо того мужчины в шинели, который полз к ним по улице, страдая от боли. Теперь он был старше, набрал вес. Его белое лицо стало более пухлым, дурацкие усики стали немного гуще. И только глаза, всё те же ярко-голубые глаза, не изменились. Казалось, что они стали ещё ярче, сияя неземным светом.

– Это он! – прошептала Эйс.

– Совершенно верно, – сказал Доктор. – Сам Адольф Гитлер. Он неплохо выглядит, правда?

В конце длинного прохода вокруг Гитлера собрался антураж из людей в униформе, и все вместе они скрылись из виду. Где-то рядом выстрелили пушки, зазвенели колокола церквей, заиграли трубы, а толпа продолжала и продолжала приветственно кричать.

– Нужно отдать им должное, – сказал Доктор. – Шоу устраивать они умеют.

Эйс удивлялась тому, как она была потрясена, как взволнована.

– Что это было?

– Наверное, Фюрер почтил память какого-нибудь усопшего славного члена нацистской партии, – сказал Доктор. – Повод не имеет значения, важно само мероприятие. Это примитивный языческий ритуал, смесь религии, политики, и отвлечения внимания. Эффектно, правда?

– Пожалуй... по-гадкому эффектно.

– Это всё инсценировано, – сказал Доктор. – Организовано, спланировано... кем-то, кто очень хорошо знает психодинамику толпы. Этих знаний в этом веке ещё нет.

– Ему помогают?

– Я в этом уверен. Здесь был кто-то с самого начала, помнишь того, кто в меня стрелял? Я думаю, что кто-то, и вполне возможно он не один, был с ним рядом всё это время, направлял его, заботился о его карьере, усиливал его способности. Ты видела его глаза? Думаю, он под контролем, одержим.

– Времяточцем?

Доктор покачал головой:

– Сколько раз тебе говорить, это всё не в её духе. Ты же видела её в действии, у неё столько же тонкости, как у твоего нитро-9а. Эта непрямая долгосрочная манипулируя временем – совсем другое дело.

Эйс осмотрела залитую светом огромную сцену.

– Где мы? И когда, ели уж на то пошло?

Доктор задумался.

– Я бы сказал примерно через пятнадцать-шестнадцать лет после той заварушки в Мюнхене. Наш Адольф, как видишь, на вершине, но мне кажется, что война ещё не началась, судя по этим огням... Думаю, мы в Нюрнберге, на одном из больших партийных митингов. Они этим целыми днями занимаются: парады, военные игры, процессии с факелами. Много маршей и криков не дают людям думать. Ну, и речи, конечно, бесконечные речи. Думаю, сейчас как раз одна из них начнётся. Пойдём!

Толпа вытекала из огромной низины, и Доктор направился вслед за людьми.

– Постой, – сказала Эйс. – А как же ТАРДИС?

– Хорошее замечание! – Доктор вынул нечто, похожее на связку ключей, и коснулся невидимой кнопки. ТАРДИС растворилась в воздухе, звук её отправления утонул в общем гуле.

Эйс забеспокоилась:

– Эй, куда она делась?

– Припаркована в пространственно-временном континууме.

– Смотри, не потеряй своё устройство. Для экскурсий это, может быть, и хорошее место, но жить тут я не хочу.

Просто следуя за толпой, они вышли за пределы огромной площадки, прошли по улицам живописного старого города, а затем поднялись по ступеням огромного, ярко освещённого административного здания, увешанного, как и большинство зданий в городе, огромными знамёнами со свастиками. Доктор уверенно пошёл вверх по ступеням, Эйс шла сразу за ним. В

открытые двери им было видно, что огромный зал уже был набит битком.

– Давай поднимемся на этаж выше, – сказал Доктор и направился к мраморной лестнице.

Им преградил путь капитан СС в чёрной униформе:

– Верхние уровни зарезервированы для представителей партии.

Доктор посмотрел на него. Затем вынул из кармана монокль, вставил его в глаз, и посмотрел ещё раз.

– Вы знаете, кто я такой? – прошептал он. – Вы в курсе, что я здесь по личному приглашению Фюрера?

Капитан отступил:

– Прошу прощения, герр?..

– Моё имя, как и сам мой визит, не должны разглашаться. Можете обращаться ко мне «герр Доктор». Проведите меня к моей ложе.

– Сию минуту, герр Доктор, – капитан СС повёл их вверх по лестнице, прокладывая им путь в толпе. Наверху он остановился: – Герр Доктор, не будете ли любезны сказать какая у вас ложа?

Доктор недоумённо посмотрел на него:

– Самая лучшая, разумеется.

Офицер провёл их по изогнутому коридору, устеленному красной дорожкой, и открыл дверь в ложу, в которой сидели пухлый невысокий мужчина в тёмном костюме и пышная блондинка в вечернем платье.

– Эта ложа занята, – сказал капитан СС. – Освободите её!

Все огни погасли. Затем один из прожекторов снова включился, выхватив из темноты блестящую стальную трибуну. Снова длительная пауза. Затем Адольф Гитлер взошёл на трибуну. Он стоял неподвижно, глядя поверх зрителей; его голубые глаза устремились в точку на далёком горизонте. Он стоял молча поразительно долго.

Внезапно он заговорил, тенором:

– Народ Германии...

Его речь, как и его голос, была невнятной, непоследовательной, размытой. Но постепенно голос набирал скорость и силу, словно пожар на ветру. И вот уже Гитлер просто вопил, обвиняя врагов Германии, огромный смутный международный заговор евреев, большевиков, и недочеловеков, желавших уничтожить величие их страны – величие, которое он восстановил. Он просил, он умолял, он угрожал, играя на эмоциях слушателей, как музыкант-виртуоз на знакомом инструменте.

Последний раз он крикнул: «Deutschland! Deutschland! Deutschland!», взметая в воздух кулак в такт словам, вздрагивая всем телом, как кабель, который пронизывает электрический ток, и всё закончилось. Аудитория взорвалась аплодисментами. Эйс вдруг обнаружила, что трясётся, а по её щёкам текут слёзы. В темноте она услышала голос Доктора:

– Психологическое изнасилование и убийство. Так один немецкий поэт называл выступления Гитлера.

– Это было похоже на магию, – сказала Эйс. – На чёрную магию.

– Видела, как он начинал, абсолютно не впечатлял?

Эйс кивнула:

– Если бы он так и дальше говорил, его бы зафукали даже на собрании скаутов.

– Но дальше ведь он говорил совсем не так, правда? Он внезапно включил форсаж. А ты помнишь, о чём именно он говорил в своей речи?

– Вообще-то нет. Просто непонятные предупреждения о том, что Германии грозит опасность.

– Какая?

– Не знаю. Евреи, коммунисты, капиталисты, иностранцы, Армия Спасения, зелёные человечки – все!

– Именно! А можешь вспомнить какие-нибудь планы или политику, что-нибудь конкретное, что он собирается сделать для устранения этой опасности?

Она глубоко задумалась.

– Нет. Просто куча разного о крови и почве, и о священном духе арийской расы.

– Вот то-то и оно, – сказал Доктор. – Он рассуждает о неизвестных угрозах, о непонятных врагах, и расплывчато взывает к какому-то мутному духу расы. Сказочная чушь. Но ты видела, какой она произвела эффект.

Эйс кивнула:

– Я его даже почувствовала.

– Каким-то образом он полностью обходит смысл и логику, и излучает на психической волне базовые сигналы. Страх, ненависть, паранойя... Затем общность, надежда, чувство локтя.

Огромные дозы грубых эмоций, изливаемых с поразительным напором.

– Так как же это делается?

– Думаю, его подкачивают энергией, используют как передатчик... – Доктор замолк, потому что распахнулась дверь их ложи.

Сердитый голос закричал:

– Руки вверх! Вы арестованы!

2. ВСТРЕЧА СТАРЫХ ДРУЗЕЙ

Приветственные крики наконец замолкли, и Фюрер сошёл со сцены. Герман Геринг поспешил за ним. Как обычно, после выступления с речью Гитлер будет уставший, и ему понадобится поддержка его самого верного соратника. Геббельс и Риббентроп будут, как обычно, подлизываться, но их можно не бояться. Беспокоиться нужно только о Гиммлере, – угрюмо думал Геринг. Его влияние росло тревожными темпами. В последнее время Гитлер начал называть его «своим верным Генрихом».

Не стесняясь пользоваться своими габаритами и своим положением, Геринг протолкнулся сквозь толпу ко входу и к ожидавшему его лимузину.

На великолепном приёме в «Дойчер Хоф», любимом старом отеле Фюрера, Геринг подошёл к Гитлеру первым.

– Превосходная речь, мой Фюрер, – торжественно сказал он. – Вы, как всегда, указали нам путь вперёд. Без вас мы ничто.

Подошёл Гиммлер, чтобы тоже пораболепствовать, но ему уже оставалась только роль второго. Высокопоставленные представители партии и офицеры собрались вокруг, воздавая традиционные похвалы, и Геринг, глядя на это с циничным весельем, знаком велел официанту подать ещё шампанского. В комнату зашёл офицер СС и что-то прошептал Гиммлеру на ухо. Гиммлер нахмурился, что-то спросил, а затем неохотно пошёл вслед за офицером из комнаты.

Герингу стало любопытно, и он пошёл следом.

В коридоре он увидел невысокого темноволосого мужчину и симпатичную круглолицую девушку, находившихся под охраной нервного капитана СС и пары штурмовиков.

– Этот господин утверждает, что он гость Фюрера, – говорил молодой офицер. – По его приказу я выставил из ложи герра Эслера из нюрнбергского комитета Партии, – он печально сглотнул. – Однако позже, по настоянию герра Эслера, я проверил списки приглашённых и не нашёл там упоминания такого гостя. Поскольку этот господин настаивает, что он гость Фюрера, я подумал, что будет лучше передать это дело на самый высокий уровень.

Гиммлер холодно посмотрел на двоих задержанных:

– Что за ерунда! Я бы знал о них. Это наверняка террористы-убийцы. Отведите их в штаб Гестапо и расстреляйте, как только они сознаются.

Капитан повернулся, чтобы отдать приказ, но тут вмешался Геринг.

– Не спеши, Генрих, – сказал он. – Расстрелять их мы всегда успеем. Давай посмотрим на них.

Он с угрозой посмотрел на задержанного мужчину:

– Так вы утверждаете, что вы старый друг Фюрера?

Мужчина склонил голову:

– Мы познакомились с ним в Мюнхене, в 1923 году.

– Не помню, чтобы я вас там видел.

– А я вас видел. Надеюсь, рана зажила без последствий?

Геринг засмеялся и похлопал себя по животу:

– О, я выжил, как видите. От лекарств вреда было больше, чем от раны! Они накачали в меня столько морфия, что чуть меня наркоманом не сделали, – он повернулся к Гиммлеру: – Думаю, нам лучше проверить его рассказ. Ты же знаешь, как Фюрер ценит всех, кто связан со старыми временами, своих «старых бойцов», как он их называет.

– Говорю же, я был бы в курсе, – сердито прошипел Гиммлер.

Геринг хохотнул:

– Я не думаю, что Фюрер докладывает тебе абсолютно обо всём, Генрих.

Внезапно из главной комнаты донёсся шум какого-то движения. Геринг и Гиммлер проворно отошли в стороны, и в дверь зашёл сам Адольф Гитлер. Он выглядел усталым, истощённым, словно произнесение речи выжало из него все соки.

Он с любопытством посмотрел на собравшихся у двери людей:

– В чём дело?

– Ни в чём... – начал Гиммлер.

Низкий голос Геринга заглушил его:

– Мой Фюрер, этот господин утверждает, что он ваш знакомый... со старых времён в Мюнхене.

Взгляд Гитлера безразлично скользнул по Доктору.

– Я его не помню.

Неожиданно мужчина шагнул к нему и посмотрел ему прямо в глаза. Странно, но Герингу показалось, что в каком-то смысле это встреча равных.

Голос задержанного был деловым и убедительным:

– Посмотрите на меня внимательно. Вспомните о том случае, когда вам было больно, вы были в опасности, вы были в отчаянии. Вспомните о том, кто облегчил вашу боль, отвёл вас в безопасность. Я тогда сказал вам, что однажды вы будете править Германией, и что мы ещё встретимся!

Гитлер какое-то мгновение пристально смотрел на него. Затем шагнул вперёд и обнял незнакомца.

По комнате пронеслись восторженные вздохи. Гитлер шагнул назад, радостно осматривая незнакомца.

– Вы вернулись, Доктор, как вы и сказали.

– И теперь вы правите Германией, – ответил Доктор. – Как я и сказал.

Положив руку на плечо Доктора, Гитлер обвёл взглядом комнату:

– Этот человек помог мне в мой самый тёмный час. Более того, он дал мне надежду. Он верил в мой успех.

Раздался вежливый восхищённый гомон и аплодисменты.

– Дело не в том, что я верил, – спокойно сказал Доктор. – Я знал, что вы будете править. Точно так же, как сейчас я знаю, что у вас много проблем и много врагов. Вот почему я вернулся.

Гитлер внимательно на него посмотрел:

– Мы ещё поговорим, очень скоро, – он повернулся к офицерам своего антуража: – Доктор и его спутница – почётные гости Рейха. Найдите им подходящее жильё, здесь, в «Дойчер Хоф». Завтра они вернутся со мной в Берлин.

Как только Гитлер вышел, Эйс повернулась к Доктору и прошептала:

– Поздравляю, Профессор, у тебя снова вышло.

– Послушай, – прошипел Доктор. – Я странствующий учёный, а ты моя племянница. Старайся выражаться как можно загадочнее, создавай впечатление, что я странный и таинственный тип с какими-то таинственными талантами.

– Иными словами, говорить чистую правду?

Не успел Доктор ответить, как их окружила толпа. Геринг взял их под свою опеку, затащил их вовнутрь роскошного приёмного зала, освещённого внушительным канделябром, где группы высокопоставленных офицеров, партийных представителей, местных влиятельных граждан, а также их спутницы попивали шампанское и ели замысловатые канопе. Как только туда зашли Эйс и Доктор, все в зале тотчас начали смотреть на них, кто-то скрыто, кто-то открыто. Их коснулось величие, и все теперь хотели с ними дружить.

Подозвав официантов, Геринг не скрывая любопытства посмотрел на Доктора:

– А вы просто феномен, мой друг. Я никогда раньше не видел, чтобы Гитлер встречал кого-то вот так! Что вы сделали? Спасли его жизнь?

Доктор скромно улыбнулся и ничего не сказал.

Геринг повернулся к Гиммлеру, неловко топтавшемуся рядом:

– Ну а я определённо спас твою жизнь, Генрих – ты чуть не расстрелял дорогого друга Фюрера.

Гиммлер слегка поклонился Доктору:

– Надеюсь, вы мне простите мои изначальные подозрения. Для меня безопасность Фюрера – один из главнейших приоритетов.

Доктор поклонился:

– Для меня тоже.

Эйс было неприятно чувствовать, что все присутствующие смотрят на них.

– Я себя кинозвездой чувствую, Профессор!

Доктор успел лишь пожать плечами, как его тут же окружила группа новообретённых почитателей. Эйс внезапно услышала у своего уха вкрадчивый голос:

– Дорогая, а вы не хотели бы *стать* актрисой кино? При вашей молодости и вашем очаровании всё возможно. Может быть, я смогу помочь.

Повернувшись, она увидела рядом темноволосого, противного на вид невысокого мужчину. Он вкрадчиво улыбнулся и взял её под руку.

– Позвольте представиться. Йозеф Геббельс, министр Пропаганды. Кинематограф, как и другие аспекты культуры Рейха, входит в круг моей ответственности.

Эйс убрала его руку со своей.

– Правда? – сказала она скучающим голосом.

Геббельса это не остановило:

– Может быть, обсудим это дело где-нибудь в менее людной обстановке, к примеру, в моём номере?

Эйс захотелось врезать ему в ухо, но она подумала, что это будет бестактно.

– Пожалуй, нет, – вежливо сказала она. – На самом деле я не хочу стать звездой кино, это была всего лишь шутка. Меня гораздо больше интересуют наука и археология. Мы с дядей совсем недавно изучали надписи в пирамидах. Это так интересно...

Геббельс ненавидел умных женщин. Он пробормотал несколько льстивых любезностей и скрылся.

Затем подошёл некто по фамилии Риббентроп.

– Я сейчас министр иностранных дел, – помпезно заявил он. – Это такая большая ответственность. Но больше всего мне нравилось быть послом в Англии. Вы бывали в Сент-Джеймском дворе?

– Нет, не была, – сказала Эйс. – А вы бывали в Перивейле?

Геринг тем временем не спускал глаз с таинственного Доктора. Он заметил, что тот постоянно осматривается.

– Может быть, вам помочь, герр Доктор? Я знаком с большинством здесь присутствующих.

– Вон тот мужчина – высокий, с седой бородой, в плаще и с палкой.

– А, доктор Кригслитер, – тут же сказал Геринг. – Вы его знаете?

– Я не уверен. Он кажется мне знакомым.

Герингу и самому был интересен Кригслитер, даже вызывал подозрения.

– Обычно он на таких приёмах не бывает. И вообще он редко посещает публичные мероприятия. Со здоровьем у него плохо, инвалид с самого рождения, бедняга.

– А кто он такой?

Геринг пожал своими большими плечами:

– Какой-то философ-мистик. Фюрер им очень увлечён, настаивает на его присутствии на сцене во время всех его выступлений. Смотрите, он идёт к нам.

Словно заметив взгляд Доктора, Кригслитер хромал в их сторону. Чем ближе он подходил, тем более казался странным. Было очевидно, что закутанное в плащ тело было ужасно искалечено. Двигался он на удивление быстро, странной, паучьей походкой – казалось, что под плащом у него восемь ног, а не две. Голова была непропорционально большой и странной формы, хотя седая шевелюра и кустистая борода частично скрывали это.

Подойдя к Доктору, он поклонился:

– Надеюсь, я не помешал? – голос у него был глубокий. – Мне показалось, что мне нужно позволить себе обменяться парой слов с нашим таинственным гостем. Я доктор Кригслитер.

Доктор тоже поклонился:

– А я Доктор.

– А, вы здесь инкогнито?

– Я очень на это надеюсь.

– А вы доктор каких наук?

– Практически всех, – скромно сказал Доктор. – А вы?

– Моя специальность – эзотерика, непознанное. Фюрера такие вещи очень интересуют... впрочем, вы же и сами его хорошо знаете.

– Наша с ним встреча была много лет назад и длилась недолго, – сказал Доктор. – Мне будет очень интересно узнать о том, в каком направлении изменились его вкусы.

– Фюрер вас так тепло встретил, что я подумал, что вы с ним старые друзья.

– У меня была возможность оказаться полезным ему, – сказал Доктор. – Надеюсь, что такая возможность будет у меня и в будущем.

– Мы все должны служить Фюреру, каждый по своему, – сказал Кригслитер. – Герр Доктор, я уверен, что мы ещё встретимся, – его слова странным образом звучали как угроза.

– Это очень странно, – сказал Доктор. – Меня не покидает странное чувство, что мы с вами уже встречались.

– Боюсь, что ваша внешность мне абсолютно незнакома, Доктор, – сказал Кригслитер. Он криво усмехнулся: – А мою внешность, я уверен, вы бы запомнили.

– Я не имел в виду внешность, – сказал Доктор. – Быть может, это было в другой жизни. Вы верите в реинкарнацию, доктор?

Кригслитер снова поклонился и быстро захромал прочь.

Геринг наблюдал за их разговором с большим любопытством.

– Что вы о нём скажете?

– Я не вполне уверен...

– Наш Фюрер время от времени связывается с такого рода людьми, но обычно они ему надоедают. Этот Кригслитер держится дольше всех. Быть может, пора его уже сменить?

– Возможно.

– Разумеется, если бы у Фюрера был благоразумный советник, практичный человек, с которым он мог бы поговорить, – многозначительно сказал Геринг. – Вы когда-нибудь состояли на государственной службе, Доктор?

– Можно сказать, что я когда-то занимал полуофициальную должность. Я был неоплачиваемым консультантом правительственной организации.

– В Германии?

– Нет, в Англии.

– Это даже лучше, Фюреру очень нравятся англичане. Это же ещё одна арийская раса. И в Берлине такого рода должность определённо не окажется неоплачиваемой. Человек, занимающий такой пост, мог бы сослужить Рейху большую службу... и себе тоже. Он мог бы получать почти всё, что захочет.

– В самом деле? – спросил Доктор. – К счастью, мои потребности очень скромны.

– У всех есть свои желания, Доктор, – весело сказал Геринг.

– Приезжайте как-нибудь ко мне в Каринхалль. Вы любите охоту?

При первой же удобной возможности Доктор пожаловался на усталость, и его с Эйс провели в роскошный номер с двумя кроватями, исключительно современный, не смотря на возраст отеля.

– Когда Фюрер приезжает в Нюрнберг, он всегда останавливается у нас, в «Дойчер Хоф», – гордо сказала горничная. – Разумеется, нам пришлось тут всё перестроить, чтоб удовлетворить его требования.

Когда они остались одни, Эйс посмотрела на Доктора:

– Нам снова нужно идти в ванную?

Доктор покачал головой:

– Я захватил из ТАРДИС вот что, – он вынул из кармана старые карманные часы, открыл их крышку, под которой были сложные электронные схемы и маленький мигающий голубой огонёк, затем закрыл их и снова спрятал. – Высокочастотный звуковой импульс. Больше им меня не поймать – теперь меня не подслушаешь!

Эйс зевнула:

– Молодец, Профессор. Ты сегодня произвёл фурор.

– Лишь потому, что меня обнял Гитлер, – скривившись, сказал Доктор. – Все пытались сблизиться со мной, добиться внимания любимчика Фюрера. Геринг, похоже, предлагал мне что-то вроде работы, – он нахмурился. – Интересно, что он затеял. Ты знаешь, у меня сложилось впечатление, что он сильно переживал. Переживал о Гитлере.

Эйс задумчиво на него посмотрела.

– А ведь тебе нравится, Профессор? – неожиданно сказала она. – Всё это враньё, уловки, хитрости. Ты даже удовольствие получаешь.

Доктор криво усмехнулся.

– Пожалуй, в чём-то ты права. Не забывай, что я вырос в таком сложном, неискреннем, испорченном обществе, что эти политики для меня как детский сад.

– Что, ты? Повелитель времени? Я-то думала, что у вас там всё очень чинно и благородно.

Доктор покачал головой:

– Что касается низких подлостей и измен, нацисты и рядом не стояли с галлифрейскими повелителями времени, – он растянулся в кресле, сложив руки за головой. – В целом, сегодня был довольно успешный вечер. Пока я у Фюрера в фаворе, я буду в центре событий, и смогу хорошо осмотреться.

– И что ты будешь искать?

– Для начала того, кто контролирует Фюрера.

– Подозреваемые уже есть?

– Я сегодня познакомился с неким Кригслитером. Это мужчина, которого мы видели на сцене.

– Я видела, что ты с ним разговаривал. Он так странно выглядит.

– Да уж, – сказал Доктор. – Странно... и он мне странно знаком.

Когда приём подходил к концу, Гиммлер отвёл Геринга в сторону.

Чего это малышу Гейни нужно? – подумал Геринг. Он глотнул шампанское. Гиммлер, как всегда пивший апельсиновый сок, осудительно посмотрел на него.

– Этот Доктор, – начал он. – Что ты о нём думаешь?

– Я ещё не определился. А ты что скажешь?

– Странно, – сказал Гиммлер. – Это очень странно, что кто-то может быть так близок к Гитлеру, и я ничего о нём не знаю.

– Мне он понравился, – сказал Геринг. – Довольно устрашающий тип, хотя это и не броско. Смотреть вроде бы как не на что, но... внешность – это ведь ещё не всё, правда, Генрих?

К радости Геринга, Гиммлер рассердился и покраснел. Он прекрасно осознавал контраст между своей близорукой фигурой с брюшком и светловолосыми молодыми великанами на плакатах, агитирующих за вступление в СС.

– Сейчас меня не радует вхождение в круг общения Гитлера новых людей, – многозначительно сказал Гиммлер. – Пока эта проблема не решена...

Геринг кивнул:

– Ты же понимаешь, мы не сможем скрывать это вечно. Представь себе, что будет, если это случится на публике, когда он произносит речь?

– По словам доктора Кригслитера, Фюрер уязвимее всего *после* выступлений, когда он утомлён, и его чувство самосохранения понижается.

– Но ведь приступы случаются всё чаще?

– Доктор Кригслитер уверен, что их можно контролировать, возможно, при помощи гипноза, если только Фюрер согласится.

– Не согласится, – уверенно сказал Геринг. – Ты очень высокого мнения об этом Кригслитере, не так ли?

– Доктор Кригслитер – человек исключительного ума. Работа его Бюро Арийских Исследований исключительно важна для СС и Рейха.

Геринг засмеялся:

– Пора тебе уже понять, что СС – это частная армия наёмных убийц, а не мистический орден или солдаты-монахи. Я слышал о том, чем вы там, в замке, занимаетесь. Тайные алтари, часовни СС...

– Национал-Социализм это дух, а не только плоть, – сердито сказал Гиммлер.

– Знаешь что, Генрих, занимайся духом, а я буду заниматься плотью! – большой живот Геринга затрясся от хохота. – А что будем делать с этим загадочным Доктором?

Гиммлер пожал плечами:

– Если Фюрер решил с ним дружить, мы мало что можем сделать. Кроме как следить за ним, разумеется.

– Разумеется, – насмешливо сказал Геринг. – Но ты ведь за всеми следишь, не так ли, Генрих?

Гиммлер сердито на него посмотрел, но не ответил.

Геринг мысленно улыбнулся иронии этой ситуации. Они ненавидели и боялись друг друга, они соперничали друг с другом за положение в Рейхе и за расположение Фюрера. Однако в данный момент они были союзниками.

Они оба понимали, что продолжительный успех Рейха, их карьеры, даже их жизни зависели от одного человека – Адольфа Гитлера.

От Фюрера.

А Фюрер сходил с ума.

3. ОДЕРЖИМЫЙ

Позже, той же ночью, невысокий коренастый мужчина с толстой шеей спешил по коридорам гостиницы «Дойчер Хоф». Остановившись напротив одной из дверей, он тихо постучал:

– Герр Доктор?

Ему ответили:

– Войдите!

Поскольку было три часа ночи, посетитель удивился, обнаружив, что Доктор одет и не спит. Он сидел в кресле, в кругу света, отбрасываемого высоким торшером.

– Да?

– Простите, что потревожил вас так поздно, герр Доктор. Меня зовут Борман, Мартин Борман. Я имею честь быть секретарём Фюрера.

Доктор кивнул, но ничего не сказал.

– Фюрер... – начал Борман.

– Хочет меня видеть, – закончил Доктор. – Как видите, я уже готов и жду.

Мартин Борман посмотрел на Доктора с благоговением. Откуда он мог знать?

– Пройдёмте за мной, герр Доктор.

Борман провёл Доктора по тихим коридорам, затем в дверь, охраняемую эсэсовцами, а затем в большую слабо освещённую комнату. В комнате основным предметом мебели был огромный стол, на котором горела единственная настольная

лампа. За столом сидел Адольф Гитлер и быстрым нервным росчерком одну за другой подписывал бумаги.

Когда Борман заводил Доктора, Гитлер подписал последний документ в толстой стопке, отодвинул стопку в сторону и облегчённо вздохнул. Борман поспешил к нему, чтобы забрать и унести подписанные документы.

– А, мой добрый Борман, – сказал Гитлер. Он посмотрел на Доктора. – С Борманом я могу за десять минут изучить стопку досье, над которой с другим человеком работал бы несколько часов, – он встал и положил руку на плечо Бормана. – Если я скажу ему «Напомни мне об этом через шесть месяцев», я могу быть уверенным, то он это сделает.

Борман покраснел от гордости. Такие моменты похвалы были для него смыслом существования.

– Я буду рядом, на случай если понадобится, мой Фюрер, – он кивнул и ушёл, унеся с собой стопки документов.

Гитлер подошёл к одному из двух кресел, стоявших у окна, жестом предложив Доктору сесть в другое. Какое-то мгновение он смотрел в окно. Всё ещё были видны остатки процессии с факелами, изгибавшейся по улицам Нюрнберга.

Не устают ли эти люди боготворить своего Фюрера? – подумал Доктор. И не устаёт ли он сам от их поклонения? В свете настольной лампы лицо Гитлера казалось осунувшимся, даже загнанным. После долгого молчания он заговорил низким, нерешительным голосом.

– Когда мы встретились в Мюнхене, в мой самый тёмный час, вы сказали, что настанет день, когда я буду править Германией. Сегодня вы сказали, что знали уже тогда...

Доктор склонил голову.

– Откуда вы знали? – хрипло спросил Гитлер.

Доктор помолчал, раздумывая, что сказать. Самим разговором с Гитлером он вмешивался в историю. Как всегда, это было опасно. Результат этого вмешательства мог распространиться, как волны, разбегающиеся по поверхности камня по поверхности пруда. Результат мог оказаться катастрофическим. В то же время, если не вмешиваться, то как ему предотвратить то искажение истории, которое привело к оккупированной нацистами Британии? Инстинкт подсказывал ему говорить только правду.

– Я много странствовал, в пространстве и во времени. Вот почему я уже тогда знал, что ваше имя будет значимым в истории.

Гитлер ухватился за важный момент, и интерпретировал его по своему:

– Во времени? А, мысленно, в видениях. Вы мистик, как добрый доктор Кригслитер, – он наклонился вперёд, сверкая голубыми глазами. – А сейчас, здесь и сейчас, Доктор, вы всё ещё видите, что будет дальше? Вы можете сказать мне мою судьбу через шестнадцать лет, как вы это сделали шестнадцать лет назад?

Шестнадцать лет? – подумал Доктор. У тебя их едва шесть наберётся, бедный ты заблудший безумец. Через шесть лет ты

погибнешь от своей собственной руки. Твой Тысячелетний Рейх развалится, а большинство твоих приспешников будут приговорены к смерти здесь, в Нюрнберге. Вот твоя нацистская судьба, Адольф Гитлер, и я позабочусь о том, чтобы ты её исполнил. Потому что иначе... Потому что иначе этот злой режим расползётся по всему миру – а со временем, возможно, и в космосе – чудовищное извращение истинной истории.

Голос Гитлера прервал его мысли.

– Доктор? Вы видите, что должно случиться?

Правду, но не всю правду, – подумал Доктор. Вслух он сказал:

– Не всё. Никто не видит всё.

Гитлер встал и начал расхаживать по комнате.

– Шесть лет назад я захватил верховную власть и с тех пор получал всё, чего хотел. Австрия, Судеты, Чехословакия – это всего лишь ступени моего большого плана. Затем будет Польша, потом Россия, потом Персия и Индия – изначальный дом арийской расы.

Движения Гитлера становились всё быстрее, отрывистее, его голос повышался от возбуждения. Он пересёкся взглядом со спокойными серыми глазами Доктора и попытался взять себя в руки.

– Как я уже сказал, следующий шаг – Польша. Только ради неё я согласился на договор о дружбе с большевистской мразью в России.

Доктор кивнул:

– С тайными пунктами, которые делят между вами Польшу
– чтобы русские наверняка не вмешивались.

Гитлер поражённо обернулся:

– Откуда вы это знаете?

Доктор поднял ладонь:

– Как я вам сказал, некоторые вещи я могу увидеть.

– Тогда скажите мне следующее. Британцы обещали помочь Польше в случае моего нападения. Но я уверен, что они не сдержат своё слово. Я прав или нет?

– Нет, – сказал Доктор. – Вы ошибаетесь.

Адольф Гитлер замер от потрясения:

– Что вы сказали?

Ну вот, – подумал Доктор. Ему за эти шесть лет, наверное, никто не говорил, что он ошибается.

Гитлер сердито повернулся к Доктору:

– Да как вы смаете говорить мне такое! Вы понимаете, что обращаетесь к верховному правителю Германии? Я могу велеть расстрелять вас!

Доктор спокойно сидел в кресле, не шевелясь и не реагируя.

– Если вам нужны советы только тех людей, кто соглашается с каждым вашим словом – в этой гостинице таких полно. Только щёлкните пальцами. Я могу сказать лишь то, что я знаю. Как только вы нападёте на Польшу, Британия объявит вам войну.

С огромным усилием Гитлер подавил свой гнев.

– Хорошо, тогда скажите мне следующее. Если я нападду на Польшу, выполнят ли русские свои обязательства?

– Если вы выполните свои.

– А если я буду воевать с британцами и их союзниками, я их смогу победить?

Доктор усиленно думал. Снова наступило время сказать правду... но не всю.

– Ваши армии пронесутся по Европе в молниеносной войне: Франция, Бельгия, Голландия...

– А Англия? – хрипло прошептал Гитлер. – Что насчёт Англии?

– Это я не могу сказать.

Гитлер снова начал ходить туда-сюда.

– Тогда я вам это скажу! – закричал он. – Если англичане будут мне мешать, я их уничтожу. Любого, кто мне будет мешать, я уничтожу. Я уничтожу их всех! Польшу, Россию, Индию, Азию! Все будут под моим сапогом. Я буду верховным правителем всего мира.

Доктор неподвижно сидел в кресле. Происходило что-то странное. Гитлер ходил туда-сюда, выдавая тираду за тирадой, и от него волнами во все стороны шла энергия. И это была не просто энергия оратора, которую Доктор почувствовал на митинге, хотя и она тоже была не слабой. Это было что-то другое, более яростная, дикая сила. И она была и физической тоже. Воздух пришёл в движение, шторы вздулись, как паруса, украшения сдуло и разбило об стену.

– Я уничтожу эту планету, – кричал Гитлер не своим голосом. – Я разрушу все планеты в этой галактике.

Он схватил свой массивный стол и швырнул его в стену, разбив его на части.

– Я уничтожу вселенную!

Доктор ловко сделал сальто назад и спрятался за собственным перевёрнутым креслом. Он осторожно выглянул сбоку. Гитлер носился по комнате, снося всё на своём пути, и всё громче ревел угрозы космического масштаба. Позади него порыв энергии пронёсся по комнате, как ветер, подбрасывая в воздух картины, статуэтки, книги и документы.

Внезапно он словно только сейчас заметил Доктора. Он пошёл к нему, его глаза светились безумием.

– Я знала, что мы снова встретимся, Доктор! Только в этот раз у тебя нет твоей ТАРДИС, защищать тебя некому. В этот раз я тебя уничтожу!

Рука Гитлера метнулась вперёд, и удар психической энергии расколол в щепки кресло, за которым прятался Доктор. Доктор, однако, успел откатиться в сторону. Он вскочил на ноги и огляделся в поиске другого укрытия.

Укрытия не было.

Гитлер теперь казался выше, его окружало серебристое сияние. Он направился к Доктору, протянув вперёд похожие на клешни руки, словно намереваясь разорвать его на части. Доктор отступал.

Последний, отчаянный спурт к двери... если получится... ему это казалось маловероятным. Внезапно Гитлер издал ужасный вой, его тело изогнулось, он рухнул на пол и замер.

Психическая перегрузка, – подумал Доктор. Может быть, он умер?

За дверь, Мартин Борман слушал со всё нарастающим мучением. Та последовательность событий, которую он научился бояться, снова повторилась. Фюрер в гневе поднял голос, потом раздались нечеловеческие крики, ужасные звуки разрушения. Дикий вой и стук упавшего тела стали для него последней каплей. С ужасом думая о том, что он сейчас увидит, он вбежал в комнату с револьвером наперевес. Мужчина, называемый Доктором, стоял на коленях возле тела Фюрера.

Борман навёл револьвер:

– Отойдите от него!

– Дурак, уберите это! – резко ответил Доктор. – У Фюрера был приступ нервной истерики. Мозговой шторм.

В его голосе была такая уверенность, что Борман тут же спрятал револьвер в кобуру.

– Мне послать за доктором?

– Я и есть доктор, – Доктор осматривал бесчувственного Гитлера. – Раньше такое уже случалось?

– Да, несколько раз.

– Когда, в какое время это происходит?

– Всегда поздно ночью, когда он один и очень утомлён.

– Что происходит?

– Никто не знает. Мы слышим ужасные крики и находим его в таком состоянии.

– Комната всегда разрушена?

– Всегда. Разрушения такие, что вы даже не поверите.

– Раньше при этом с ним кто-нибудь был?

Мартин Борман осторожно поднял Гитлера на большой диван.

– Только один раз. Это было во время чехословацкого кризиса. Фюрер поздно ночью принимал кого-то из генералов.

– И что случилось?

– Тот, должно быть, разозлил Фюрера, и я услышал, что Фюрер кричит. Затем я услышал ужасный вопль. Когда я забежал в комнату, она была разрушена, генерал был мёртв, а Фюрер был в таком состоянии, как сейчас.

– Отчего умер тот мужчина?

– В диагнозе была указана остановка сердца.

– Какой был из себя погибший?

У Бормана отвисла челюсть.

– Старый, молодой, толстый, худой? – резко спросил Доктор.

– За шестьдесят, довольно толстый. Генерал, в штабе служил.

– Думаю, диагноз был верным, – пробормотал Доктор. – Увидеть то, что увидел я – большой шок.

Борман расстегнул воротник Гитлера.

– Что очень странно, эти приступы никогда не случаются в моём присутствии, а мы с ним часто работаем допоздна, как сегодня.

– Это не сложно объяснить. Вы, похоже, успокаиваете Фюрера. По моему мнению, он будет наиболее подвержен приступам в моменты сильного возбуждения или ярости,

особенно если он к этому моменту уже устал. Я видел это сегодня собственными глазами. Мы обсуждали его планы, он разозлился – не на меня, а на англичан – и случилось вот это.

– Но вы выжили, вы успокоили его?

– Сделал, что смог, – мрачно сказал Доктор.

– Вы можете ему помочь, Доктор? – с надеждой спросил Доктор. – Он очень о вас высокого мнения, я знаю, он говорил о вас сегодня.

– Я сделаю, что смогу, – торжественно сказал Доктор. – Но мне понадобится ваша помощь.

– Что угодно, – страстно сказал Борман. – Просите что угодно. Любой, кто поможет Гитлеру в этом кризисе, может рассчитывать на мою преданность.

Доктор посмотрел на спящего Гитлера:

– Он помнит потом, что с ним было?

– Не думаю. Он никогда не упоминал о том, что происходило.

– Положите его в постель, – сказал Доктор. – Уберите в этой комнате и, самое главное, проследите, чтобы не было разговоров.

– Не будет никаких разговоров, – мрачно сказал Мартин Борман. – Завтра всё будет так, словно этого никогда и не было.

До следующего раза, – подумал Доктор. Он строго посмотрел на Бормана.

– Самое главное, помогайте ему сохранять спокойствие, избегать стрессов...

И это чудесный совет тому, кто собирается со дня на день начать Вторую Мировую войну, – думал Доктор на пути обратно в свой номер.

В номере Эйс возбуждённо ходила туда-сюда. Одета в красивый шёлковый пеньюар – собственность гостиницы – она выглядела совсем другой. А она превращается в красивую молодую женщину, – подумал Доктор. Когда-нибудь это может стать для кого-то проблемой. Но голос у неё был прежний.

– Где ты был, Профессор?! – заорала она.

Ну что же, – подумал Доктор, – даже у профессора Хиггинса были проблемы. Он посмотрел на Эйс и сказал:

– В Севилье град...

Эйс не хотела слышать ничего о граде в Севилье.

– Меня разбудил какой-то шум, я пошла в твою комнату, а тебя там нет, и постель не расстелена. Я решила, что этот жуткий Гиммлер передумал, и решил всё-таки тебя забрать.

– Не говори глупостей, – сказал Доктор. – Если бы он так решил, то забрал бы и тебя тоже.

– Тогда что случилось? – требовала Эйс.

Доктор рассказал ей.

Когда он закончил, Эйс сказала:

– Похоже, у него крыша серьёзно прохудилась.

– Моя старая нянечка назвала бы это *очень* сильной истерикой, – согласился Доктор. – Но всё было гораздо более зловеще.

– Чем?

– Ну, для начала там были паранормальные явления типа летающих цветочных горшков и тому подобного.

– А разве такого рода явления не являются типичными в присутствии проблемных подростков, у которых припадок? Может быть, старина Гитлер всего лишь заторможенный подросток.

– Гитлер как полтергейст, – пробормотал Доктор. – Интригующая теория. Но как насчёт всего того, что он кричал?

– Обычная паранойя, разве нет?

– Космическая паранойя, – поправил Доктор. – Гитлер может мечтать о том, чтобы уничтожить город, или даже страну, но всю планету? Галактики? Вселенную? Это ведь не его уровень. И было ещё кое-что.

– Что?

Доктор не решался.

– Я тебе не рассказывал, Эйс, но со мной уже было нечто похожее в фальшивом 1951-ом, когда я изучал в архивах изменения в истории.

– Это подтверждает мою версию, Профессор! Ты тоже застрял в подростковом возрасте.

Доктор строго сказал:

– Кого мы знаем, кто абсолютно безумен, носится по пространству и времени и одержим созданием различных проблем?

– Помимо тебя?

– Эйс!

– Ладно, ладно. Времяточец. Но, если это она, то почему мы её видим так мало... Не то чтобы я соскучилась, конечно, – торопливо добавила она. – Почему она на нас не нападает, не уничтожает весь мир? Отчего эта игра в прятки?

– Я начинаю подозревать, Эйс, что она не всё контролирует. Я думаю, что она сейчас может находиться в своего рода системе с циклически повторяющимися фазами. Если так, то это не может длиться долго, это не может быть стабильной ситуацией. Или она добьётся большего контроля, и тогда она возьмётся за нас всерьёз, или же её разнесёт на кусочки по всему космосу. Я надеюсь на второе.

– То есть, Профессор, – сказала Эйс, – ты хочешь сказать, что Времяточец носится по космосу, как вышедший из-под контроля поезд метро на кольцевой линии. Она нам гудит, когда проносится через нашу станцию, и снова исчезает до следующего раза?

– Ну, твоё объяснение крайне сложного психо-кинетико-пространственно-временного явления немного упрощённое, но в целом ты права.

– Так что же нам делать?

– Ну, я по-прежнему считаю, что мы имеем дело не только с Времяточцем... Так что, нам нужно узнать как можно больше о том, что тут происходит. Не забывай, это именно та точка, где история должна была измениться.

– И особо не высовываться до тех пор, пока Времяточец снова не появится?

– Именно!

– Что же, твой план борьбы с крайне сложным психо-кинетико-пространственно-временным явлением кажется мне немного упрощённым, – сонным голосом сказала Эйс, – но, видимо, другого у нас нет. Я пошла спать.

4. ГОСТИ ГИТЛЕРА

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

...а всё большая нестабильность Объекта ставит под угрозу успех Проекта. Я лично всегда придерживался мнения о том, что источник его поразительной психической энергии требовалось изучить более внимательно, прежде чем делать окончательный выбор. Поскольку источник его энергии нам не известен, его неизбежный выход из строя, если мы наблюдаем именно это, может быть за пределами нашего контроля. Жизненно важно постоянно следить за состоянием Объекта. Также я рекомендую, чтобы была начата подготовка возможности его устранения и, если понадобится, замены. На мой взгляд, наиболее подходящей кандидатурой на альтернативный Объект...

У Мартина Бормана утро было не из лёгких. В конце нюрнбергских митингов дел всегда было много. Партийных чиновников нужно было отправить обратно в Берлин, самых важных из них – на специальном поезде Фюрера. Нужно было заказать номера в гостиницах, оплатить счета, заказать лимузины, поблагодарить партийных чиновников.

А в этом году были ещё и дополнительные проблемы. Команду рабочих на ремонт номера Фюрера, на максимальной скорости и в полной секретности. А ещё двое неожиданных гостей: загадочный герр Доктор и его племянница, или кем там

она ему была. Купе в поезде Гитлера, номер в первом классе в отеле в Берлине...

Не то чтобы Борман жаловался на свою судьбу, вовсе нет. Он гордился своим умением справляться с чрезвычайными ситуациями, а многие трудности решались простым упоминанием имени Гитлера. Если герр Доктор может быть полезен Фюреру, никакие дополнительные усилия не будут напрасны. Когда поезд Фюрера отправлялся от Нюрнбергского вокзала, Мартин Борман сидел в небольшом уютном кабинете в вагоне охраны, держа в руках свой ежедневник, и снова и снова проверял, что ничего не забыл. Его мысли вернулись к неожиданным гостям.

Им понадобятся пропуска и деньги на расходы. Он сделал пометку в ежедневнике.

Тем временем Доктор и Эйс сидели в удобных креслах в отдельном купе и смотрели на мелькавшую за окном местность. Почтительные официанты-эсэсовцы выполняли их просьбы.

– А он хорошо живёт твой кореш Адольф.

– Это ещё ерунда. Видела бы ты поезд Риббентропа, он гораздо ярче. А что касается поезда Геринга, то это вообще дворец на рельсах.

– У них что, у всех частные поезда?

Доктор пожал плечами:

– Поезда, загородные дома, драгоценности, предметы искусства, одежда, автомобили... и огромные банковские счета. Они в политику не здоровье поправлять пошли, знаешь ли.

– Сборище мошенников, – сказала Эйс. Она глотнула шампанское. – И мы становимся такими же. Я начинаю привыкать ко всему этому. Если так и дальше пойдёт, на улице меня уже уважать не будут.

– Последствия знакомства с сильными мира сего, – сказал Доктор. – Боюсь, ты наткнулась на повсеместное явление. На любой планете, в любой галактике, в любую эпоху люди, находящиеся у власти, о себе хорошо заботятся.

Эйс откинулась на спинку сидения:

– Что же, непростой это труд, но кто-то должен его делать. Позвони, пожалуйста, чтобы ещё икры принесли, Профессор.

С документами в руках, Мартин Борман стоял на многолюдной платформе вокзала в Берлине, сверяясь со списком уехавших. Фюрер уехал, и Геринг, Геббельс, фон Риббентроп с Гиммлером – разлетелись на лимузинах «Мерседес» по разным Канцеляриям, министерствам, и управлениям. Значит, остался только... Он развернулся и увидел терпеливо ожидавших герра Доктора и его племянницу. Он поспешил к ним.

– Тысяча извинений, герр Доктор.

– Ну что вы, не стоит, – дружелюбно сказал Доктор.

– Идёмте за мной. Я доставлю вас в вашу гостиницу. Он провёл их к лимузину СС, который быстро провёз их от увешанного свастиками вокзала по увешанным свастиками улицам в увешанный свастиками роскошный отель «Адлон». Здесь Бормана встретили с большим почтением, и под его

присмотром их поселили в номер-люкс. Порывшись в своём пухлом чемодане, Борман вынул изрядное количество денег на расходы и удостоверения личности на имя доктора Йоганна Шмидт и фройляйн Шмидт.

– Документы действительны только в Берлине, – извиняясь, сказал он. Если вас обнаружат в другом месте, вас арестуют. Советую вам оставаться в отеле или рядом – Фюрер желает, чтобы герр Доктор был доступен для консультации в любое время.

– Я так понимаю, что наши пожелания роли не играют, – сказала девушка.

– Конечно, нет, – подтвердил Борман, довольный тем, что она ловила всё на лету. – Как всегда, воля Фюрера имеет наивысший приоритет.

Девушка странно на него посмотрела, но ничего не ответила; наверное, это было благоговение от имени Фюрера. Борман поклонился и ушёл.

– Что касается меня, то старине Адольфу на это лучше не рассчитывать, – сказала Эйс, когда Борман ушёл. – Я не собираюсь тут сидеть и стены рассматривать.

– Ты права, – сказал Доктор. – Пойдём, посмотрим на Берлин, пока он ещё стоит.

Был хороший солнечный день. Они шли по усаженной деревьями Унтер ден Линден. Эйс любовалась летним видом. Под деревьями гуляли молодые пары. Солдаты, получившие выходной, гуляли под солнцем, разглядывая симпатичных

девушек. Если не обращать внимание на вездесущие свастики и штурмовиков СС, это была обычная радостная сцена.

– А что ты имел в виду, Профессор, когда сказал, что нужно увидеть Берлин пока он ещё стоит?

Доктор остановился у киоска и купил несколько газет. Он прочёл вслух заголовки:

– Варшава угрожает бомбардировками, невероятный всплеск военного безумия в Польше, Польша против мира в Европе.

Он показал газеты Эйс, та быстро пролистала их.

– Тут написано, что это Польша хочет начать войну!

Доктор вздохнул:

– Это нацистские газеты, Эйс. Единственные, которые тут издаются. Всё, что там написано, на самом деле полная противоположность правды. Гитлер решительно настроен завоевать Польшу. Очень скоро начнётся война. Через шесть лет этот город будет горой обломков.

Эйс в ужасе посмотрела на него:

– У тебя же такое влияние на Адольфа, ты не можешь остановить это?

Внезапно Доктор схватил Эйс за руку и затащил её в дверь магазина.

– Эй, что происходит? – возмутилась она.

Доктор показал на улицу. По улице маршировал взвод СС с большим знаменем со свастикой.

– Ну, парад у них. И что?

– Стой лучше тут, Эйс, я не могу себе представить, что ты отдашь знамени салют.

Эйс увидела, что при приближении знамени со свастикой все на улице становились по стойке смирно. Все мужчины отдавали салют и снимали головные уборы.

Все, кроме одного.

Крепко сложенный рабочий стоял у бордюра. Когда знамя проносили мимо, он продолжал стоять, засунув руки в карманы, с сигаретой во рту, не сняв кепку, и не обращая внимания на парад. Но парад на него внимание обратил. По окрику командира-сержанта, взвод остановился. Несколько человек вышли из строя и окружили рабочего, обрушили его на землю градом кулаков, пинали его тело, скрутившееся в придорожной канаве. Затем они вернулись в строй, и взвод продолжил маршировать. Никто ничего не комментировал, никто не протестовал, казалось, что никто ничего не заметил.

Через какое-то время рабочий с трудом встал на ноги, сплюнул зуб, утёр тыльной стороной руки кровь с лица, и похромал прочь.

– Ты это видел, Доктор? Настоящее избиение, и лишь за то, что он их флагу салют не отдал.

– Ему повезло, – сказал Доктор.

– Повезло?!

– Они могли забить его до смерти, пристрелить его прямо на улице, и никто бы ничего не сказал.

– Да ладно тебе, – не поверила Эйс. – Должны же быть закон и порядок, даже в нацистской Германии.

– Нацистская Германия – криминальное государство. Правильно и законно всё, что пожелает Партия – а это значит всё, чего захочет Гитлер.

Эйс молчала, всё ещё пытаюсь понять.

– Ты говорила что-то насчёт того, чтобы я остановил войну, – мрачно сказал Доктор. – Это та самая война, которая разрушит этот злой режим. Моя главная задача – сделать так, чтобы эта война случилась. Вторая задача – сделать так, чтобы они в ней не победили, – он вздохнул. – Давай, попробуем забыть о них ненадолго. Пойдём, в парке посидим.

Но и в парке они не могли отвлечься.

Когда они сидели на скамейке в Тьергартене, Эйс обнаружила на спинке неаккуратную табличку. Она прочла вслух:

– «Не для евреев!» – Эйс в ужасе посмотрела на Доктора. – Им нельзя сидеть на скамейках в парке?

– Им очень много чего нельзя, – сказал Доктор. – Управлять бизнесом, заниматься квалифицированным трудом, иметь свои деньги или частную собственность. Большая часть реальных преследований сейчас уже позади. Избиения, разбитые окна магазинов, сожжённые синагоги...

– То есть, они больше так не делают?

– Ну, да, можно и так сказать. Но лишь потому, что евреев уже не осталось. Большинство из тех, кто не выехал из страны, сейчас либо мертвы, либо находятся в концлагерях. Эта табличка устарела.

Когда они шли по парку, Доктор продолжал:

– И это касалось не только евреев, хотя им и досталось больше всех. Цыгане, гомосексуалисты, члены профсоюзов, интеллигенция – все, кто им чем-то не нравится.

– И что с ними всеми случилось?

– Многие погибли, другие в концлагерях.

– Но война же ещё даже не началась.

– У них, в Германии, концентрационные лагеря появились ещё шесть лет назад, как только нацисты пришли к власти. До сегодняшнего дня они преследовали своих собственных сограждан. За остальной мир они только собираются взяться.

5. СВЕРКА ПРЕДСКАЗАНИЙ

Сильно ошиблись те, кто принял мои миролюбие и терпение за слабость или даже трусость. С этих пор я решил говорить с Польшей на том же языке, на котором Польша обращается к нам. Прошлой ночью польские солдаты впервые стреляли по нашей территории. Мы им также ответили огнём. С этого дня на бомбы мы будем отвечать бомбами!

Из обращения Адольфа Гитлера к Рейхстагу по поводу начала боевых действий в Польше.

Через два дня после того, как Гитлер отправил свои армии в Польшу, он вызвал Доктора.

Это случилось сразу после завтрака. Эйс допивала кофе, а Доктор читал ей мрачные газетные заметки, которые были, разумеется, посвящены гениально успешной военной операции Гитлера.

Доктор поднял взгляд:

– Тут репортаж о речи Гитлера в Рейхстаге. Он сказал, что с этого дня он просто германский солдат, и что не снимет с себя военный мундир, пока война не окончится.

– Молодца! – сказала Эйс. – Представляю, какой запах мундир за шесть лет накопит.

Было чудесное воскресное утро, и Эйс размышляла над тем, стоит ли выходить на улицу. Смотреть достопримечательности ей больше не хотелось.

Почему-то табличка на скамейке расстроила её даже сильнее, чем насилие, которое она видела на улице. Мрачные объяснения Доктора настроение тоже не улучшили. Несмотря на солнечную погоду, Берлин всё больше и больше был похож на город призраков. А ещё хуже было то, что эти призраки ещё не знали, что они уже мертвы.

Она всё ещё не определилась, что ей делать, когда в дверях появился Мартин Борман, как всегда тихий и почтительный.

– Фюрер желает вас видеть в Канцелярии, герр Доктор. Машина ждёт.

Эйс подскочила.

– Только Доктор, фройляйн, – наставительно сказал Борман.
– Это серьёзные государственные дела – мужские дела.

Эйс глубоко вдохнула:

– Слушай, приятель...

– Тихо, Эйс, – торопливо остановил её Доктор. – Боюсь, что нацизм означает сексизм. Церковь, кухня, дети – вот естественная среда обитания женщины. Разве я неправ, герр Борман? Прости, Эйс. Вернусь, как только смогу. Оставайся лучше в гостинице.

Не успела она придумать достойное возражение, как Доктор вытолкнул удивлённого Бормана за дверь.

Вот чего Эйс не любила, так это оставаться в стороне. Никому я не нужна, все мне указывают что делать, – обиженно думала она. Она походила по комнате, рассуждая о том, не пойти ли гулять, просто ради того, чтобы досадить им. Раздался

тихий стук в дверь. Зашёл служащий гостиницы с конвертом на серебряном подносе.

– Это для герра Доктора.

– Вы с ним только что разминулись. Он отправился в Канцелярию, чтобы проконсультировать о чём-то Гитлера.

Насладившись перепуганным лицом служащего, Эйс добавила:

– Оставьте его мне; я передам его, как только он вернётся.

Оставив конверт на столе, мужчина торопливо вышел из комнаты.

Эйс взяла в руки конверт. Он был новый, из дорогой бумаги. Наверное, – подумала она, – в таких доставляют важные официальные приглашения. Вместо адреса на конверте было написано «Доктору».

Эйс решила открыть его. Это может быть важно, в таком случае она может отправить его в Канцелярию. Да и вообще ей было интересно.

В конверте была белая карточка. На ней было выгравировано: «Доктор Феликс Кригслитер, Арийский Исследовательский институт». Ниже был указан адрес дома на улице Кронпринценштрассе.

Эйс перевернула карточку. Сзади было написано: «Мне была очень приятна наша встреча. Нам нужно многое обсудить. Заходите в гости».

Как опытная туристка, Эйс купила карту города. Сверившись с ней, она обнаружила, что Кронпринценштрассе была сразу за Курфюрстендамм – длинным прямым бульваром,

проходившим через центр Берлина. А Кригслитер – это странного вида мужчина, которого Доктор заметил на митинге в Нюрнберге, и которым он так заинтересовался потом, на приёме. И вот теперь Кригслитер хотел увидаться с Доктором. Это могло быть важно, а Доктор мог застрять в Канцелярии на весь день.

Эйс решила, что её долг – сходить туда вместо него. Она может сказать, что Профессор занят со стариной Адольфом, договориться о встрече в другой раз и одновременно вывести что-нибудь об этом типе. Здорово будет, если по возвращении Доктора она сможет предоставить ему что-нибудь полезное. По крайней мере, у ней будет какое-то занятие.

Быстро написав записку, Эйс ушла.

Автомобиль с визгом затормозил, и из него вышли Доктор и Борман. Борман с гордостью посмотрел на Доктора, ожидая его восторженной реакции. Новая Канцелярия Гитлера была огромная. По бокам от двери стояли две невообразимо высокие колонны. Над ними был огромный каменный орёл; широко расправив крылья, он сидел на венке, окружавшем гигантскую свастику. У подножий обеих колонн стояли часовые.

Доктор запрокинул голову, чтобы рассмотреть орла.

– Это самое грандиозное архитектурное сооружение, которое мне доводилось видеть.

– В первый раз оно может немного подавлять, – признал Борман, чувствуя себя виноватым в это небольшом недостатке.

Они поднялись по лестнице и зашли в огромный отделанный мрамором актовый зал. Из него они поднялись по лестнице в приёмную, затем прошли по огромной галерее, блестящие мраморные полы которой уходили вдаль, казалось, бесконечно.

В конце галереи была красивая круглая приёмная размером с футбольное поле, где собравшись группами стояли знакомые уже лица, занятые серьёзными разговорами. Там были Геринг и другие представители партийной верхушки.

К ужасу Бормана, Доктор громко сказал:

– Вам тут автобусное сообщение нужно сделать! Или хотя бы велосипеды выдавать. Роликовые коньки тоже помогли бы.

Геббельс и другие были в шоке. Геринг засмеялся и сказал:

– Отличная идея, Доктор! Возьмёшься организовать, Мартин? Хотел бы я увидеть нашего малыша Гейни на роликах!

Борман с облегчением отметил, что Гиммлер отсутствовал. Он прошёл через приёмную и завёл Доктора в святая святых – в кабинет Фюрера. Доктор смотрел по сторонам с удивлением, и Борман видел, что в этот раз это искренне. Комната с высоким потолком была длиной тридцать метров и шириной девять. Стены из тёмно-красного мрамора были увешаны портретами исторических личностей и щитами со свастиками. В дальнем конце комнаты стоял большой стол красного дерева, а за ним в красном кожаном кресле сидел Адольф Гитлер, одетый, как и было обещано, в простой коричневый китель, «мундир солдата».

Толкнув легонько Доктора вперёд, Борман выскользнул из комнаты.

Доктор глубоко вдохнул и отправился в долгий путь по роскошной ковровой дорожке. Увидев приближающегося Доктора, Гитлер с триумфальной улыбкой указал ему на одно из стоявших вокруг стола кресел.

— Ну, Доктор, что вы скажете теперь? Уже два дня прошло с тех пор, как мои армии вошли в Польшу, и её завоевание почти завершено. И что на это сказали или сделали британцы или, скажем, французы? Ничего! Признайте это! Я был прав, а вы нет.

Доктор немного помолчал, роясь в своей обширной памяти.

— Какое сегодня число? — тихо спросил он.

Адольф Гитлер нахмурился:

— Третье сентября.

— А который час?

Гитлер нетерпеливо посмотрел на настольные часы.

— Без одной минуты девять.

Отчаянно надеясь на то, что и его память, и его исследования точны, Доктор сказал:

— В таком случае, я прошу вас подождать... всего одну минуту.

Последовавшие за этим шестьдесят секунд были самыми длинными за многие жизни Доктора. Не переиграл ли его неизвестный противник? Может быть здесь, здесь и сейчас они изменили историю, отклонили поток времени? Если так, то всё потеряно, его авторитет провидца будет разрушен.

Наконец, наступили девять часов, и где-то в канцелярии начали бить часы. Не успел раздаться последний удар, как открылась дверь, и в комнату вбежал Риббентроп. За ним бежал нервный невысокий мужчина в очках, сжимавший в руке лист бумаги.

– Принято сообщение от британского посла... – он запнулся, увидев Доктора.

Гитлер махнул рукой:

– В присутствии доктора Шмидта можете говорить свободно.

Риббентроп подошёл ближе, жестом велел подойти и невысокому мужчине.

– Это мой переводчик. Кстати, его фамилия тоже Шмидт.

– У нас большая семья, – веско заметил Доктор.

– Хотите, чтобы он перевёл сообщение? – спросил Риббентроп.

Гитлер кивнул. Затем поднял руку:

– Давайте, в этот раз провидцем буду я, герр Доктор. Давайте я скажу, о чём это сообщение. Это будет официальная нота протеста против моего вторжения в Польшу. Они будут сожалеть, они будут возмущаться, они будут плакать, будут умолять... Но что они сделают? Ничего они не сделают! За Чехословакию они не сражались, и за Польшу не будут.

Риббентроп попытался заговорить:

– Мой Фюрер...

Гитлер взмахом руки велел ему молчать.

– Сообщение!

Дрожащим голосом переводчик начал читать:

– «Имею честь поставить вас в известность о том, что если до 11:00 сегодняшнего дня, 3-его сентября, правительство Германии не предоставит удовлетворительных заверений в том, что все немецкие войска будут выведены из Польши, с этого часа Великая Британия и Германия будут находиться в состоянии войны».

Доктор внезапно почувствовал облегчение. Англичане, наконец-то, заупрямились. Они будут воевать. История всё ещё шла своим чередом.

У него всё ещё было время.

6. ВРЕМЯТОЧЕЦ

Эйс взяла такси до Курфурстендамм. Водитель высадил её на красивом конце улицы, возле старого собора. Из смутных соображений о безопасности она не назвала ему нужный ей адрес.

Воскресная утренняя прогулка явно была любимым занятием жителей Берлина. Везде было полно людей, прохаживающихся по широким тротуарам, заглядывающих в витрины магазинов, покупавших напитки в кафе. Всё выглядело таким, каким Эйс обычно представляла себе Париж.

Сверившись с картой, она обнаружила, что Кронпринценштрассе была у другого конца Курфурстендамм, дальше от центра города. Чем дальше она шла в этом направлении, тем тише становился усаженный деревьями бульвар, менее модным, более скромным.

Кронпринценштрассе оказалась тихой старой улицей сразу за железнодорожным мостом. Нужный ей номер дома оказался большим старым зданием, стоявшим в стороне от проезжей части. Эйс опасливо прошла по дорожке к парадному входу. Рядом с дверью была небольшая латунная табличка: «Доктор Феликс Кригслитер. Бюро Арийских Исследований».

Ниже таблички было нечто, похожее на очень большую ручку дверного звонка. Эйс нажала на неё несколько раз, но безрезультатно. Потом она поняла, что ручку нужно потянуть. Она хорошенько за неё потянула, и ручка вылезла наружу, потянув за собой ржавую проволоку. Где-то в доме зазвенел

звонок, и с поразительной скоростью дверь открылась, можно было подумать, что кто-то ждал её прибытия.

Впрочем, встретили её не очень приветливо. Из-за двери выглянул исключительно неприятного вида мужчина. Среднего возраста, среднего роста, с высоким лбом и постоянной ухмылкой на лице.

– Вы что, не знаете, что сегодня воскресенье? Мы закрыты!

– У меня приглашение, – приветливо сказала Эйс. Она вынула визитную карточку и протянула ему.

Взяв в руки карточку, мужчина достал очки с круглыми и необычно толстыми стёклами. Надев их, он недоверчиво посмотрел на неё:

– Вы не Доктор.

– Я его племянница. У него было неотложное дело. Ему пришлось отправиться в Канцелярию, на встречу с Гитлером, – сказала Эйс, чувствуя, что сейчас не помешает немного похвалиться своими связями.

– Доктора Кригслитера тоже вызвали, – триумфально заявил ухмыляющийся мужчина.

– Ну, что же, – сказала Эйс. – Значит, остались только мы с вами. Не пустите посмотреть?

Мужчина снял очки и какое-то время стоял неподвижно. Можно было подумать, что он сообщения из космоса ловит. Затем он сказал:

– Хорошо, заходите... если вам действительно хочется.

Он раскрыл дверь и шагнул в сторону, жестом предлагая ей зайти.

Переводчик замолк, и наступила ужасная тишина. Адольф Гитлер неподвижно сидел, уставившись в пространство. Он словно превратился в одну из тех героических статуй Фюрера, которые строго глазели вперёд на городских площадях по всей Германии.

Казалось, он так просидел целую вечность. Затем он резко повернулся к Риббентропу и крикнул:

– И что теперь?

Не поняв его, Риббентроп нервным голосом сказал:

– Думаю, что французы предъявят аналогичный ультиматум в течение часа.

– Вон! – закричал Гитлер.

Риббентроп и перепуганный переводчик умчались за дверь. Гитлер, казалось, усох, сжавшись, как ребёнок, за огромным столом.

Он смотрел на Доктора широко раскрытыми глазами.

– Они сказали мне, что англичане не станут воевать, – прошептал он.

– Кто сказал? «Чёрный Ковен»?

Гитлер кивнул:

– Сказали, что будет просто, как с Австрией и Чехословакией. Что мне теперь делать, Доктор?

– Вы должны исполнить свою судьбу.

– Мою судьбу! – медленно повторил Гитлер.

Переводчик оставил свою бумажку на столе. Гитлер схватил её, глядя на неё с ненавистью.

– Как они смеют посылать мне ультиматум, – прошептал он. – Мне! – он вскочил на ноги и заорал: – Я их уничтожу! Я их жалкий остров аннигилирую!

Гитлер начал ходить туда-сюда, его ярость росла, как раздуваемый огонь. Ярость и безумие.

Если это не прекратить, он может натворить что угодно. Может совсем свихнуться, и война окажется в более умелых руках. Он даже может, – подумал Доктор, – приказать немедленное вторжение в Англию; вторжение, которое вполне может оказаться успешным.

Гитлер смотрел на Доктора, в его глазах горело безумие. Шторы Канцелярии начали зловеще раскачиваться, через всю комнату пролетела ваза, один из щитов со свастикой рухнул на пол...

– Я всех их уничтожу, – ревел Гитлер. – Все и всё будут уничтожены!

Голос становился инопланетным, вокруг тела Фюрера возникло серебристое дрожание.

Времяточец, – подумал Доктор. Он снова вызвал Времяточца.

Доктор вскочил на ноги. Схватив Гитлера за плечи, он пристально посмотрел в его горящие глаза, призывая всю свою волю, направляя собственные упорядоченные мысли, свою ментальную силу в расстроенный кипящий мозг Гитлера.

– Слушайте меня, Адольф Гитлер, – приказал он. – Слушайте мой голос. Внутри вас великая сила, но её нужно

контролировать, а иначе она вас уничтожит. Контролируйте её. Подчините её своей воле!

Гитлер смотрел на него изумлённо.

– Воля, – пробормотал он. – Воля. Моя воля должна победить!

Доктор увидел, что безумие уходит из глаз Гитлера. Шторм психической энергии ослабел, в комнате всё затихло.

Отпустив Гитлера, Доктор вернулся в своё кресло. С другого конца комнаты донёсся осторожный кашель. Обернувшись, Доктор увидел нервно топтавшегося у двери Мартина Бормана. Позади него маячил высокий Риббентроп, а позади того – крупная туша Германа Геринга. Доктор жестом показал, что можно заходить, и Борман – совершенный бюрократ – посеменил по ковровой дорожке со стопкой досье в руках.

– Мои извинения, мой Фюрер, но есть несколько срочных вопросов, требующих вашего внимания. Продвижение на польском фронте не удовлетворительно, Варшаву до сих пор не взяли.

Гитлер вперился взглядом в своего верного слугу.

– Только вы можете обеспечить победу, мой Фюрер, – с отчаянием сказал Борман.

Это было именно то, что Гитлеру нужно было услышать.

– Вы правы! – Гитлер посмотрел на зажатый в его руке клочок бумаги. – Но вначале нужно разобраться с этим! – он поднял голос. – Пришлите Риббентропа, немедленно.

Риббентроп уже мчался к нему:

– Мой Фюрер?

– Скажите британскому послу, что этот ультиматум не может быть ни принят, ни, тем более, выполнен! – Гитлер скомкал бумагу и презрительно швырнул её на стол. – Борман, закажите мой личный поезд. Я немедленно отправляюсь в Польшу и возьму там командование на себя. Вы поедете со мной.

Доктор незаметно вышел из комнаты. Пока что всё было хорошо... или плохо, как посмотреть. История идёт по своему прежнему ужасному пути. Вот-вот начнётся Вторая Мировая война.

– Я покажу вам библиотеку для гостей, – предложил смотритель.

Следуя за ним вверх по лестнице, Эйс на мгновение заволновалась. Не ведёт ли она себя как какая-нибудь глупая героиня фильма ужасов, которая сама пошла навстречу своей смерти? Она убедила себя, что переживать не о чем. Доктор знал, где она, или скоро узнает, когда вернётся и прочтёт её записку, и хотя ухмыляющийся человек был не из приятных, он выглядел вполне безобидным. Здание тоже выглядело обычным. Это был основательный старинный дом, безупречно чистый, наполненный запахом лавандового средства для полировки мебели.

Библиотека для гостей оказалась огромной, поразительно тихой комнатой с толстыми коврами, уставленная книжными шкафами со стеклянными полками. Под стёклами по всей

комнате были выставлены древние документы, а в центре комнаты стоял стол, а вокруг него стулья с высокими спинками. В центре стола стоял большой хрустальный шар. Может быть, они подрабатывали предсказанием будущего?

– Вот мы и пришли, – сказал ухмыляющийся мужчина, который ни с того ни с сего вдруг стал дружелюбным. – Одна из самых лучших коллекций арийских народных материалов во всей стране.

– Не сомневаюсь, – вежливо сказала Эйс.

Он подошёл ближе, снова надел очки с толстыми линзами, и уставился ей в глаза.

– Расскажите мне о своём дяде.

– О ком? – Эйс на секунду забыла о выдуманном родстве.

– О Докторе. О вашем дяде Докторе. Кто он? Откуда он? Что ему нужно тут, в Германии?

Его голубые глаза, увеличенные и искажённые толстыми линзами очков, смотрели в её глаза, и вопросы становились всё настойчивее.

– Рассказывайте! Вы должны ответить... Зачем Доктор тут?

Эйс чувствовала, как его сознание давило на её сознание. Но о давлении Эйс никогда не переживала, давление пробуждало в ней самое худшее. Глянув на мужчину, она резко сказала:

– Это неприлично. Если Доктор вам так интересен, можете сами с ним поговорить. Я уверена, что он к вам очень скоро наведается.

Ахнув, мужчина отпрянул. Он снял очки и провёл рукой по глазам.

– Простите меня, пожалуйста. Я столько слышал о Докторе, понимаете, вот мне и любопытно. Прошу вас, осмотритесь тут сама. Мне нужно вернуться к своей работе... – сказав это, он умчался из комнаты.

Он пытался меня загипнотизировать, – подумала Эйс. – Значит, чем-то они тут всё-таки занимаются. Довольная своей победой в этом маленьком противостоянии, Эйс начала глазеть по сторонам. Это место явно не производило впечатление весёлого. Она ничего не понимала в древних документах, которые все были написаны странным руническим письмом.

Она открыла стеклянную дверь одного из шкафов, вынула из него том в кожаном переплёте, и начала читать.

Она не сразу поняла, о чём там речь, но когда поняла, у неё просто вскипела кровь. Это был расизм, излагаемый как философия. Страница за страницей говорилось о священной мистике чистой арийской крови, о необходимости сохранять её чистой и неразбавленной «чужими подвигами» и «недочеловеками».

Эйс взяла другой том, и в нём было примерно то же: бесконечные разглагольствования о крови и чести, о святой почве Фатерлянда, о необходимости охранять кровь господствующей расы от загрязнения низшими породами. В третьей книге были гадкие вещи о кровавых жертвах, и на этом она с отвращением закрыла шкаф.

Ей доводилось сталкиваться и с нетерпимостью, и с расизмом, но исключительно в виде простой жестокости: удар по лицу, подожжённый бензин в почтовом ящике. Но увидеть все эти идеи изложенными на письме, не в виде гадкой надписи на стене, а в книгах... Одна мысль о том, что такие книги пишутся, печатаются, издаются, их собрана целая библиотека – от этого она почувствовала ужас. Она осмотрела тихую комнату, чувствуя, что та наполнена концентрированным злом.

Внезапно со стороны лестницы послышались голоса. Она подбежала к двери и прислушалась. Где-то дальше по коридору лысый мужчина с кем-то разговаривал.

– Она сейчас здесь, – говорил он. – Доктора нет, только девушка.

– И что она вам рассказала?

– Ничего. Я пытался, но даже с усилителем... У неё сильная воля. Вы видели Фюрера? Доктор был там?

– Я разминутся и с тем, и с другим, – сказал другой голос. Он был глубокий и мелодичный, в нём чувствовалась власть. – Я задержался в Замке. Когда я добрался до Канцелярии, Гитлер уже собирался отправляться в Польшу. Он отказался принять меня.

– А Доктор?

– Он словно исчез.

На ступенях раздались медленные, тягучие шаги.

7. ГЕСТАПО

В огромной приёмной Гитлера группы людей стояли в напряжённом молчании, поражённые новостями, которые сообщил Риббентроп. Герман Геринг внимательно следил за дверью кабинета Гитлера. Как только Доктор попытался незаметно выскользнуть, Геринг схватил его своей могучей пятернёй за плечо:

– Посмотрите на бедного Геббельса, Доктор. Никто его таким тихим много лет не видел!

Доктор проследил за взглядом Геринга и увидел стоявшего в углу, уставившись в пространство, Геббельса.

– На два слова, Доктор, – сказал Геринг, сместив ладонь ближе к локтю Доктора. – Тут есть укромное местечко, которым мне разрешают пользоваться.

Кабинет Геринга, до которого нужно было снова идти по бесконечным коридорам, был укромным местечком лишь в том смысле, что был в два раза меньше, чем у Гитлера, то есть всё равно огромным.

Разогнав всевозможных секретарей и адъютантов, Геринг тут же направился к шкафу с большой коллекцией выпивки и налил себе большую порцию бренди. Он вопросительно посмотрел на Доктора, тот покачал головой. Геринг глотнул бренди. Затем тихо сказал:

– Если мы проиграем эту войну, то пусть бог нас милует! А мы проиграем, если он останется во главе, – увидев удивлённое лицо Доктора, он засмеялся: – Не волнуйтесь, Доктор, я не

рискую ни своей головой, ни вашей. Этот кабинет обыскивают на наличие микрофонов несколько раз в день.

– Чудесная это вещь – взаимное доверие, – пробормотал Доктор.

– Да, мы как братики родные! Послушайте меня, Доктор. Я преданно прослужил Фюреру семнадцать лет. Он гений. К сожалению, он ещё и сумасшедший. Гений и сумасшествие часто дружат, как я понимаю?

Он вопросительно посмотрел на Доктора, но тот не ответил.

– А ещё Фюрер игрок, причём игрок везучий, – продолжал Геринг. – Но везение не бывает вечным. Приходит время собрать выигранное и покинуть игру. А Адольф не может этого сделать! Он будет повышать ставки, пока не проиграет, и рано или поздно вместе с ним проиграем мы все.

Доктор продолжал молчать.

Геринг засмеялся:

– Вы осторожный, Доктор. Но я вас в этом не виню. Новости вызвали у него очередной приступ, не так ли?

– Было начало приступа, довольно сильного.

– Который вы помогли ему обуздать. Не отрицайте, Доктор, я видел вас. И если вы способны это делать... – Геринг налил себе ещё бренди. – Гитлер – волшебник, чародей. Народ Германии пойдёт за ним куда угодно, даже к своей смерти. Если им можно управлять – это хорошо. Если нельзя – его должен кто-нибудь сменить.

– Кто-нибудь вроде вас?

– Если понадобится – да. Это будет мой долг перед Рейхом. Мне нужен кто-то близкий к Фюреру, – продолжал Геринг. – Кто-то, кто будет сообщать мне о его состоянии и, если оно выйдет из-под контроля, поможет мне предпринять необходимые действия.

Доктор встал:

– Мне нужно идти.

– Мы понимаем друг друга, Доктор?

– О да, мы понимаем. Что вы знаете о Чёрном Ковене?

Геринг посмотрел с любопытством на него: Сколько же ему известно?

– Вы полны сюрпризов, Доктор! Где вы о них слышали?

– От Фюрера.

– Они должны быть засекречены. Что-то, связанное с СС, а это больше не моя юрисдикция. Они обуздывают мистические силы, или что-то такое – Гитлер очень увлечён всякой мистикой. А почему вы спрашиваете?

– Я думаю, что они могут оказывать влияние на состояние Фюрера, вполне возможно ухудшают его.

У Геринга загорелись глаза:

– Хотите сказать, что Генрих использует их для того, чтобы попытаться управлять Фюрером?

– Что-то в таком роде.

– Так я и думал, подлый он ублюдок. Попробуйте что-нибудь разузнать, Доктор, но будьте осторожны. Наш маленький фермер-птичник уже подрос. Он контролирует

полицию, СС, и гестапо. И если они до вас доберутся, то даже я не смогу вам помочь.

Эйс быстро отошла от двери и снова села за стол, делая вид, что листает одну из книг. Шаги приближались всё ближе и ближе, и наконец в комнату забрёл необычный человек. Это был высокий старик с седыми волосами и бородой, которого она мельком заметила на сцене на партийном митинге, а позже с ним разговаривал Доктор.

Он с головы до ног был замотан в просторный плащ. Двигался он быстро, но как-то мучительно, опираясь на трость с серебряным набалдашником, семеня странной, словно паучьей походкой.

– Добрый день, дорогая, – сказал он. – Я доктор Кригслитер.

Его глубокий мелодичный голос вполне мог быть голосом гораздо более молодого человека, и Эйс стало интересно, что же случилось с доктором Кригслитером. Несчастный случай, какая-то ужасная болезнь?

Он словно прочёл её мысли.

– Вам интересны причины моей несколько неординарной внешности? Это из-за несчастного случая при моём рождении... я бы даже сказал, перерождении.

– Сожалею, – пробормотала Эйс.

Доктор Кригслитер отмахнулся:

– Какой неожиданный сюрприз. Как жаль, что ваш дядя не может быть с нами. К сожалению, Доктор куда-то пропал.

– Думаю, он придёт, – сказала Эйс, пытаясь не выдать голосом волнение. – Обычно он появляется.

– Это правда, – согласился Кригслитер. – Чем иногда многих сбивает с толку.

– Вы говорите так, словно знаете его, – с любопытством сказала Эйс.

– Мы когда-то с ним встречались, давным-давно, далеко отсюда. В некотором смысле я обязан своим нынешним состоянием Доктору. Не могу вам передать, как мне не терпится снова с ним встретиться.

– Но если это случилось во время рождения...

– Во время перерождения, – аккуратно поправил Кригслитер. Он посмотрел на раскрытые книги на столе. – Что скажете о нашей небольшой библиотеке?

Эйс понимала, что должна сказать что-то расплывчато-тактичное, но не смогла.

– Я думаю, это крупнейшая подборка ерунды, которую мне доводилось видеть. Опасной ерунды.

Зашедший вслед за Кригслитером ухмыляющийся человек был в шоке. Он подошёл к столу и начал расставлять книги по их местам на полках.

А вот доктора Кригслитера её злой ответ скорее развеселил.

– Не могу с вами не согласиться. Полная ерунда, раздутая смехотворными якобы учёными. Арийская кровь! Их драгоценная арийская раса вообще не существует, это миф. А если бы и существовала, то что из этого? В чём смысл

доказывать, что одна порода людей лучше другой? Это всё равно, что доказывать, что блоха чистокровнее вши!

Эйс обвела рукой комнату:

– Тогда зачем всё это?

– Боюсь, это то, чего хочется публике.

– Какой публике?

– Моей публике, которая, боюсь, состоит преимущественно из рейхсфюрера Генриха Гиммлера и его весёлых братьев-эсэсовцев, – он снова засмеялся. – У Гиммлера неиссякаемый интерес ко всей этой расистской тарабарщине, а впрочем, и к любой другой тарабарщине. Спиритуализм, старые тевтонские народные мифы, гадание на маятнике, астрология... Предложите что угодно, и малыш Генрих заплатит вам состояние на исследования.

– Вы же не хотите мне сказать, что занимаетесь этим только ради денег?

Он хохотнул:

– Вы правы, моя дорогая, деньги полезны, но не они для меня главное.

– А что же?

– Ну, скажем, влияние.

– То есть, власть.

– Если вам угодно. Гиммлер – доверчивый дурак, но он самый влиятельный человек в Рейхе.

– Не считая Гитлера.

– Разумеется. Что возвращает нас к Доктору. Вы уверены, что не знаете, где он?

– Нет, не знаю, – Эйс начала медленно смещаться к двери. – Пожалуй, я схожу поищу его.

С паучьей скоростью Кригслитер перегородил ей путь.

– Нет, не стоит, дорогая. У меня есть идея получше.

– Да что вы?

– Просто оставайтесь с нами. И Доктор наверняка придёт и найдёт вас, рано или поздно.

Эйс покачала головой:

– Моя идея мне больше нравится.

– А мне нет, – мягко сказал Кригслитер.

Эйс прикинула расстояние до двери. Если она оттолкнёт Кригслитера в сторону, то останется прорваться мимо одного...

– Пожалуйста, пропустите меня, – вежливо сказала она. – Я ухожу.

Доктор Кригслитер поднял трость с серебряным набалдашником, и Эйс увидела, что её конец светится красным, словно это гигантская сигара. Он поднял трость и взмахнул ею. Один из деревянных стульев между ними развалился на две половинки, словно его распилила невидимая вертикальная пила.

– Довольно простой образец лазерных технологий, – сказал Кригслитер. – Если помните, вы уже имели с ним дело в Мюнхене. Для меня это было шестнадцать долгих лет назад, но для вас, наверное, гораздо меньше?

Эйс вспомнила энергетический луч, подпаливший ухо Доктора, и семящую фигуру, спрятавшуюся за деревом.

– Пожалуйста, не двигайтесь, дорогая, – сказал доктор Кригслитер. – Мне бы очень хотелось сохранить вас в целости, во всяком случае, до прибытия Доктора. Я так долго ждал этого момента.

Эйс стояла, не шевелясь. Когда она заметила, что другой мужчина каким-то образом подошёл к ней сзади, было уже слишком поздно.

Не догадываясь о том, что часы его спокойствия подходят к концу, шофёр Доктора дремал в автомобиле. Лобовое стекло было опущено, он наслаждался солнечным теплом. Может быть, он так провёл несколько минут, может быть – несколько часов, он этого не знал, и не хотел знать. Извоз высокопоставленных лиц был неплохой работой, а Мартин Борман был приличным, хотя и суетливым начальником. Почти без интереса он заметил ещё один чёрный лимузин, почти как у него, который припарковался неподалёку. Из лимузина вышли двое мужчин и подошли к нему. На них были одинаковые чёрные кожаные пальто и чёрные шляпы, у них были одинаковые безразличные лица и холодные безразличные глаза.

Они посмотрели на шофёра Доктора.

– Имя и место работы?

Шофёр не спорил. Он понимал, кто они такие.

– Хорст Шульц, кабинет Мартина Бормана. Я только что привёз герра Бормана и ещё одного пассажира.

– Имя пассажира?

– Я его не расслышал.

Они посмотрели на него.

– Честно, он просто вышел из «Адлона» вместе с герром Борманом, – с внезапным вдохновением водитель добавил: – Герр Борман называл его герр Доктор, это всё, что я знаю, честно. Невысокий, тёмные волосы, ничего особенного.

Двое мужчин переглянулись. Первый кивнул, словно подтверждая что-то. Второй мужчина сказал:

– Это он?

Шульц высунул голову из окна и увидел спускавшегося по ступеням Доктора. Он молча кивнул. У него на глазах двое мужчин подошли к Доктору и стали по бокам от него. Он услышал голос Доктора:

– Что это значит? Я был в Канцелярии по личному требованию Фюрера. Затем у меня была конференция с самим рейхсмаршалом Герингом.

А малыш не из пугливых, – подумал шофёр, но на двоих мужчин его речь не произвела впечатление.

– Документы! – бесстрастно сказал первый.

Доктор порылся в карманах и вынул предоставленный Борманом пропуск.

Мужчина изучил его.

– Вы герр доктор Йоханн Шмидт?

– Отлично! Вы умеете читать. В таком случае, вы видите, что этот пропуск выдан Мартином Борманом, секретарём Фюрера?

Мужчина вернул ему пропуск.

– Садитесь в машину, герр Доктор, – сказал он скучающим тоном. – Вы поедете с нами.

– По какому праву?

Второй мужчина вынул из кармана чёрный кожаный бумажник, и раскрыл его, демонстрируя Доктору серебряный значок-свастику.

– Гестапо, – сказал он.

Доктор понимающе кивнул, прошёл ко второму автомобилю и сел сзади. Гестаповец пошёл за ним.

Второй человек из гестапо наклонился к окну автомобиля Доктора.

– Вы ничего не видели, ясно? – мягко сказал он. – Ваш пассажир не явился, больше вы ничего не знаете. Или, может быть, хотите навестить Принцальбрехтштрассе?

Шульц молча покачал головой, его горло пересохло от ужаса. Мужчина резким жестом велел шофёру убираться. Водитель Доктора завёл автомобиль и быстро уехал.

Гестаповец сел во вторую машину, и она тоже уехала.

8. ЧЁРНЫЙ КОВЕН

Штаб Гестапо в Берлине был красивым зданием на Принцальбрехтштрассе. Выйдя из чёрного лимузина, Доктор увидел приятную улицу, усаженную деревьями, на которой не было ни одного человека. Никто не хотел даже проходить мимо штаба Гестапо без необходимости. Здание было оцеплено кордоном страха.

Идя рядом с ним и немного сзади, его безразличные спутники провели его мимо вооружённых эсэсовцев, стоявших на посту у двери, и повели вверх по лестнице. Они провели его в приёмную мимо ещё одного охранника, передали его сидевшей за столом суровой женщине в очках, и ушли, не сказав ни слова.

Женщина указала на ряд стульев у стены и вернулась к своим документам.

Доктор прекрасно знал, что будет дальше – ничего. Его будут держать тут, в итоге, возможно, несколько часов, будут игнорировать, не будут ничего ему объяснять, пока его совесть (несомненно, виновная) не расшатает его нервы. Доктору вообще-то не очень-то и хотелось спать, но раз уж больше заняться было нечем, то почему бы и нет? Откинувшись на спинку стула, он закрыл глаза и очистил своё сознание...

В самый разгар спора с президентом Борусой и леди Флавией о наиболее подходящем оттенке розового для штор Капитолия он почувствовал, что его сердито хлопают по плечу.

Открыв глаза, он увидел склонившуюся над ним женщину в очках.

– Герр Доктор, это неуместно и даже неслыханно – спать в приёмной рейхсфюрера СС.

– Я не спал, я задумался, – с большим достоинством сказал Доктор.

– Вы храпели, герр Доктор.

– Что же, неудивительно, – сказал Доктор, меняя тактику. – Если меня и дальше будут тут держать, я буду вынужден настаивать на том, чтобы из гостиницы привезли мою пижаму.

– Заключённые Рейха не настаивают.

– Но я ведь не заключённый, – спокойно сказал Доктор. – Я гость – почётный гость, прошу заметить – самого Фюрера. Я только что встречался с ним. Ему буден очень интересно узнать о том, как меня тут приняли... когда мы встретимся по его возвращении из Польши.

Женщина ушла за свой стол и подняла трубку внутреннего телефона. Переговорив с кем-то приглушённым голосом, она положила трубку и холодным тоном сказала:

– Рейхсфюрер примет вас сейчас.

Чувствуя, что выигрывает по очкам, Доктор прошёл в кабинет. Он был меньше и не такой показной, как другие кабинеты, в которых Доктор побывал в Берлине; простая комната с тёмной мебелью. Тяжёлые шторы перекрывали солнечный свет, создавая в комнате полумрак. Пещера, – подумал Доктор. Пещера для чудовища.

В дальнем конце кабинета человек в опрятной чёрной униформе работал со стопкой бумаг. В круге света от настольной лампы маленькие пухлые белые руки брали одну за другой бумаги из стопки слева, подписывали их, и перекладывали на стопку справа. Просто чиновник, погружённый в бумажную работу, – подумал Доктор. В бумажную работу, которая в конечном итоге оборвёт миллионы жизней. Перед столом было кресло.

Доктор сел в него, не дожидаясь приглашения.

Гиммлер продолжал подписывать бумаги. Когда была подписана последняя бумага, он нажал на столе кнопку звонка. Секретарша в очках зашла, взяла бумаги, и вышла.

Гиммлер поднял взгляд, и в его очках с тонкой дужкой блеснул свет. Тихим, почти застенчивым голосом он сказал:

– Мы должны прийти к взаимопониманию, герр Доктор. У меня есть определённые вопросы, вы дадите на них ответы.

Доктор промолчал, и Гиммлер продолжил:

– Быть может, мне стоит сказать вам, герр Доктор, что под этим зданием есть подвалы. Я никогда туда не хожу – звуки и вид страданий для меня слишком неприятны. Однако иногда я вынужден отправлять туда людей. Когда они возвращаются, то всегда рассказывают мне всё, что я хочу знать.

– Если вообще возвращаются, – сказал Доктор.

Гиммлер склонил голову.

– Увы, такое тоже не исключено, – он попытался изобразить улыбку. – Однако будем надеяться, что такие радикальные

меры не понадобятся. Давайте начнём с того, что вы расскажете мне о вашем недавнем разговоре с рейхсмаршалом Герингом.

Аккуратно выбирая слова, Доктор сказал:

– Рейхсмаршал обеспокоен здоровьем Фюрера. Ему известно, как, я уверен, известно и вам, о некоторых неприятных эпизодах, вызванных напряжением и истощением, которым подвергся Фюрер.

– Фюрер – святой, – сказал Гиммлер без тени иронии. – Он думает только о Рейхе, никогда не щадит себя.

– Эта преданность имеет свои последствия, – сказал Доктор.

– Однако, благодаря моим исследованиям, я стал лучше понимать суть этих проблем. Когда этим утром британский ультиматум привёл к подобному эпизоду, я смог помочь Фюреру взять себя в руки.

Гиммлер наклонился вперёд:

– Но они сказали, что это невозможно.

Доктор рискнул предположить:

– Кто? «Чёрный Ковен»?

Потрясённое лицо Гиммлера подтверждало догадку. Доктор решил попробовать ещё:

– Они сказали вам, что состояние Фюрера может лишь ухудшиться? Что однажды вам придётся его устранить? Стать на его место?

– Никогда! – Гиммлер вскочил на ноги. – Я бы никогда не стал даже думать об измене Фюреру.

Доктор понял, что это правда.

– Однако, – почти застенчиво сказал Гиммлер, – они сказали, что однажды может возникнуть необходимость освободить Фюрера от его непомерной ноши. Для него наступит время, когда он будет править как король, как император, а ежедневной рутинной будет заниматься кто-то другой.

– И этим человеком, разумеется, станете вы? – мягко сказал Доктор.

Гиммлер склонил голову.

– Он всегда будет нашим истинным лидером, нашим почитаемым, нашим обожаемым Фюрером.

Вот, значит, какой план. Гитлера изолируют в качестве не имеющего власти свадебного генерала, а в это время Гиммлер правит Рейхом, а «Чёрный Ковен» управляет Гиммлером. Он вдруг понял, что Гиммлер продолжает говорить.

– Герр Доктор, вы зашли слишком далеко, чтобы идти на попятную. Вы должны сказать мне, кто вы такой и откуда вам известны самые хранимые секреты Рейха.

Доктор попался. Ему нужно придумать ответ, который удовлетворит любопытство Гиммлера. О правде, разумеется, не может быть и речи. Он решил позаимствовать методы своих врагов-нацистов и рассказать очень большую ложь. Чтобы удовлетворить Гиммлера, она должна быть просто полоумной.

Доктор наклонился вперёд:

– Рейхсфюрер, можно задать вам вопрос... жизненно важный, даже космической важности?

– Продолжайте!

Низким, дрожащим голосом Доктор торжественно сказал:

– Рейхсканцлер! Вы верите в Высшие Силы?

– Да, – удивлённо ответил Гиммлер.

– Вы верите в Magnum Opus? – продолжал Доктор торжественным голосом. – Стремитесь ли вы найти Святой Грааль? Посвящены ли вы в Тайную Доктрину Золотой Зари? Верите ли вы в Космический Лёд? В Атлантиду, тайный дом Расы Господ?

Доктор рылся в памяти, пытаясь наскрести ещё какую-нибудь оккультную чушь, но сказанного оказалось достаточно. Дрожащим от волнения голосом Гиммлер сказал:

– Я верю во всё это, и не только! Уже столько лет моё отделение СС по изучению наследия трудится, разыскивая оккультные источники Арийства. Мы посылали экспедиции в Тибет, пытаясь обнаружить следы Тайных Повелителей... – Гиммлер понизил голос: – Вы тоже один из избранных, Доктор, один из носителей Тайного Знания?

Доктор скромно склонил голову:

– Да.

– Ну конечно! – возбуждённо сказал Гиммлер. – Вас послали Великие, чтобы присматривать за Фюрером. Чтобы помочь ему, вы были в Мюнхене, тайно, незримо действуя среди нас. И теперь, во время его наибольших испытаний, вы вернулись!

Доктор понял, что дальше разрабатывать легенду ему не нужно. Гиммлер с радостью сделает это сам.

– Доктор, вы должны приехать в Драхенсберг! – торжественно сказал Гиммлер.

– А, Драхенсберг! – с пониманием в голосе сказал Доктор, пытаясь сообразить, о чём говорит Гиммлер.

– Мой замок, – гордо сказал Гиммлер. – Мой Камелот СС. Там, в священной башне, доктор Кригслитер и его помощники из Чёрного Ковена трудятся над раскрытием тайных знаний Древних. Нам нужно посоветоваться с доктором Кригслитером и решить, что лучше для Рейха. Если, как вы говорите, Фюрер может быть полностью излечен, я с радостью изменю свои планы.

– Я бы с превеликим удовольствием, – спешно сказал Доктор. – Но, к сожалению, у меня есть прямой приказ Фюрера. Я должен оставаться в Берлине до его возвращения.

Гиммлер нахмурился. Как бы его не волновало состояние Гитлера, приказ Фюрера всё равно был священен.

Доктор встал:

– Мне нужно возвращаться к моим исследованиям. Если я должен найти ответы о состоянии Фюрера...

Гиммлер встал из-за стола и подошёл к Доктору.

– Конечно, конечно. Когда Фюрер вернётся из Польши, мы попросим у него разрешение на ваше посещение Драхенсберга.

С некоторым облегчением Доктор подумал, что Гиммлер, похоже, отказался от своих подозрений, во всяком случае, пока. Он даже провёл Доктора до двери. В приёмной секретарша встала из-за стола и свирепо посмотрела на Доктора.

– Вызвать охрану, герр рейхсфюрер?

Гиммлер удивлённо посмотрел на неё:

– Однозначно нет! Проследите за тем, чтобы герр Доктор получил всё, что ему нужно, – и он вернулся к себе в кабинет, видимо, подписывать какие-то бумаги.

Доктор сел на стул и закинул ногу на ногу.

– Машину до отеля «Адлон», пожалуйста, добрая женщина. И постарайтесь побыстрее, ладно? У меня дел полно.

На обратном пути в гостиницу Доктор думал о Кригслитере и его Чёрном Ковене. Неужто группа мошенников и шарлатанов, имевших влияние на Гиммлера за счёт игры на его суеверных страхах, склонили доверчивого Гитлера к другому решению и этим изменили ход истории? Это и всё, что произошло? Наверняка нет. Чтобы полностью сменить курс истории, воплотить в жизнь ложную временную линию, необходимо было умелое вмешательство широкого масштаба. Шайка жуликов с этим не справилась бы. Слишком многое до сих пор не имело объяснения. К примеру, нападение на него в Мюнхене. И это чувство знакомства, которое у него возникло уже при беглом взгляде на Кригслитера. А прежде всего, роль Времяточца.

Занятый этими размышлениями, Доктор даже не заметил, что уже доехал до отеля. Он прошёл к себе в номер и закричал:

– Эйс, ты где? Извини, что я так долго, меня отвлекли, причём дважды.

Затем он увидел на столе записку.

9. ДРАХЕНСБЕРГ

Эйс очнулась в темноте. Она попыталась пошевелиться, но, к своему ужасу, поняла, что висит вертикально в виде буквы Т, закованная кандалами за запястья и щиколотки. Спиной она чувствовала холодный камень.

Внезапно вспыхнул свет. Горящие факелы появились возле самого её лица, и в их мерцающем свете она увидела зловещие фигуры в чёрных балахонах с капюшонами, собравшиеся вокруг неё полукругом. Они отошли, открыв её взгляду ещё более зловещую фигуру – жреца в чёрном балахоне и с маской козла. У него был огромный церемониальный нож с большим кривым лезвием, и он шёл к ней.

Острое, как бритва, лезвие коснулось её горла, пустив струйку крови. Эйс гордилась своей крутостью. Но очнуться и оказаться в фильме ужасов даже для неё было слишком. Она закричала и потеряла сознание.

Торопливо заплатив за такси на Кронпринценштрассе, Доктор поспешил по дорожке к парадному входу старого здания... а затем заставил себя остановиться и успокоиться. В конце концов, он не был уверен в том, что Эйс грозит опасность. Будет глупо, если он ворвётся, как американская кавалерия и обнаружит, что Эйс попивает чай с пирожными в компании старых библиотекарей.

Он осмотрел латунную табличку. Задумчиво посмотрел на ручку звонка. Он собрался уже потянуть за неё, как вдруг

заметил, что входная дверь слегка приоткрыта. Доктор осторожно толкнул дверь и зашёл в здание. Подойдя к полированной лестнице, он крикнул:

– Эй! Кто-нибудь дома?

Никто ему не ответил. Он прошёл в библиотеку для гостей и, как и Эйс до него, увидел книжные шкафы со стеклянными дверцами и большой стол, вокруг которого стояли стулья. Между стульями был зазор, словно одного из стульев не хватало.

В целом, тут всё тихо и почтенно, – подумал Доктор. Те же опасности и дрожь, что и при посещении любой библиотеки.

Единственной странной вещью был огромный хрустальный шар в центре полированного стола. Доктор предположил, что это товар для самых взыскательных потребителей сверхъестественного. Сеансы для богатых пожилых дам с заглядыванием в хрустальный шар... Было это просто гнездо хитрых аферистов, или же тут было ещё что-то?

Что-то было. Доктор как раз собирался начать обыскивать другие части здания в поисках подсказок о том, что случилось с Эйс, когда заметил, что хрустальный шар начал светиться. Он склонился над ним, вглядываясь в его мутное содержимое. Внезапно начало формироваться изображение. Это была Эйс.

Эйс была прикована к стене в какой-то темнице, а вокруг неё стояли фигуры в чёрных балахонах. Фигура в ужасной маске угрожала Эйс, приставив к её горлу нож. Изображение увеличилось, показывая нож, коснувшийся горла Эйс, тонкую струйку крови, крик Эйс. Картинка пропала.

Доктор продолжал стоять, опираясь руками на стол. Через несколько минут картинка снова начала появляться. Эйс прикована к стене, Эйс окружена фигурами в балахонах, Эйс угрожает жрец в козлиной маске, Эйс кричит...

Картинка исчезла... затем вернулась, проигрывая снова и снова всё ту же последовательность.

– Ладно, ладно, я всё понял! – крикнул Доктор.

Схватив хрустальный шар, он с поразительной силой швырнул его в стену, и тот разбился на миллион мелких кусочков. Доктор подошёл к осколкам и осмотрел их. Никаких следов электронных цепей, одни лишь хрустальные осколки.

Вот и конец его теории о том, что Кригслитер и «Чёрный Ковен» были простыми мошенниками. Чтобы вот так спроектировать и повторно воспроизводить телепатическую запись, нужны были весьма продвинутые средства.

Разумеется, это было сообщение; сообщение для него. Суть его проста: «Эйс в наших руках. Если мы захотим, мы её убьём». Оно было похоже на приглашение в этот дом, которое приняла Эйс. Только теперь Эйс сама была приглашением. Они хотели, чтобы он к ним пришёл.

– Цып-цып-цып, иди-ка в суп! – тихо сказал Доктор.

Ему, конечно, придётся пойти. Придётся спасти Эйс, разобраться с Кригслитером, искать способ сбежать оттуда.

Но как?

Эйс снова очнулась.

В этот раз было лучше. Она лежала, свернувшись, на застеленной мехом кушетке, ей было тепло и удобно. Она потянулась. Если это снова был сон, то он был гораздо лучше, чем предыдущий. Нечего смотреть столько «ужастиков» на ночь, – подумала она.

Эйс открыла глаза и осмотрелась. Она была в большой комнате, почти треугольной; внешняя стена, в которой было окно, была изогнутой. Форма комнаты напоминала Эйс кусок торта. Стены были каменные и на вид очень толстые, но комнату попытались сделать удобной. На стенах висели ярко окрашенные щиты с гербами, меховые коврики, на креслах и кушетках тоже лежали меха. Кто бы ни был владельцем, права животных его не волновали.

Она подошла окну, которое было раскрыто, если не считать решётки, и выглянула наружу. Впереди и внизу открывалась холмистая местность, поросшая лесом. У Эйс было ощущение, что высоко над окружающей местностью поднято не только её окно. Сам замок (было ощущение, что это именно замок), должно быть, стоял на холме.

Она услышала какие-то крики, доносящиеся издалека, и выгнула шею так, чтобы посмотреть вниз. Внизу, во дворе, взвод голых до пояса мускулистых молодых блондинов выполнял по командам крикливого инструктора сложную последовательность упражнений.

Вот так всегда, – подумала Эйс. Полно полураздетых блондинчиков, а меня тут заперли. По крайней мере, наверное, заперли.

Она подошла к массивной дубовой двери и попробовала её открыть. К её изумлению, дверь не была заперта. Она оказалась перед широкой каменной лестницей, которая спиралью спускалась вниз, в огромный круглый зал, разделённый на несколько секторов. Эйс стояла наверху, глядя на суету в зале. Это было впечатляющее зрелище. В разных секциях одновременно происходило множество разных действий.

В одном секторе хранилось оружие: от «Люггеров» до гранат, ружей, и пулемётов. Там несколько эсэсовцев в чёрной форме разбирали и чистили оружие. Зал был настолько огромным, что перед оружейным сектором был плац, и ещё один взвод эсэсовцев маршировал под руководством инструктора.

Ещё было нечто вроде медицинского сектора, где гудели и жужжали сложные машины. В этом секторе несколько эсэсовцев лежали по стойке смирно на раскладушках, расходившихся, словно спицы колеса, в стороны от большой центральной колонны. Они лежали головами к центру, и на каждом был надет странного вида шлем, подключённый кабелями к пультам управления.

На глазах у Эйс мужчины, как один, сняли с себя шлемы, опустили ноги на пол, и стали смирно. Их место заняла другая группа, а первая стала строем и маршем ушла прочь.

В центре помещения был центр управления с открытой планировкой. На его освещённых экранах были карты Германии, Европы, Африки, Азии... вообще-то, всего мира. Перед картой Европы стоял доктор Кригслитер.

Рядом с ним был ухмыляющийся змотритель из института арийских исследований. Теперь он выглядел иначе. На нём была странная чёрная униформа, китель с высоким воротником. Очков с толстыми линзами на нём уже не было, и держался он теперь скорее как солдат, чем как учёный. Мельком взглянув на Эйс, он вернулся к изучению карт, делая световым пером пометки на экране.

Кригслитер посмотрел на Эйс, спустившуюся по лестнице и направлявшуюся к нему.

— Ага, вот и вы. Полагаю, вы отдохнули. У вас удобный номер?

— В этот раз да, — резко сказала Эйс. — Когда я очнулась в первый раз, я была в застенках в окружении каких-то ненормальных. Если это мне, конечно, не приснилось... — ахнув, она замолчала, увидев один из мониторов.

На нём она увидела себя, прикованную к стене, в окружении фигур в балахонах. Себя, сжавшуюся при приближении жреца с ножом, увидела собственный безмолвный крик...

Эта запись повторялась снова и снова.

— Что это такое?

Красные губы Кригслитера изогнулись посреди белой бороды в улыбке.

— Можете считать это трейлером, дорогая. Как говорят в кино, анонс будущего развлечения. Это было записано для вашего друга Доктора.

Он щёлкнул переключателем, и на экране появилось изображение Доктора, нагнувшегося вперёд и внимательно всматривающегося во что-то.

– Видите, он сейчас это просматривает. Очень скоро ему придётся действовать.

– Как действовать?

– Он придёт сюда, чтобы найти вас. Чтобы попытаться спасти.

– Где мы?

– Вы в замке Драхенсберг, моя дорогая, в сотнях миль от Берлина. Этот замок был приобретён лично Гиммлером для СС. Башня замка, в которой мы сейчас находимся, зарезервирована для членов Чёрного Ковена, внутренней элитной группы, подразделений психического шока СС.

Эйс осмотрела зал.

– Всё это ваше оборудование, оно же не отсюда, правда? Вы из другого времени? С другой планеты?

Ухмыляющийся мужчина обернулся к ней.

– И то, и другое, – гордо сказал он. – Мы – повелители войны, – он снова вернулся к экранам.

Эйс это ни о чём не говорило, поэтому она пропустила это мимо ушей. Она посмотрела на монитор.

Внезапно изображение разлетелось на куски, лицо Доктора исчезло, и экран почернел.

Тот, кто назвал себя повелителем войны, изучал панель управления.

– Он разбил приёмник, – хихикал Кригслитер. – А, Доктор теряет терпение. Теперь он уже скоро будет тут.

– Что вы такое несёте? – сказала Эйс. – Вы же сказали, что мы в сотнях милях от Берлина. Доктор не знает ни где я, ни как сюда попасть. А если бы и знал, ему запрещено Берлин покидать.

– Ответы на все эти вопросы есть в Берлинском офисе Арийского Бюро, где мы с вами познакомились, если вы не забыли.

– Не забыла, – мрачно сказала Эйс. Она пощупала шишку на затылке.

– Так вот Доктор сейчас там, – Кригслитер снова засмеялся. – Я верю в его находчивость. Он что-нибудь придумает. Мы, разумеется, сделаем так, чтобы ему не было слишком просто. Иначе будет не интересно.

На экране вместо изображения Доктора снова появилась запись с Эйс в застенках. Она секунду посмотрела, а потом с отвращением отвернулась.

– Станные у вас представления об интересном. Вы хотите сказать, что инсценировали эту сцену в застенках ради того, чтобы Доктор думал, что я в опасности?

– Мы записали её для того, чтобы вывести его из себя, – поправил Кригслитер, – но, боюсь, вы действительно в опасности. Избрание – предварительная, но всё-таки важная церемония.

– Что вы имеете в виду под словом «церемония»? – с беспокойством спросила Эйс.

– Именно это и имею в виду, дорогая. Жрец – в данном случае это я – осматривает Избранную и находит её приемлемой. В знак этого его нож пробует первую каплю её крови.

Эйс коснулась пальцами своей шеи. К её ужасу, там была небольшая ранка.

– Вы сказали «предварительная церемония»? Предварительная к чему?

– К большому Жертвоприношению, разумеется. К церемонии посвящения старым тевтонским богам. Вы, моя дорогая, станете традиционной Жертвой-Девственницей. Вы же, надеюсь, подходите под это описание?

К своему отвращению, Эйс поняла, что сильно покраснела.

Кригслитер махнул рукой:

– На самом деле это не важно, мы не позволим такой формальности помешать нам. Да и вообще всё это полная чушь, честно говоря, большую часть этого священного ритуала я сам придумал. Тем не менее, он производит большое впечатление на Гиммлера и его братву, а больше ничего и не нужно.

Ужас того, что он говорил, был настолько велик, что Эйс была не в состоянии воспринимать его всерьёз. Она вообще не могла во всё это поверить. Кригслитер посмотрел на небо сквозь узкие окна в стене башни.

– Время идёт. Очень надеюсь, что Доктор скоро появится. Я не хочу, чтобы он пропустил ваш звёздный час.

10. ПРИБЫТИЕ

В тихой библиотеке, в окружении томов концентрированных ненависти и предубеждений, Доктор думал. Они показали ему Эйс в темнице. Темница означает замок. Замок должен быть замком Гиммлера, Драхенсбергом, а это сотни миль от Берлина. Но Эйс была уже там, и Кригслитер тоже.

Эйс была в опасности, но была ещё жива. Если это всё, что они хотели ему сказать, то могли бы просто оставить ему её бесчувственное тело. Если они использовали её в какой-то церемонии чёрной магии, то традиционным временем для неё является полночь. Если они проводят какой-то тевтонский ритуал, это может быть вообще на рассвете. У него ещё было время.

Доктор встал и начал ходить по всей библиотеке, ощупывая ладонями облицованные дубом стены. Это было долгое и кропотливое занятие, но в конце концов он нашёл то, что искал — едва заметный гул. Он внимательно осмотрел эту часть стены. На уровне глаз в дубовой панели было отверстие от сучка. Доктор нажал на него пальцем, и часть стены отползла в сторону, открыв освещённую нишу. Вот так всё было просто. Слишком просто. Конечно, это западня.

Доктор изучил нишу и её простую панель управления. Это был телепорт примитивнейшего вида, простая связь между двумя точками. Между Берлином и Драхенсбергом. Или, если его настроили специально для него, между Берлином и

смертью. Как только он зайдёт в нишу и нажмёт кнопку отправки, он станет абсолютно беспомощен. Они смогут разобрать его тело на молекулы здесь и собрать его где угодно. Или вообще не собрать.

Придётся рискнуть, но это можно сделать немного иначе. Доктор поднял трубку телефона, стоявшего в углу на небольшом столике. Разговор был долгим и непростым, ему потребовалось мобилизовать всё своё умение убеждать. В конце концов, Доктор спокойным голосом сказал:

– Решение принимать вам, герр рейхсмаршал, – и повесил трубку.

Он начал рыться в своих необъятных карманах. Куда он задевал свою звуковую отвёртку? В конце концов Доктор нашёл галлифрейский армейский нож, такой, какие обычно выдавали Капитолийской Гвардии. На нём была гравировка: «Собственность кастеляна Спандрелла». Должно быть, взял случайно и сам не заметил, – подумал Доктор. Присев у панели управления, он принялся за работу.

– Активирован телепорт, – крикнул Повелитель Войны.

– А! – сказал Кригслитер. – Тогда идёмте встречать Доктора.

Тяжело опираясь на свою палку, он пошёл в другой конец зала, где стояла простая освещённая ниша. В данный момент она была окружена эсэсовцами с автоматами.

Повелитель Войны изучал ближайшую к нему панель управления.

– Появится в секунды на секунду.

Солдаты сняли оружие с предохранителей. В будке телепорта загорелся свет. А потом она взорвалась.

Все пригнулись, уворачиваясь от разлетающихся обломков.

– Это неисправность, – сказал Повелитель Войны. – Он, наверное, погиб.

– Это уловка! – закричал Кригслитер. – Он переделал телепорт. Он где-то здесь. Обыщите башню от крыши до подвала. Обыщите весь замок. Доктор тут, и он мне нужен живым!

Несколько солдат прогремели сапогами по верхней части лестницы, распахнули люк, и вылезли на плоскую крышу башни. Там никого не было.

Рядом с парапетом стояло зенитное орудие и ящик с боеприпасами. В неподвижном воздухе безветренного летнего полдня на флагштоке вяло висело знамя СС. Перегнувшись через парапет, они посмотрели на двор, на ворота замка, на мост через ров.

Солдаты маршировали и упражнялись, повсюду была охрана, и не было никаких признаков проникновения. Они спустились по лестнице в люк и погромыхали по ступеням вниз, обыскивать другие места.

Какое-то время было тихо. Затем Доктор выпутался из эсэсовского знамени и соскользнул по флагштоку вниз. Удачное приземление было, что ни говори. Он запрограммировал телепорт материализовать его чуть выше крайней твёрдой поверхности сверху, а затем

самоуничтожиться. Он оказался на метр-полтора выше, чем рассчитывал, и флагшток спас его от неприятного падения.

Доктор осмотрел парапет, проверил зенитку, получил представление об общем плане замка и об окружающей его местности. План у него был простой – найти и освободить Эйс.

Узнав на крыше всё, что было возможно, Доктор спустился в люк и начал осторожно спускаться по спиральной лестнице, проходившей внутри башни. Башня была разделена на несколько этажей. На верхнем этаже были казармы и склады, этажом ниже – апартаменты руководства. Ещё ниже был огромный зал, круглое помещение с высоким потолком, занимавшее всю нижнюю половину башни.

Доктор притаился наверху лестницы, изучая то, что происходило внизу. Оружейный сектор, сектор для муштры и тренировок, командный сектор. Впечатляющее оборудование, причём странно знакомое. Доктор увидел худощавую фигуру в чёрном кителе с высоким воротником, ходившую по командному сектору. В тот же миг на него нахлынул поток ярких воспоминаний.

Он увидел грязь и колючую проволоку фронта Первой Мировой войны, где усталые фигуры в мундирах заряжали посреди грязи пулемёты. Он увидел римскую колесницу, внезапно вылетевшую из тумана, одетых в серое и синее солдат Американской гражданской войны, и мексиканского партизана с револьвером. Он увидел своих старых спутников – воинственного горца Джейми, малышку с компьютерным мозгом Зоуи...

Он увидел циклы бессмысленной резни, повторяемые до бесконечности, мужчин, вырванных из своих эпох для проигрывания заново бесконечных войн человечества на далёкой чужой планете. Всё это было частью сложного плана завоевания галактики.

А в центре всего этого, в своих центрах управления находились бесстрастные расчётливые фигуры в чёрных кителях, похожие на того, кто ходил внизу. Повелители войны. А позади них, помогая им, манипулируя ими, предоставляя им необходимую технологию, стоял повелитель времени, называвший себя Главнокомандующим.

Или, по-немецки, *der kriegslieter*.

– Что же, ещё более прозрачного намёка он мне не мог дать, – пробормотал Доктор. – Это просто не честно. Я же уладил это много лет назад. И я думал, что он погиб.

Доктор дорого тогда заплатил за свою победу. Вмешательство в ход времени было настолько обширным, из своего времени было изъято столько солдат, что Доктор был вынужден просить свой народ, повелителей времени, о помощи.

Помощь ему предоставили... но не даром. Заполучив его в свои руки, повелители времени судили его за большое число настоящих и выдуманных преступлений. У Доктора всегда было чувство, что его настоящие преступления заставляли их чувствовать себя дураками. Как бы там ни было, суд прошёл как положено. К суду повелители времени всегда относились очень серьёзно, – подумал Доктор. Это была скорее церемония,

театральное представление, идущее своим ходом к заранее известному выводу.

В целом, в общем-то, с ним обошлись не слишком жёстко. Его спутников, Джейми и Зоуи, вернули в их жизни, в их времена. Самого же Доктора присудили к принудительной регенерации и ссылке на Землю. Но ещё до этого они наказали Повелителя Войны.

Для него снисхождения не было. Его приговорили к темпоральному разложению, аннулированию всего его существования – высшая мера наказания.

Но вот он тут... или кто-то очень на него похожий. И ведь беглый повелитель времени, Главнокомандующий, как он называл себя, был убит самими повелителями войны во время какой-то их внутренней размолвки...

Воспоминания Доктора были прерваны усиленным голосом, эхом пронёсшимся по всему каменному залу. Внизу его неподвижно слушали шеренги странно похожих друг на друга блондинов-эсэсовцев.

– Доктор! – позвал голос. – Говорит Главнокомандующий. Если вы здесь, Доктор, а я уверен, что вы здесь, то пройдите в главное помещение Северной Башни. Но поторопитесь, Доктор. Ваша молодая спутница здесь, и очень скоро она будет в беде. Поспешите, если хотите застать её живой.

Доктор увидел какое-то движение в центре зала. Затем он увидел Эйс. Её привязали к деревянному столу, а сам стол подняли, облокотив на каменную колонну. Кригслитер стоял рядом с колонной, держа в руках трость с серебряным

набалдашником. Он повернул набалдашник, и кончик трости загорелся красным светом. Он взмахнул тростью по диагонали в направлении стола, и верхний левый угол стола упал. Кригслитер отрезал правый верхний угол.

Остановившись, он произнёс в микрофон:

– Вы поняли идею, Доктор? Моя лазерная трость – инструмент прецизионный. Но ваша подруга рискует всё сильнее. Если я не рассчитаю, она может остаться без уха или без пальца, или даже без руки или без ноги. Не волнуйтесь, она не умрёт. Раны при этом прижигаются, и я позабочусь о том, чтобы оставить для нашего ритуала достаточно большой её кусок.

Он взмахнул лазерной тростью по дуге и отрезал верхнюю часть стола и прядь волос Эйс.

– Доктор! – закричала Эйс. – Если ты тут, то не выходи. Он блефует!

Кригслитер взмахнул тростью ниже, отрезав нижнюю часть стола вместе с носком туфли Эйс.

Доктор встал и сложил ладони рупором.

– Ладно, – крикнул он. – Представлению конец, я тут!

Все, кто был в зале, повернулись к нему.

Доктор спустился по лестнице и пересёк зал. Он на ходу раскрыл нож, и сразу обрезал путы, удерживавшие Эйс на изуродованном столе.

– Вот так появление, Доктор, – сказала она. – Не бойся, им меня не запугать, – и она повисла без чувств на его руках.

Герман Геринг сидел за своим столом в Канцелярии. Уставившись в пространство, он сжимал и разжимал кулаки. Один из хитрейших мозгов Нацистской Германии просчитывал варианты.

Действовать было рискованно. Но не действовать могло быть ещё рискованнее. Когда кто-то против тебя что-то замышлял, было очень неплохо нанести удар первым, причём сильный удар. Это доказал сам Фюрер своими действиями в 1934 году. Он уничтожил всех лидеров своей личной армии – коричневорубашечников – во время Ночи длинных ножей. Две тысячи казней за один день.

Генрих вздрогнул, вспомнив, как малыш Гейни спокойно сверялся со списком убитых, отправляя ещё четверых коричневорубашечников на расстрел, когда оттаскивали тела предыдущих четверых. Они продолжали убивать, пока их не стало тошнить от этой бойни. В конце концов даже расстрельная команда не выдержала.

Тем не менее, некоторым образом это воспоминание его ободрило и воодушевило. Вряд ли Фюрер будет возражать, если Геринг будет всего лишь следовать примеру своего лидера. Кроме того – и этот мотив был для него особенно важен – это будет чертовски весело!

Он стукнул правым кулаком по столу, отчего стоявшее на нём украшение в виде свастики подпрыгнуло на несколько сантиметров.

– Я это сделаю! И пускай Доктор молится, если он ошибся. Я тогда этого чертёныша лично пристрелю.

Схватив телефонную трубку, Геринг проревел:

– Соедините меня с Бендлерштрассе.

– Сию минуту, герр рейхсмаршал.

Соединяя линии, оператор удивлялся: чего это Железному Толстяку вздумалось срочно поговорить со штабом армии?

Чуть позже, Доктор и Эйс были заперты в роскошных апартаментах, в которых Эйс очнулась во второй раз. В этот раз дверь была заперта, и за ней стоял часовой. Галлифрейский армейский нож у Доктора отобрали, но в остальном с ними обращались на удивление хорошо. Им дали поесть: хлеб, холодное мясо, сыр, вино, фрукты.

Эйс было противно вспоминать о том, что случилось.

– Честно, Профессор, чтобы я кричала и падала в обморок?!

– Перестала бы ты уже цепляться свой образ мачо, – сказал Доктор, выбирая виноградину. – Я бы на твоём месте начал орать намного раньше.

– Моё место сейчас не из лучших, – сказала Эйс. Она уже рассказала Доктору о своей предполагаемой роли жертвы. – Надеюсь, у тебя есть какой-нибудь туз в рукаве.

– Несколько, – он понизил голос. – Запомни, Эйс, что бы ты ни делала, реагируй естественно.

Часовой раскрыл дверь, и в комнату, хромая, зашёл Кригслитер.

– Пришли позлорадствовать? – дружелюбно спросил Доктор. – В таких ситуациях все так делают.

Стоя у дверей, Кригслитер осмотрел Доктора.

– Вы изменились, Доктор, но не радикально. Вы как были не приметным при нашем знакомстве, таким и остались.

– Ну, я пробовал быть высоким и надменным, зубастым и кудрявым, но мне это не идёт, – он с любопытством осмотрел Кригслитера. – Я, быть может, изменился не сильно, но вот вы... – заметил он, довольно бестактно. – Во всяком случае, если вы действительно тот, за кого вы себя выдаёте. Вы же были высокий, темноволосый, красивый, разве нет? Я слышал, что вас убили. Хотя, если подумать, тело ваше так и не обнаружили.

– В меня стреляли, Доктор, но не убили. Стреляли несколько раз, с близкого расстояния, из энергетического оружия повелителей войны. Хотите знать, как я выжил?

– У меня есть подозрение, что это вы в любом случае расскажете.

– Когда штурмовики повелителей войны собирались выбросить моё тело, они заметили, что я всё ещё жив. Едва-едва, но жив. Вы же знаете, Доктор, как мы, повелители времени, поразительно живучи.

Эйс посмотрела на него:

– Вы повелитель времени... как профессор?

– Не совсем как я, надеюсь, – сказал Доктор. – Мы бываем разных сортов, как конфеты, – он снова повернулся к Кригслитеру: – Простите, продолжайте.

– Они вызвали ко мне одного из их учёных, и он так удивился, что приказал отправить меня на их родную планету – они тогда начинали отступать. Я был на последнем корабле.

– А почему они вообще тратили на вас своё время? – с любопытством спросил Доктор. – Мне показалось бы более правдоподобным, если бы они вас просто добили.

– О, у них и в мыслях не было лечить меня, Доктор. Они просто хотели узнать, как долго я буду умирать. Они бросили меня в трюм корабля, и во время возвращения на их планету я начал регенерировать.

Доктор кивнул. Регенерация, вызванная травмой, не была для него новостью. Его собственная третья регенерация была вызвана большой дозой радиации.

Кригслитер мрачно продолжал свой рассказ. Им обоим было ясно, что он должен это рассказать.

– Из-за тяжести моих ран, обширных повреждений тканей, и полного отсутствия медицинской помощи регенерация прервалась.

– Нет, – прошептал Доктор, и Эйс увидела на его лице боль.

Кригслитер сказал:

– Хотите увидеть, как выглядит прерванная регенерация, Доктор?

Он на секунду отбросил плащ, и Эйс мельком увидела искажённое замотанное бинтами туловище, из которого торчали кривые короткие дополнительные конечности. Казалось, что два тела неаккуратно объединили в одно. Она в ужасе отвернулась.

– Можете сами себе представить мой череп, – сказал Кригслитер, качая своей большой головой. – Как видите, я его скрыл, как мог.

– На Галлифрее весьма развитая регенерационная терапия, – сказал Доктор. – Они смогли бы вам помочь.

– На этой стадии, Доктор? Сомневаюсь, – Кригслитер рассмеялся. – Кроме того, даже если бы они и смогли, то что? Они бы меня вылечили, а затем приговорили бы к смерти или даже к темпоральному разложению. Небытие, которое хуже смерти.

– Кстати, о небытии, – внезапно сказал Доктор. – Человек, которого я там мельком заметил. Чёрный китель с высоким воротником, и словно встроенная ухмылка.

– Он был зрителем в Арийском Бюро, – сказала Эйс. – Но тут он сказал, что он повелитель войны.

– Так вон он-то как раз был приговорён к темпоральному разложению, – сказал Доктор. – Более того, я сам видел исполнение этого приговора.

– Приговорили его отца, Доктор, – сказал Кригслитер. – Это его сын, его наследник. Семейное сходство очень сильное. Как и у меня, у него нет причин любить повелителей времени.

– А вот такой ещё вопрос, – внезапно сказал Доктор. – А почему вы вообще бросили повелителей времени и присоединились к повелителям войны? Что вы такого натворили?

Кригслитер горько рассмеялся:

– В этом самая большая ирония, Доктор. Я ничего не натворил, вообще ничего, за исключением того, что поднимался в иерархии повелителей времени так быстро, что кардинал Боруса увидел во мне соперника. И он тихо

поговорил со своими друзьями в Агентстве Небесных Вмешательств. Доказательства измены были созданы, подброшены, и обнаружены... Я еле успел сбежать.

Доктор кивнул. Эта история была вполне правдоподобна. Она довела некогда многообещающего повелителя времени до катастрофического союза с инопланетянами – повелителями войны. И в конечном итоге появился стоящий перед ним сейчас монстр.

– Боюсь, что Боруса стал довольно безжалостным, гонясь за своими амбициями, – грустно сказал он. – В конечном итоге его ждало поражение, если вас это утешит.

– Что случилось? – спросил Кригслитер. – Ему в удалось стать президентом?

– На какое-то время, а затем он погнался ещё и за бессмертием, и его вынудили уйти в отставку. Сейчас он особой активности не проявляет, и это, наверное, надолго, – Доктор встал и потянулся. – Что же, приятно было посидеть и поболтать о старых добрых временах. Но это всё никак не объясняет того, что вы делаете здесь и сейчас.

– Это мой реванш вам, Доктор.

– Не понимаю.

– Я выжил на планете повелителей времени в качестве медицинского курьера. Со временем мне удалось убедить их в том, что я никогда не был предателем. Обо мне узнал новый Повелитель Войны. Я рассказал ему о том, как был уничтожен его отец, и убедил его в том, что есть лишь один способ стереть позор поражения, который вы на нас навлекли.

– И какой же?

– Лучшим, единственно возможным реваншем для него, как и для меня, было придумать такой план завоевания галактики, который будет реализован.

– Едва ли вы могли рассчитывать на то, что я снова наткнусь на вас и увижу ваш план в действии.

– Но я же столько лет изучал вас, Доктор. Я счёл очень вероятным, что массивное вмешательство в историю выманит вас из вашей пространственно-временной норки. Итак, мы нашли возможность преодолеть временной барьер, который повелители времени поместили вокруг нашей планеты. А затем придумали план.

– А теперь нам, значит, ещё и ваш план слушать? – Эйс уже начало надоедать быть молчаливой слушательницей.

Кригслитер отвернулся:

– Я собирался показать вам кое-что из того, чем мы тут занимаемся, но как скажете. У вас есть ещё несколько часов, а делать вам особо нечего. Если вы предпочитаете рассматривать перед смертью стены...

– Нет, нет, – торопливо сказал Доктор, хватая Эйс под руку и поднимая её на ноги. – Пойдём, Эйс, не будем неблагодарными. Читать нам нечего, телевидение ещё толком не существует, почему бы нам не пройтись на экскурсию?

У Доктора были свои мотивы. К примеру, ему действительно было интересно. Знания всегда были полезны, да и шансы сбежать за пределами их роскошной тюремной камеры были выше.

Кригслитер постучал по двери, и часовой открыл её. Выходя за ними из комнаты, Эйс задумалась над словами Кригслитера. Им собираются показать секреты врага, рассказать о его планах. И Кригслитера явно не беспокоило, что именно они увидят, что узнают о его планах. Просто это не имело значения.

Очень скоро они будут мертвы.

11. ЗАВОЕВАНИЕ

Кригслитер вывел их из комнаты и повёл вниз по лестнице, а затем через большой зал к пункту управления, где у экранов с картами задумчиво стоял Повелитель Войны.

– Я привёл наших гостей, Повелитель Войны. Я подумал, что вам будет интересно рассказать им о своих планах по окончательному захвату галактики.

– О *наших* планах, Главнокомандующий, – сказал Повелитель Войны. – Вы слишком скромны, – он с любопытством посмотрел на Доктора. – Для меня это огромное удовольствие, Доктор. Я очень долго ждал возможности встретиться с вами, и оплатить свой долг.

– Ну что вы, какой же это долг, – вежливо сказал Доктор. – Помешать злым планам вашего отца было для меня удовольствием.

Повелитель Войны холодно сказал:

– Как вы знаете, основной идеей того первого плана, в который вы, Доктор, вмешались, было похитить солдат из различных эпох Земли, заставить их воевать в их собственных (как им казалось) войнах, и отобрать среди выживших элитные войска. Это было, мягко говоря, излишне сложно.

– Давайте говорить прямо, – весело сказал Доктор. – Это была идея сумасшедшего, чёрт-те что, а не план. Он начал идти под откос ещё до того, как появился я.

– С ним были определённые проблемы, – сдержанно признал Повелитель Войны. – Сложность промывания мозгов,

да ещё и в таких масштабах; последовавший рост движения сопротивления в различных временных зонах...

– Вот именно, – весело сказал Доктор. – Чёрт-те что.

Эйс подумала о том, разумно ли Доктор делает, зля Повелителя Войны. А впрочем, что им было терять?

Сведя зубы, Повелитель Войны продолжил свою лекцию.

– Однако мы по-прежнему были убеждены, что Земля больше всего подходила для наших целей, что человеческая раса обладает наилучшими характеристиками для формирования армии убийц.

– Они кровожадные, это точно, – согласился Доктор, задумчиво глядя на Эйс. – Я и сам об этом им часто говорю.

– Мы воспользовались сканирующим время оборудованием, предоставленным нашим другом Главнокомандующим, для изучения земной истории и нашли вот это! – широким жестом повелитель войны обвёл шеренги эсэсовцев и знамёна со свастикой на стенах. – Нация и правительство, имеющие те же самые устремления, что и мы. А в этой нации – избранная элита, устремлённая ещё сильнее, чем остальные. Большая часть работы была сделана ещё до нас.

Доктор кивнул:

– Я понимаю, о чём вы. Беспрекословное подчинение, полная безжалостность, неприкрытая агрессия – у этих ребят мозги и без вас промыты.

– Вот именно, – сказал Кригслитер. – Вы знаете, Доктор, что всех этих мужчин подвергли жестокой двухлетней тренировке, прежде чем им разрешили называть себя членами

СС? Когда они попадают к нам, они уже подготовленные. Очень небольшая подстройка, и процесс завершён, – Повелитель Войны поднял голос: – Эй, ты!

Один из светловолосых великанов быстро подошёл к нему и стал по стойке смирно.

У Эйс от его вида захватило дух. Парень выглядел что надо: рост метр девяносто, строгие правильные черты лица, коротко стриженные светлые волосы, голубые глаза. Но по какой-то причине он её не привлекал, она даже не могла подумать о нём с этой точки зрения. Она предположила, что проблема в глазах. В них не было никакого выражения.

Он больше не был человеком.

Словно отвечая на её вопрос, Повелитель Войны сказал:

– Когда они попадают к нам, в них уже так мало человеческого, что удалить эти остатки очень просто, – глядя на возвышающегося над ним великана, он резко сказал: – Каска. Граната.

Мужчина строевым шагом подошёл к углублению в стене башни рядом с оружейным сектором. Туда же, вслед за Повелителем Войны, подошли и они. У них на глазах солдат взял на складе каску, надел её, и взял в деревянном ящике гранату. Затем он вошёл в нишу. Нишу закрыл толстый прозрачный экран.

– Смотрите внимательно, – сказал Повелитель Войны.

Он кивнул эсэсовцу.

Тот выдернул из гранаты чеку, положил гранату себе на каску, и стал по стойке смирно. Несколько секунд спустя

раздался взрыв, и вся ниша наполнилась дымом. Экран поднялся, дым развеялся, и там стоял эсэсовец. Каску погнуло взрывом, из носа и ушей текла кровь, лицо было в крови из-за осколочной раны на щеке. Но он продолжал стоять смирно, уставившись голубыми глазами в пространство.

– Отличный фокус для вечеринок, – сказал Доктор.

Кригслитер засмеялся:

– Верите или нет, но в СС это стандартное упражнение. Но для нас он сделал бы это и без каски. Хотите посмотреть, Доктор? Заверяю вас, они послушаются.

– Нет, нет, – торопливо отказался Доктор. – Не стоит, не хочу.

– Медицинский сектор! – сказал Повелитель Войны, и истекающий кровью великан строевым шагом ушёл.

Повелитель Войны снова отвёл их в командный сектор.

– Понимаете, они больше не боятся ни боли, ни смерти.

– Ну, а чего же им смерти-то бояться? – заметил Доктор. – Они ведь уже толком не живые. И что вы собираетесь делать со своей армией зомби?

Повелитель Войны постучал пальцем по карте:

– Мы перепишем историю Земли, Доктор. Вначале мы позаботимся о том, чтобы Гитлер победил в этой войне.

– И каким же образом?

– Адольф Гитлер – гений с изъясном, – сказал Кригслитер. – Человек огромного таланта и огромной слабости. Мы усилили его таланты...

– Усилили его ораторское мастерство? – спросил Доктор.

– Именно так... Как вы догадались?

– Я видел, как вы делали это в Нюрнберге. Психическое усиление, не так ли?

Кригслитер кивнул:

– У него экстраординарные способности вызывать у толпы грубые эмоции. Когда мы этим способностям помогаем – технология довольно простая, как вы знаете – результаты просто поразительны.

– Мы видели, – сказала Эйс.

Кригслитер взял со стола какой-то сложный на вид прибор:

– То, что вы видели, а скорее почувствовали, было влиянием природных талантов Гитлера, усиленных мной. Я сидел рядом, и на мне было вот это – простой псионный усилитель, – он криво усмехнулся. – При необходимости мой плащ скрывает под собой не только уродство.

Повелитель Войны продолжил рассказ:

– А ещё мы исправим катастрофические ошибки в оценках. Франция будет захвачена, как и раньше, но в этот раз после этой победы не будет фатальных задержек. Британия тоже будет быстро захвачена.

– А как же Америка? – спросил Доктор.

– Если Англию завоевать быстро, то Америка примет это. Там и так много сторонников изоляционизма.

– А Россия?

– Договор не будет нарушен. Нападения на Россию пока что не будет. Это была вторая ошибка. Мы сосредоточим свои усилия на континенте. Мы будем продвигаться осторожно, шаг

за шагом: Азия, Африка, Дальний Восток. Спровоцируем войну между Россией и Америкой, чтобы два великана друг друга уничтожили, а мы завоюем то, что останется. Это займёт много времени, Доктор, но мы добьёмся своей цели – Нацистская Земля.

– И даже это лишь первый шаг. Мы повысим скорость развития земной науки: атомное оружие, звездолёты, космический флот. Когда мы будем готовы, мы завоюем галактику! – сказал Кригслитер.

– Нацистская галактика, – сказал Повелитель Войны. – А со временем и нацистская вселенная.

– Вселенная повелителей войны, – сказал Доктор. – С вами у власти. И как вы собираетесь всё это повернуть?

А ему, похоже, действительно интересно, – подумала Эйс. – Может быть, он не притворяется?

Повелитель Войны нахмурился:

– Это ещё не решено. Самым очевидным было бы использовать этого Гитлера. У него выдающиеся способности. Он – ключевой человек всего этого режима. Но он почему-то стал ненадёжным, нам всё сложнее и сложнее его контролировать. Мы боимся, что он не выдержит.

– И это расстроит ваши планы?

– Вовсе нет. Мы просто заменим его Гиммлером, – сказал Кригслитер.

– Он уже и так руководит СС, так что это будет не сложно.

– А Геринг?

– Слишком большой индивидуалист. От него мы избавимся.

– А насколько во всё это посвящён Гиммлер? – спросила Эйс, обводя рукой вокруг. – Промывание мозгов, ваши технологии?

– Почти ни на сколько, – сказал Кригслитер. – Он воспринимает эту башню как своего рода святилище и держится от неё подальше. Он предпочитает считать нашу помощь сверхъестественной, а не научной. Я могу вам ещё кое-что показать, Доктор. Вы разрешите, Повелитель Войны?

Повелитель Войны кивнул им и вернулся к своим экранам с картами.

Кригслитер провёл их через зал к лестнице, которая имела продолжение вниз. Жестом руки он позвал двух солдат сопровождать их.

– Даже и не думайте убежать, Доктор, – сказал он, когда они спускались по ступеням. – Вы находитесь в крепости внутри крепости, тут повсюду охрана. У вас лишь иллюзия свободы, – он остановился возле бронированной двери, ведущей в огромную камеру. – Наша часовня, моя дорогая, – сказал он, неприятно улыбнувшись Эйс. – Это её боковой вход, а главная дверь находится сзади.

Они заглянули за дверь. Огромное помещение, увешанное знамёнами со свастиками. Каменные лавки с высокими спинками, все украшенные резными символами СС, стояли полукруглыми группами вокруг большой каменной плиты алтаря. Позади алтаря висело знамя со свастикой, а по бокам от него – подсвечники с огромными чёрными свечами. На алтаре были вырезаны странные эзотерические руны. Эйс с ужасом

отметила, что его поверхность покрыта тёмными пятнами высохшей крови.

Кригслитер заметил, куда она смотрит.

– Куры, – сказал он. – Одна или две кошки, баран. Завтра будет наша первая попытка, так сказать, настоящего дела. Раз уж война, наконец, началась, мне показалось, что нужно что-то более впечатляющее. Мы собирались воспользоваться одним из молодых эсэсовцев, но вы так вовремя явились...

– Такая уж я везучая, – сказала Эйс.

Он вывел их из часовни, провёл ещё дальше от лестницы, где мрак сменился ярким светом. Открыв стальную дверь, он завёл их в маленькую, ярко освещённую комнату управления. Там были ряды настроечных ручек и переключателей, и стеклянное окно, за которым была гораздо большая площадь, большое подземное помещение, заставленное сверкающими металлическими цистернами, соединёнными друг с другом лестницами и мостками.

Эйс это ничего не говорило, но Доктор, похоже, узнал аппаратуру. Он посмотрел на Кригслитера с искренним шоком на лице:

– Но это же не?..

– Да-да, Доктор, – победным тоном сказал Кригслитер. – Это полностью автоматизированный атомный реактор. Когда настанет время, ракеты Фюрера будут иметь ядерные боеголовки.

Доктор был возмущён:

– Вы уничтожите всю планету!

– Мы их будем использовать только против больших стран,
– заверил его Кригслитер. – Россия, Китай, Америка. Они такие большие, что немного радиации им не повредит. И не забываете, ответного ядерного удара не будет, это, по сути, даже не будет ядерной войной.

– Почему вы в этом так уверены?

– Мы будем единственной страной с атомным оружием.

Он провёл их к двери.

– Что же, Доктор. То, что вы называли экскурсией, подошло к концу. Думаю, вам нужно вернуться в свою комнату и отдохнуть. Вас ждут тяжёлые испытания.

В сопровождении не покидавших их ни на минуту охранников они пошли по лестнице вверх.

Когда они снова были в своей комнате, Доктор сказал:

– Ваши планы насчёт Эйс вы объяснили предельно ясно. А что насчёт меня?

Кригслитер обернулся в двери:

– Я рад, что вы спросили, Доктор. Вначале вы будете присутствовать на завтрашней церемонии, и станете свидетелем смерти человека, которого вы... любите? Во всяком случае, относитесь небезразлично. Затем... Вы помните мои СИДРАТы, Доктор?

– Примитивные машины времени с ограниченным сроком службы?

– Обидное, но точное описание. После церемонии нам понадобится расположение вашей ТАРДИС. Когда она станет

нашей, мы сможем воспроизвести её, чтобы завоёвывать не только пространство, но и время.

– И речи быть не может, – возмущённо сказал Доктор.

– О, вы расскажете, Доктор. Мы разберём ваше сознание на запчасти, как часы. В процессе, правда, одна-две детали могут поломаться... но это не важно.

– Не важно?

– Как только я извлеку из вашего разума тайну ТАРДИС, он мне больше не понадобится. А вот ваше тело...

– Прошу вас, – сказал Доктор, потупив глаза, – не при даме.

– Мы оба – повелители времени, Доктор, наши тела и наши мозги взаимозаменяемы. – Регенерационная терапия далеко за пределами возможностей учёных повелителя времени, но с простой пересадкой мозга справятся даже они.

Кригслитер осмотрел Доктора с отстранённым, медицинским интересом.

– Честно говоря, это не то тело, которое я бы выбрал, но оно намного лучше того, что у меня есть. Когда всё это завершится, Доктор, я буду вами, а вы, или то бормочущее существо, которое останется от вас, станете мной. Так будет правильно, не находите? Искалеченный ум в искалеченном теле...

12. ЦЕРЕМОНИЯ

Когда они остались одни, Эйс задумчиво сказала:

– Доктор, если быть до конца честной, то есть в нашем теперешнем положении пара вещей, которые не вызывают у меня восторга.

– Тебе, по крайней мере, досталась главная женская роль, – заметил Доктор. – Как бы ты отнеслась ко второстепенной роли Квазимодо, Горбуна Рейха?

– Он очень серьёзно настроен с тобой покончить, да, Доктор? Он не только изуродован, а ещё и обижен.

– Знаешь, он раньше был дьявольски красив. Ему противно это изменение, и он думает, что во всём виноват я.

– А на самом деле это не так?

– Ну, я мог внести небольшое недопонимание между ним и его союзниками, повелителями войны. Но сейчас они вроде бы помирились, правда?

Их спокойствие было напускным, они оба это понимали. Эта весёлая болтовня в конце концов всегда заканчивается.

– Доктор, мы отсюда выберемся? Живыми, целыми... и в собственных телах?

– Надеюсь, – грустно сказал Доктор. – Но это станет ясно лишь в последний момент. Понимаешь, на кону стоит гораздо больше, чем наши жизни, и я не могу оставить это дело не завершённым. Возможно, придётся...

– Жертвовать? – спросила Эйс.

Доктор не ответил.

Через какое-то время Эйс сказала:

– Когда этот гадёныш говорил о том, что ты кого-то любишь, или, по крайней мере, заботишься... Это был первый раз, когда он сказал правду.

Эйс зевнула и растянулась на диване.

– Надо немного поспать. Завтра утром мне нужно хорошо выглядеть, – она взглянула на Доктора, в этот раз серьёзно. Немного помолчав, она сказала: – Делай то, что нужно, Профессор. Это самое главное.

Эйс закрыла глаза и заснула.

Доктор сидел в застеленном мехом кресле и сквозь узкое окно глядел на темнеющее небо.

Проснувшись, Доктор обнаружил, что Эйс нет. Снотворное в еде и вине, – подумал он, – или газ под дверь. Он подбежал к двери и начал в неё колотить. В тот же миг дверь открылась. Там стоял Кригслитер, а с ним солдаты СС. На нём был надет чёрный балахон с капюшоном, ещё один такой же висел у него на руке.

– Пора идти, Доктор. Скоро уже рассвет.

– Где Эйс?

– Её готовят. Не волнуйтесь, скоро вы её увидите. Наденьте вот это, Доктор. Официальная одежда для церемонии.

Доктор не шелохнулся. Но он не сопротивлялся, когда эсэсовцы по приказу Кригслитера надевали на него балахон, заправляли его руки в широкие рукава, натягивали на его голову капюшон.

– Надеюсь, вам понравится церемония, – сказал Кригслитер, когда они двинулись вниз по лестнице. – Она, правда, как винегрет. Я сочинил её сам, склеив из самых ярких кусков тевтонской мифологии. Надеюсь, Гиммлер ценит мои старания.

– Гиммлер тоже будет?

– Мой дорогой Доктор, всё это исключительно ради него. Его и нескольких представителей верхушки СС. Лишь бы он только в обморок не упал в последний момент. Он ужасно брезглив, не переносит вид крови...

Главные двери башни были раскрыты.

– Мы собираемся во дворе, – сказал Кригслитер. – Затем колонной входим в главный вход.

Можно было подумать, что он – суевликий профессор на церемонии защиты учёной степени.

Главный двор замка служил фоном для мрачной, зловещей сцены. Вокруг стояли одетые в чёрную униформу штурмовики СС, в руках у них пылали факелы. Их жёсткий свет освещал формирующуюся во дворе зловещую процессию. Было что-то очень неприятное в двойной колонне фигур в чёрных балахонах с чёрными капюшонами, освещённой мерцающим светом. Она напоминала Доктору о старых ужасах, об испанской инквизиции, о культах чёрной магии, появившихся в Европе сотни лет назад. Особенно ужасно было видеть такое, намеренно и цинично восстановленное, в веке, когда всё это должно было быть позабыто. А самое ужасное – они собирались прикончить Эйс, принеся её в жертву своим тёмным богам.

Доктор огляделся в отчаянной попытке найти способ сбежать. Внезапно он увидел во главе процессии знакомую фигуру, которая почти затерялась в складках чёрного балахона. Пока его никто не держал, Доктор нарушил строй и подбежал к голове колонны:

– Герр рейхсфюрер!

Из-под капюшона на него блеснули очки Гиммлера.

– Герр Доктор... Вы всё-таки прибыли!

– Я решил, что вы были правы, что я должен приехать. У меня плохие новости, новости о самом Фюрере.

Кригслитер с удивительной скоростью подошёл к Доктору.

– Отойдите немедленно, Доктор, – сердито сказал он. – Как вы смеееете докучать рейхсфюреру?

Гиммлер поднял руку:

– Дайте Доктору сказать.

Доктор указал на Кригслитера:

– Мне неприятно это говорить, но этому человеку доверять нельзя. Его амбиции значительно превышают ваше воображение. Он планирует устранить Фюрера и заменить его!

– Устранить Фюрера! – возмутился Гиммлер. – Заменить его? Кем?

– Вами, герр рейхсфюрер.

Гиммлер развернулся к поражённому Кригслитеру:

– Это правда?

От неожиданности Кригслитер допустил ошибку:

– Мы могли это обсуждать, как один из вариантов...

– Никогда! – решительно заявил Гиммлер. – Никогда я не пойду ни на какие действия против Фюрера. Я существую лишь для того, чтобы служить ему.

Всем было ясно, что он говорит это серьёзно.

Кригслитер был поражён. Он, естественно, полагал, что Гиммлер был таким же, как и остальные лидеры. Предложи такое Герингу или Геббельсу – они бы с рукой оторвали, – подумал Доктор. Но малыш Генрих был искренне предан Адольфу.

Он бросил взгляд на Кригслитера и мрачно подумал: «Однажды я тебя уже победил, поссорив тебя с твоими союзниками, может быть, и в этот раз получится!»

Кригслитер был сильно поражён, но быстро взял себя в руки.

– Я ошибся. Прошу прощения, герр рейхсфюрер. Я полностью подчиняюсь вашим решениям. Но могу ли я попросить о том, чтобы обсудить это дело *после* Церемонии? Близится рассвет, и если это благоприятное время будет упущено, вся церемония может потерять силу. Если мы хотим призвать для помощи в этой войне Древние Силы...

В глазах Гиммлера появился фанатический блеск:

– Нельзя терять момент. После церемонии мы решим этот вопрос раз и навсегда.

Доктор понял, что шансов отговорить его не было.

– Хорошо, после церемонии, – сказал он и взял Гиммлера под руку. – Пройдёмте, герр рейхсфюрер?

Процессия пошла дальше, с Гиммлером и Доктором во главе. На мгновение оторопев, Кригслитер был вынужден пойти следом.

Они зашли в храм через задний вход, и заняли места на каменных скамьях. Доктор сел рядом с Гиммлером в самом первом ряду. Фигуры в чёрных балахонах расселись, сложив руки на груди, в торжественном молчании. Свет от пылающих факелов в руках штурмовиков СС мерцал на знамёнах со свастиками, на геральдических щитах, и на ужасном, измазанном кровью алтаре.

Привели жертву.

Её одели в просторный белый балахон, руки у неё были связаны. Она смотрела прямо вперёд и двигалась как лунатик. Опоили, – подумал Доктор. Может быть, оно и лучше.

Кригслитер стоял рядом с ней возле алтаря, его искорёженное тело угадывалось даже под складками балахона. Перед ним на алтаре лежали гадкая маска козла и огромный церемониальный нож.

Церемония началась.

Доктор за ней почти не следил. Было много распевов и речитативов, Кригслитер долго бормотал молитвы, адресованные духам Древних Повелителей и странному пантеону тевтонских богов.

Доктор не сводил взгляда с узкой щели в восточной стене часовни. Когда взойдёт солнце, луч света опустится из этой щели и упадёт на алтарь. Это, наверняка, и будет моментом принесения жертвы. Выбирать момент нужно очень точно.

Церемония продолжала идти своим ходом.

Небо в щели на стене постепенно светлело. По команде Кригслитера факелы были потушены. Все стояли в дымном мраке, ожидая рассвет.

Кригслитер подал ещё один сигнал. Две фигуры в балахонах положили Эйс спиной на алтарь, а её голова свисала с края. Кригслитер взял маску и надел её на себя. Он потянулся рукой к ножу.

Доктор вскочил с места.

– Нет! – закричал он.

Гиммлер посмотрел на него.

– Что это значит, герр Доктор?

– Я хочу доказать свою преданность Рейху, – эмоционально сказал Доктор. – Там, на алтаре, лежит моя племянница, мой самый любимый человек во всём мире. Для доктора Кригслитера она ничто. Но если её принесу в жертву я, это будет настоящая жертва. Разве не вы, герр рейхсфюрер, говорили, что мы должны положить на алтарь Рейха всё, что нам дорого?

Гиммлер был глубоко тронут:

– Вы очень благородны, герр Доктор. Выполняйте жертвоприношение!

Когда Доктор зашёл за алтарь, Кригслитер не стал возражать. Он заговорил, его голос заглушала маска:

– Вы действительно зайдёте так далеко, Доктор, чтобы спасти свою шкуру?

– Проверьте.

– Это вам всё равно не поможет. Вас теперь даже Гиммлер не спасёт. Тем не менее, действуйте. Это замечательная идея, жаль, что я сам до неё не додумался, – он вручил Доктору нож.

– Если вы сами не догадались, это нужно делать, отрезая голову. И постарайтесь сделать это одним ударом, Доктор. Ничто так не портит церемонию, как неуклюжие попытки дорубить до конца.

Доктор взял нож и посмотрел вниз. Глаза Эйс смотрели на него, её волосы свешивались вниз, как занавес. Неожиданно она улыбнулась.

Луч света упал на алтарь. Нож в руках Доктора, блеснув, опустился.

13. ВОЕННЫЕ ИГРЫ

В Канцелярии Гитлера был полумрак. Фюрер, в сопровождении верного Бормана, неожиданно вернулся посреди ночи из Польши, и в бесконечных коридорах горело лишь несколько ламп. В кабинете Гитлера горела только одна настольная лампа. Фюрер сидел, изучая документы и подписывая приказы, а вокруг него кружились тени.

Рядом с ним стоял верный Борман и с беспокойством смотрел на своего лидера. Гитлер не казался больным, отнюдь. И в этом-то и была проблема. Он был чересчур здоровым. Насколько было известно Борману, Адольф Гитлер не спал и почти не ел за всё время с их внезапного отъезда в Польшу и до их ещё более внезапного возвращения в Берлин. Он руководил ранними стадиями польской кампании с невероятной энергией, а теперь вернулся в Канцелярию, чтобы заняться другими странами.

Гитлер вручил Борману последний документ и нетерпеливо спросил:

– Это всё?

– Есть ещё одно дело, мой Фюрер, довольно странное и тревожное.

– Рассказывайте.

Борман открыл папку и вынул официальное письмо на бланке Вермахта.

– Это жалоба дежурного офицера с Бендлерштрассе, – Борман запнулся, боясь продолжать. – Она касается рейхсмаршала Геринга.

– И?

– Тут сказано, что герр рейхсмаршал неожиданно прибыл к ним и потребовал немедленного снаряжения боевой колонны, на основании одного лишь его приказа. Как только колонна была снаряжена, рейхсмаршал взял на себя командование ею и покинул Берлин.

– И куда он направился?

Борман тяжело сглотнул:

– Как оказалось, он направился в Драхенсберг, один из замков, приобретённых рейхсфюрером Гиммлером для нужд СС. Доктор Кригслитер и его персонал используют этот замок для своих исследований.

Борман никогда не доверял Кригслитеру. Ему не нравилось его влияние ни на Гиммлера, ни на самого Фюрера. Его возмущали огромные неподотчётные суммы, которые регулярно переходили в распоряжение Кригслитера из фондов СС. Кроме того, как типичного представителя буржуазии, его возмущали зловещие слухи о чудовищных экспериментах в Драхенсберге.

Гитлер нахмурился:

– Драхенсберг... Я знаю об этом месте, хотя никогда там не был. Так значит, наш рейхсмаршал планирует навестить Драхенсберг?

– Более того, мой Фюрер. Как я понял, он планирует его атаковать.

Пассажирское сидение бронированного автомобиля, в котором сидел Герман Геринг, было для него слишком мало. Он приподнялся, высунувшись по плечи из люка.

Он всматривался вперёд, в тёмную сельскую дорогу, освещённую лишь фарами броневика. Обернувшись, он посмотрел на огни колонны броневиков, ехавшей следом. Он посмотрел на восток, где на ночном небе уже появлялись бледные полосы. Наконец он снова сел и повернулся к водителю:

– Долго ещё?

Водитель, старый ветеран Вермахта, пожал плечами:

– Уже почти приехали, герр рейхсмаршал. Но на этих просёлочных дорогах, в темноте, на такой скорости разве разберёшь? Может быть, мы совсем заблудились.

– Надеюсь, что это не так, – угрюмо сказал Герман Геринг.

– Если мы не прибудем до рассвета, будет слишком поздно...

Нож, сверкнув, опустился и разрезал путы на руках Эйс.

Одновременно с этим другая рука Доктора взметнулась вверх, швыряя в потолок последнюю, конфискованную у Эйс капсулу нитро-9.

Взрыв сотряс замкнутое пространство, большая часть потолка обрушилась вниз, засыпая фигуры в чёрных балахонах пылью и обломками.

Доктор повесил Эйс себе на плечо и бросился в боковую дверь, а затем вверх по лестнице. Поднявшись совсем немного, он вдруг заметил, что Эйс дёргается и пытается вырваться. Он поставил её, взял за руку, и потащил вверх по лестнице.

– Я думал, что ты под наркотиками.

– Я притворялась, что оцепенела от страха. Нет, если честно, то я действительно оцепенела от страха. В том смысле, что решать всё в последнюю минуту...

Перед ними возник эсэсовец и навёл на них пистолет-пулемёт. Доктор бросился на него, как тигр, вырвал оружие, и прикладом ударил солдата в челюсть.

– Вот тебе и супермены, – сказала Эйс, когда великан упал.

– Дай оружие мне!

– Почему?

– Потому что ты слишком щепетильный.

Сняв пистолет-пулемёт с предохранителя, Эйс выстрелила очередью вниз по ступеням, на случай погони.

– Куда, Профессор?

– Вверх. На самый верх.

На пути вверх они встретили только одного солдата, и Эйс застрелила его без раздумий.

– Надеюсь, тебе это не доставляет удовольствие, – крикнул Доктор.

– Просто даю сдачи, Профессор!

Наконец они оказались на самом верху лестницы и вылезли через люк на крышу. Доктор закрыл люк на засов.

– Это всё равно их надолго не задержит, – скептически заметила Эйс.

Доктор стал у парапета и посмотрел в сторону ворот.

– Скоро у них появятся более важные дела. Иди, посмотри.

Эйс тоже подошла к парапету. К замку вела длинная прямая дорога, а по ней к ним медленно двигался столб пыли.

– Что это? – спросила Эйс. – И кто это?

– «Что» – военная колонна. А «кто», если я не сильно ошибаюсь, наш старый друг Герман Геринг, исполняющий роль – сегодня и больше никогда – американской кавалерии.

– Как же ты его убедил пойти на такое?

– Я позвонил ему перед тем, как отправляться сюда. Я сказал ему, что Драхенсберг – рассадник изменников, и что Гиммлер и СС планируют избавиться от него.

– И он тебе поверил?

– А почему нет? Он бы с Гиммлером именно так и поступил бы, будь у него такая возможность. А ещё я ему сказал, что если он приведёт сюда вооружённые силы, то я предъявлю ему неопровержимые доказательства.

– А они у тебя есть?

– Придумаю что-нибудь, – весело сказал Доктор.

Колонна быстро приближалась к главным воротам. Она состояла из бронированных машин, на некоторых из них были орудия, на всех ехали солдаты в серой форме. Из люка первого броневика высунулась дородная фигура в голубой униформе.

– А вот и он, – сказал Доктор. – Сам Железный Толстяк! Хотя в этот момент он, наверное, мнит себя Роммелем.

Геринг яростно ругался с часовыми замка, стоявшими у ворот.

– Что происходит?

Двор под ними наполнился людьми в чёрных униформах и чёрных балахонах, ответ на этот вопрос интересовал их всех.

– В данном случае, слишком много чешут языком и слишком мало стреляют, – сказал Доктор. – Подай мне, пожалуйста, снаряд из вон того ящика, Эйс.

Зенитное орудие было достаточно простым механизмом, чтобы Доктор быстро разобрался, как оно работает.

– Значит, снаряд ложится вот сюда, а вот этим рычагом стреляют...

Раздался взрыв, орудие дёрнулось, и снаряд пролетел над колонной броневигов и взорвался неподалёку.

– Мимо пошло, – сказал Доктор. – Но для нужного эффекта, похоже, достаточно.

Солдаты рассредоточились, заняли оборонительные позиции и начали вести ответный (как им казалось) огонь по врагу. Часовые эсэсовцы, естественно, тоже начали стрелять в ответ, и скоро разгорелся яростный бой.

Доктор критическим взглядом смотрел на всё это.

– Что-то Железный Толстяк плохо справляется. У него не получается зайти в ворота.

– Может быть, тебе нужно было послать вместо него Роммеля?

– Давай ему немного поможем, – Доктор начал возиться с рычагами, опуская ствол орудия. – Ага, вот так лучше, – он

взглянул вдоль ствола. – Снаряд, пожалуйста, Эйс. Заряжай!.. Огонь!

Половина ворот замка исчезла, разнесённая изнутри.

– Быстро, ещё один, – сказал Доктор. – Пока они не разобрались, откуда стрельба.

Второй снаряд разнёс вторую половину ворот, и мотоколонна заехала в эту брешь, стреляя из всех пулемётов. Всё смешалось, чёрные мундиры против серых, ожесточённый бой шёл по всему двору замка. Доктор и Эйс наблюдали за боем сверху, словно зрители военного спектакля. Вот только те, кто в этом спектакле падал, больше уже не вставали. Подготовленные повелителями войны бойцы СС сражались с фанатической энергией, не жалея жизни. Но серые мундиры регулярной армии тоже были не новички, и очень скоро чёрных мундиров на земле стало больше, чем серых.

– Эти эсэсовские зомби повелителей войны не очень-то хороши, – сказал Доктор. – Они такие бесстрашные, что их легко убить. Хороший солдат не умирает за родину, а делает так, чтобы за родину умирал враг.

– Ты же вроде не одобрял насилие, Профессор?

– Обычно не одобряю. Может быть, я тоже даю сдачи. А может, я поддался плохому влиянию. Кажется, пора уходить.

– Как? – спросила Эйс. – Если ты не заметил, мы находимся на крыше башни, окружённой нацистскими фанатиками, увлечённо стреляющими друг в друга. Уверена, что им будет очень интересно пострелять для разнообразия в нас.

– Вообще-то, у меня для тебя небольшой сюрприз. Совсем немного, и... Стоп, а это что ещё такое?

К замку, планируя вниз, приближался лёгкий самолёт. Он приземлился на широкую дорогу возле ворот, и из него вышел человек в коричневой униформе. Он вошёл сквозь ворота во двор, и везде, где он проходил, солдаты прекращали бой и становились смирно, отдавая ему салют.

Внезапно бой прекратился.

Эйс сказала:

– Но это же не...

– Боюсь, что да, – сказал Доктор. – Не нравится мне это, Эйс. Пойдём.

Они сбегали вниз по лестнице в пустую башню, а затем во двор. Двор был усыпан телами мёртвых, в центре стояли Геринг с Гиммлером и о чём-то яростно спорили, а на них удивлённо смотрел третий – тот, кто прибыл на самолёте. Он повернулся к спешащим, обходя трупы, Доктору и Эйс.

– А, вот идёт герр Доктор. Он нам поведаёт правду.

Доктор смотрел на него удивлённо и почти испуганно. Новоприбывший выглядел аккуратно, держался уверенно, он просто излучал власть и харизму.

– Ну, так что, Доктор? – спросил Адольф Гитлер.

Доктор кашлянул.

– Всё чрезвычайно просто. Рейхсфюрер Гиммлер, пытаюсь добыть для Рейха ценные знания, поощрял некоего доктора Кригслитера и организацию под названием «Чёрный Ковен».

– Это я знаю, – сказал Гитлер. – Доктор Кригслитер предоставил мне очень ценную помощь, много советовал.

– Да, это для начала, – сказал Доктор. – К сожалению (и это было изменой) у этих людей были свои амбиции. За спиной у рейхсфюрера они планировали отстранить вас от власти под предлогом того, что вы больше не способны занимать свой пост.

Гитлер рассмеялся:

– Я? Не способен? Поверьте, Доктор, я никогда раньше не чувствовал себя настолько способным.

– Я узнал об этом заговоре, и поставил в известность рейхсфюрера Гиммлера, – сказал Доктор. – Он, естественно, тут же отрёкся от этих людей. Помните, герр рейхсфюрер, мы обсуждали этот вопрос ранее, до захода в храм, не так ли?

– Да, верно, герр Доктор, – с благодарностью сказал Гиммлер. – Вы всё правильно изложили, – он повернулся к Гитлеру: – Всё было в точности так, как сказал Доктор.

– Я никогда не сомневался в вашей преданности, мой верный Генрих, – сказал Фюрер. Он повернулся к Герингу: – Но вот чего я не могу понять, так это присутствие моего рейхсмаршала, под командованием которого подразделение регулярной армии сражается с СС.

Геринг покраснел и начал оправдываться:

– Доктор сказал... он сообщил мне...

– Позвольте мне объяснить, – сказал Доктор. – Я из предосторожности сообщил рейхсмаршалу о том, что в Драхенсберге заговор. В праведном гневе он взял на себя

командование колонной, и тут же атаковал замок. Члены СС, которых «Чёрный Ковен» загипнотизировал и промыл им мозги, оказали ему сопротивление. Но благодаря героическим усилиям войск рейхсмаршала, предатели были побеждены.

– Совершенно верно, Доктор, – сухо сказал Геринг. – Позволю заметить, вы очень правильно всё изложили.

– А где этот Кригслитер? – спросил Гитлер.

– Погиб во время боя, вместе со своими совращёнными членами СС, – сказал Доктор.

– Отлично, – сказал Фюрер. Затем он повернулся к своим главным приспешникам: – Генрих, Герман, вы оба вернётесь со мной в Берлин на самолёте. Польская кампания была блистательным успехом. Я расскажу о своих планах относительно Франции и Англии.

Снова вынужденные стать союзниками, Гиммлер и Геринг отдали салют и ушли вдвоём, всё ещё, по мнению Эйс, поразительно похожие на нацистских Лорела и Харди.

Гитлер повернулся к Доктору и тепло пожал его руку.

– Я очень вам благодарен, Доктор, – он понизил голос. – Сила, которая меня посещает, теперь служит мне. И это вы меня научили управлять ею.

– Я? – удивлённо спросил Доктор.

– В Канцелярии, когда британцы прислали мне ультиматум. Вы научили меня подчинять её моей воле. Прошлой ночью, в Польше, она снова явилась, и я её приручил. Теперь мой ум ясен, моя воля всегда сильна. Я выиграю эту войну, я завоюю

мир... А затем, как она мне сказала, можно будет завоевать и другие миры.

Доктор был в ужасе. Вначале была Времяточец, а теперь – супер-Гитлер. И всё по его вине.

– До свидания, Доктор, – сказал Гитлер. – Когда мы встретимся в Берлине, я награжу вас за ваши заслуги.

Он развернулся и ушёл.

Доктор и Эйс остались одни посреди заваленного трупами двора. У Доктора на лице был шок.

– О, нет, – бормотал он. – Что же я наделал?

– Что ты наделал, Профессор?

– Ты разве не понимаешь? Я научил его контролировать Времяточца. Она обеспечит его знаниями и энергией, достаточными для уничтожения всего мира.

– Вас не *это* должно беспокоить, Доктор, – сказал неприятный голос. – Для вас всё закончится *сейчас*.

Из грязи понималась чёрная фигура. Это был Кригслитер. Его балахон был весь в крови. Весь двор замка был усеян эсэсовцами, которым Кригслитер промывал мозги. Они были мертвы.

Но на глазах у Эйс и Доктора трупы начали судорожно подниматься на ноги.

14. МЁРТВАЯ ДИСЦИПЛИНА

– В старой прусской армии было такое выражение, – прохрипел Кригслитер, тяжело опираясь на палку. – «Мёртвая дисциплина». Такая дисциплина, когда даже трупы становятся по стойке смирно. Как видите, Доктор, я её добился.

Доктор осмотрел полукруг солдат – мёртвых солдат. Их голубые глаза стали ещё более пустыми, а на окровавленных, изрешечённых пулями телах были ужасные раны. Но они всё равно стояли, ходили, и выполняли приказы.

Мёртвая дисциплина.

– Это элита моей элиты, – сказал Кригслитер. – Полная ментальная связь. Их поддерживает моя сила воли. Пока я жив, они не смогут умереть.

Он перевернул ногой один из трупов. В небо устремились мёртвые глаза Повелителя Войны. Кригслитер посмотрел на другие трупы, которые не встали.

– Все остальные мертвы. Вы снова явились и всё испортили, Доктор. Скоро умру и я. Но не раньше, чем увижу, как вас и вашу спутницу разорвут на части.

Маленькая армия трупов, шатаясь, двинулась к ним.

– Быстро, Эйс, в башню! – закричал Доктор.

Они пробежали через двор и забежали в замок. Эйс помогла Доктору закрыть большую дверь и задвинуть засов.

– Жди меня тут, – крикнул Доктор. – И удержи их, как угодно!

– Как? – крикнула Эйс. – Стрелять в них бесполезно, они уже мёртвые!

– Попробуй гранатами, – крикнул Доктор и убежал вниз по лестнице.

Эйс вспомнила демонстрацию с гранатой на каске. Она побежала к оружейному сектору, нашла ящик с гранатами, и потащила его по полу ближе к лестнице. Она увидела, что от нижней части дверей поднимается струйка дыма. Струйка поднялась вверх, сместилась в сторону, и снова опустилась, описав в большой двери дверь поменьше. Лазерная трость Кригслитера.

Когда контур двери был завершён, её вышибли, и она упала вовнутрь. В образовавшейся дыре появился чёрный силуэт, и Эйс метнула первую гранату. Взрывом унесло чёрный силуэт, но его место тот час же занял другой.

Ещё один силуэт, ещё одна граната, ещё один взрыв.

Эйс сбилась со счёта, сколько раз это повторялось. Вскоре в ящике осталось совсем мало гранат. Она замешкалась, выдёргивая очередную чеку, и один из чёрных силуэтов смог зайти. Взрывом его разнесло на дёргающиеся куски, но зашёл ещё один силуэт, а затем ещё. Когда они бросились в её сторону, Эйс схватила оставшиеся гранаты и отступила к лестнице. Ей казалось, что она этого не переживёт, если хоть один из них к ней прикоснётся.

Они уже все были внутри, включая Кригслитера. Он поднял трость, Эйс швырнула последнюю гранату, и вдруг кто-то схватил её за руку.

Это был Доктор.

– Быстрее, навверх! – крикнул он.

Эйс бросилась за ним вверх по лестнице, стараясь не думать о шаркающих шагах позади неё. Вдруг она ощутила, что всё здание дрожит.

– Что происходит, Профессор?

– У них в подвале атомный реактор. Нельзя такое оставлять в конце тридцатых. Слишком несвоевременно.

– И что же ты сделал?

Словно в ответ на её вопрос, вся башня начала дрожать.

– Устроил ему перегрузку, – закричал Доктор.

– Сколько у нас времени?

Доктор распахнул люк на крышу.

– Ну, точно сказать не могу, это очень примитивное устройство. Судя по звукам, которые оно издаёт, уже не долго!

Он вытащил Эйс на крышу. Внезапно она осознала весь ужас ситуации.

– Постой, Профессор! Толпа зомби загоняет нас на вершину башни, а ты решил взорвать эту башню атомной бомбой?

– Точно. Довольно радикальное решение проблемы. А что тебе не нравится?

Башня, казалось, уже раскачивалась. В парашюте появилась трещина, и от него отвалился кусок.

– Профессор! – закричала Эйс. – Мы стоим на крыше башни. Той самой, которую ты взрываешь!

– Мы тут ненадолго, – сказал Доктор.

Он вынул из кармана похожее на брелок устройство и нажал кнопку. Ничего не произошло. Доктор заволновался. По каменной крыше башни прошла огромная трещина, от парапета отвалилось ещё несколько кусков. Воздух сотряс низкий гул, и вся башня начала раскачиваться, словно мачта корабля на ветру.

– Ну, Профессор? – кричала Эйс.

Доктор сосредоточенно нахмурился. Он потряс брелок. Затем вложил в рот два пальца и пронзительно свистнул. В воздухе материализовалась ТАРДИС, висая примерно на метр выше крыши.

– Чёрт! – сказал Доктор. – Всегда хоть немного, но ошибусь... – вынув свой ключ, он сказал: – Подсади меня, Эйс!

Эйс присела, Доктор стал ей на плечи, и она начала медленно вставать. Когда Доктор дотянулся до замка, крыша у неё под ногами дёрнулась.

Эйс пошатнулась, и Доктор упал на висящую в воздухе ТАРДИС.

– Спокойно, девочка! – крикнул он.

Эйс старалась изо всех сил, но она стояла словно на батуте. Доктору всё-таки удалось вставить ключ в замок, открыть дверь, и залезть вовнутрь. Став в дверях на колени, он свесился наружу, протянув руку Эйс. Она не могла до неё дотянуться.

– Я не смогу, Профессор! – крикнула она. Отправляйся без меня!

– Прыгай! – крикнул Доктор. – Хватай меня за руку!

– Говорю же, я не могу...

Внезапно люк в крыше распахнулся. Из него вылез Кригслитер, а за ним солдаты-зомби. Эйс подпрыгнула в воздух, как перепуганная кенгуру. Доктор схватил её за руку и с поразительной силой потащил её в дверь.

– Закрывай дверь! – крикнул Доктор, когда она была внутри.

Повернувшись к двери, Эйс мельком увидела, что из люка на крышу вылезает Кригслитер. Должно быть, дрожь башни вызвала детонацию обычных боеприпасов. Из люка вырвался огромный язык пламени, окутавший Главнокомандующего. В этом бушующем пламени Эйс на секунду различила молодого человека: высокого, темноволосого, дьявольски красивого. Он тянулся вверх, к ней...

Дверь закрылась, ТАРДИС дематериализовалась, и они улетели.

Башня Драхенсберга исчезла в ревущем столбе огня. Когда пламя угасло, над этим местом несколько дней висела туча. Оставшиеся там после катастрофы люди заболели и умерли. В конце концов, местные жители решили, что это место проклято, и все оттуда уехали. Драхенсберг превратился в заброшенные развалины посреди ненаселённой местности.

15. ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Доктор рылся в одном из шкафов внутри ТАРДИС. Он вынул оттуда древний фонарь, старый атлас, и огромную книгу.

– Есть один шанс, – бормотал он. – Всего один...

Эйс осмотрела свой изодранный балахон, в котором её собирались приносить в жертву.

– Не рассказывай мне ничего, пока я не помоюсь и не переоденусь, ладно?

Вернувшись в отсек управления, она увидела, что Доктор снял с консоли ТАРДИС небольшую панель. Он вынул небольшую часть оборудования ТАРДИС и с чрезвычайной осторожностью размещал её внутри старого фонаря.

Снова надев свою привычную уличную одежду – джинсы, ботинки, футболку, и куртку – Эйс чувствовала себя самой собой.

– Ладно, Профессор. Можешь начать с рассказа о том, как это ТАРДИС явилась на твой свист.

– Свист был чисто символический, – сказал Доктор. – Он позволил мне сосредоточиться и послать мощный мысленный импульс в телепатические контуры ТАРДИС.

– Так значит, мы могли смотаться из этого жуткого места в любой момент?

– Ну, не совсем. Большую часть времени мы были под охраной и под наблюдением, и я бы не решился рискнуть тем, что повелители войны заполучат ТАРДИС.

– Но мы могли сбежать намного раньше? К примеру, когда мы поднялись на башню в первый раз?

– Я не хотел улетать до того, как всё улажено. Как оказалось, я сделал худшее, что только можно было.

– Разве мы не победили?

– Пиррова победа, – горько сказал Доктор.

– Объясни.

– Мы обнаружили два разных вмешательства во время, забыла? Повелители войны и Времяточец. Я разобрался с Кригслитером, Повелителем Войны, и их эсэсовскими зомби...

Эйс кивнула:

– Довольно тщательно, я бы сказала.

– Да, но они никогда не были главной проблемой.

Эйс вздрогнула, вспомнив Кригслитера, стоявшего над ней, уложенной на алтарь, и мёртвых эсэсовцев, встающих во дворе замка.

– Как не были?

– Просто шайка недоучек, мнивших себя суперменами, – сказал Доктор. – Их второй план был не намного лучше первого. Эти эсэсовские зомби в бою оказались довольно бестолковыми – ни чувства самосохранения, ни инициативы. Их атомный реактор был жуткой кустарщиной, со временем он, наверное, сам бы взорвался. Они на самом деле не понимали что делают, особенно когда дело касалось Гитлера.

– Из-за Времяточца?

– Именно! Времяточец искала кого-то, от чьего имени она могла бы манипулировать человеческой историей. Она выбрала

Гитлера, частично из-за его способности завести толпу, а частично из-за того, что он жил во взрывоопасную эпоху. Но сознание Гитлера обладало силой безумия, и Времяточец оказалась запертой в нём. Она усиливала способности Гитлера нерегулярно, просто своим присутствием в нём, но она не могла им как следует управлять, а он не мог управлять ею.

— И тогда появились повелители войны?

Доктор кивнул:

— Как и Времяточец, они искали человека-марионетку, и усиленный Времяточцем Гитлер показался им тем, что надо. Они видели, что у Гитлера есть необычные психические силы, огромные всплески энергии. Но они не разобрались, откуда эта энергия берётся. Они просто стабилизировали его, по мере возможностей, и усиливали его способности посредством довольно грубого психического усиления. Это всё равно, что пинать ногой часовую бомбу, чтобы она не переставала тикать.

— Но ты разобрался с Гитлером?

— О да, я чудесно поработал. Чтобы история не изменилась, я попытался научить Гитлера справляться с Времяточцем. Я перестарался, и получилось, что я научил его контролировать её. Я забыл, что у таких одержимых властью как Гитлер огромная сила воли.

Эйс начинала понимать.

— Значит, Гитлер стал просто суперменом?

Доктор мрачно кивнул:

– Это полная катастрофа! Благодаря мне он обладает силой, магнетизмом, он уверен в себе, и он не совершит глупых ошибок. Он может оставаться у власти вечно.

– Похоже, ты создал победителя, Доктор. И что мы можем сделать?

– Осталась всего одна возможность, – сказал Доктор. – Если я смогу вмешаться ещё один раз, в определённом месте и в правильное время...

– Когда и где?

Доктор сверился с книгой. Эйс заглянула в книгу через его плечо, и прочла название: «Вторая Мировая война: день за днём».

– Мы отправимся место, называемое «Фельсеннест», – сказал Доктор. В одну из ночей в мае 1940 года.

Эйс посчитала на пальцах:

– Это что, через девять месяцев после нашего отлёта? Ты можешь точно попасть на таких малых промежутках?

– Я должен, – сказал Доктор. – Я должен попасть.

Он закончил возиться с фонарём, и закрыл его.

Эйс с любопытством смотрела на фонарь.

– А причём тут эта штука?

– С его помощью, – сказал Доктор, – я освещу тёмные глубины сознания Гитлера, чтобы найти в них Времяточца.

ЧАСТЬ 4.
1940 год, КРИЗИС

В первые недели войны Адольф Гитлер продемонстрировал невероятную решительность. Не чувствуя усталости, демонстрируя очень низкую потребность в еде и сне, он дал старт успешному завоеванию Польши, а вскоре после этого подготовил и воплотил в жизнь «Блицкриг» – молниеносное завоевание Европы.

Вслед за бронетанковыми колоннами, его армии хлынули в Европу потоком, который, казалось, было невозможно остановить...

Генерал Г. Поппельвелл,
«Воспоминания о Второй
Мировой войне».
Лондон, 1946 год.

1. ИСХОД ЗЛА

«Фелсеннест», «гнездо на скале», был недалеко от Аахена, древней столицы Карла Великого. Это был командный пункт Адольфа Гитлера в начале Второй Мировой войны.

Командный бункер при помощи динамита пробили в монолитной скальной породе, высоко на заросшей лесом вершине, недалеко от деревни Родерт. Это было труднодоступное место, окружённое колючей проволокой и бетонными ДОТаами.

Была уже ночь, и Адольф Гитлер уже отпустил свой персонал. Он стоял один, одетый в китель – свой «солдатский мундир», и смотрел вдаль, поверх гор и лесов, думая о тех странах, которые принадлежали или скоро будут принадлежать ему. Голландия, Бельгия, Франция и – скоро – Англия.

Он ни капли не удивился, когда в темноте увидел Доктора и Эйс, поднимавшихся вверх по горе. Он словно ждал их. Он открыл дверь и крикнул недоверчивому часовому пропустить их.

Когда они зашли, Гитлер весело кивнул на светящийся фонарь в руках Доктора.

– Вы, как обычно, несёте мне свет, герр Доктор?

– Надеюсь, что да, – серьёзным голосом ответил Доктор. – Как идёт война?

Доктор был угрюм, а Адольф Гитлер просто светился жизнерадостностью и уверенностью.

– Очень хорошо, герр Доктор, очень хорошо, – он подвёл их к настенной карте и взял указку. – Польша наша, разумеется. Голландия и Бельгия были захвачены, а во Франции мои армии окружили врага и дошли до Аббевиля, вот здесь. Булонь и Кале уже взяты, танковая дивизия генерала Гудериана вот-вот отрежет единственный оставшийся порт, какой-то небольшой городок под названием... – он присмотрелся к карте, – Дюнкерк.

Доктор облегчённо вздохнул, и прошептал благодарственную молитву ТАРДИС.

– Поразительные достижения, – искренне сказал Доктор. – И всё благодаря вам, и только вам.

– Мне и той силе, что находится во мне, Доктор. Силе, которую вы научили меня контролировать.

– Вы слишком скромны, – сказал Доктор. – Заслуга ваша, и только ваша. Эта так называемая сила – ничто по сравнению с величием вашего гения.

Уж если льстить, так льстить, – подумала Эйс. Что он задумал?

Гитлер напрягся, в его глазах появилось беспокойство.

– Нет, нет, Доктор. Сила, живущая во мне, сыграла важную роль.

– Да разве же это сила? – презрительно сказал Доктор. – Просто призрак, который бродит по вселенной и ищет на ком бы прокатиться. Я её знаю. Она себя Времяточец называет. Она действительно похожа на червяка: заползла в грязь этой планеты, чтобы никто её не нашёл. Она – ничто.

Он поднял фонарь, чтобы посветить на лицо Гитлера. Гитлер словно окаменел. Его глаза ярко горели серебристым светом.

– Ничто, Доктор? У тебя хватает наглости говорить, что я – ничто?!

Это не был голос Гитлера. Это был голос Времяточца.

– Ничто, и даже меньше, чем ничто, – сказал Доктор. – Но ты, тем не менее, нашла свой уровень, всплыла наверх, как и свойственно такому космическому дерьму, как ты.

Глаза засияли ещё ярче. Всё тело Гитлера начало светиться.

– Но кем ты в конечном итоге стала? – риторически спросил Доктор. – Приручённым знахарем при жалком человеческом военачальнике, помогающим ему править этой жалкой планетой.

Тело Адольфа Гитлера начало светиться ещё ярче, начало изменяться. Оно превратилось в столб света, а из столба возникла металлическая женская фигура. Ростом она была не меньше двух метров, с классическими красивыми чертами лица, и наводила ужас. Это была Времяточец, во всей её зловещей красоте. Эйс вздрогнула, вспомнив, как холодные, как лёд, металлические пальцы сжимали её сердце.

Времяточец же её даже не заметила.

– Слуга?! – завизжала она. – Я сделала этого политика пивнушек, этого крикуна на улицах человеком, который может править страной! А теперь, если я захочу, я дам ему весь мир, галактику! Я буду править его руками! Править и разрушать!

– Ты жалкий космический полтергейст! – презрительно сказал Доктор. – Давай, разбей несколько чашек, похлопай дверями, попугай старушек среди ночи. Ты не сила, а мелкое недоразумение. Скучно иметь с тобой дело.

Времяточец зашипела от ярости.

Доктор поднял свой фонарь ближе к высокой серебристой фигуре.

– Ты заперта в сознании безумца, и ты знаешь это. Скоро ты его истощишь. Когда он постареет, и в конце концов умрёт, ты тоже зачахнешь.

Сделав паузу, он с нарочитым безразличием сказал:

– Вот если бы ты жила в сознании повелителя времени...

– Ты предлагаешь мне союз, Доктор?

– Я предлагаю тебе честный поединок, здесь, на твоей территории, не в ТАРДИС. Я могу освободить тебя от сознания этого человека.

– А потом?

– Моё сознание – твоё, если ты сможешь им завладеть.

– Хорошо, Доктор. Я принимаю твой вызов.

Держа фонарь высоко, Доктор пристально посмотрел в горящие глаза Времяточца.

– Тогда выходи из своей норы и сражайся, Времяточец!

Наступила долгая, долгая пауза. Воздух пульсировал психической энергией.

Вдруг, Времяточец триумфально завизжала:

– Я свободна!

Она шагнула к ним, а тело Адольфа Гитлера, обмякнув, рухнуло позади неё на пол.

– Так ты осмелился бросить мне вызов, Доктор? Да ты хоть знаешь, кто я такая, человечихко? Я Времяточец. Я неуязвима! Я проглочу твоё сознание, захвачу твою ТАРДИС, и тогда я стану высшей силой во вселенной!

Приближаясь к Доктору, Времяточец росла, и росла, пока не заполнила собой всю комнату.

Доктор нажал на кнопку в основании фонаря, и тот засиял ярко, как звезда. Когда Времяточец бросилась на него, он ткнул фонарём в её лицо. Она сердито хлестнула своим хвостом, ударив по сияющей сфере... взорвалась вспышкой света и с ужасным воем исчезла.

Вдруг стало очень тихо.

На полу, всхлипывая, лежал Гитлер. Доктор помог ему встать и сесть.

– Сила меня покинула, Доктор, – прошептал Гитлер. – Что мне теперь делать? Скажите мне.

Доктор склонился над ним, посмотрел в его перепуганные глаза, и спокойным, оптимистическим голосом сказал:

– Вы должны отпустить Британскую Армию! Хотя у вас с ними и война, вы их уважаете, вы восторгаетесь их Империей. Отпустите их армию домой, отложите свой план их завоевания, и они, рано или поздно, заключат с вами мир. Они станут вашими союзниками против большевистских орд, вашего настоящего врага.

– Да, да, вы правы, – лихорадочно сказал Гитлер.

Доктор протянул ему трубку телефона:

– Вы Фюрер. Отдайте приказ.

Гитлер взял трубку, и постарался вернуть голосу былой властный тон.

– Говорит Фюрер. Немедленно передайте сообщение генералу Гудериану. Наступление на Дюнкерк нужно прекратить. Немедленно.

– Да, именно так, – сказал Доктор. – Запомните: не наступать на Дюнкерк, отложить вторжение в Англию. Пойдём, Эйс, нам пора.

Гитлер посмотрел на него с тревогой:

– Вы уходите, Доктор? А что же будет со мной?

Доктор на секунду задержался в дверях.

– Вы осуществите свою судьбу.

Доктор и Эйс исчезли в ночи.

Фюрер ужасно нервничает. Его, похоже, пугает собственный успех, он не хочет рисковать. Он постоянно нас сдерживает. Этот приказ остановиться перед Дюнкерком – полное безумие.

Тайный дневник генерала Роммеля.

В Дюнкерке длинные колонны усталых солдат направлялись к морю, где их ждали небольшие катера, которые должны были перевезти их с берега на эсминцы.

«Штуки»³ с воем пикировали, бомбардируя и людей, и корабли, но завершившие окружение нацистские армии не наступали.

За семь дней было эвакуировано более трёхсот тысяч человек. Мы, британцы, сказали, что это чудо, а дома, в Англии, это воспевали как победу.

Но, как нам сразу напомнил Уинстон Черчилль, эвакуациями войны не выигрываются. Предстояло сделать очень много, и наша война только начиналась. Но по крайней мере мы выжили, и теперь могли продолжать сражаться.

*«Воспоминания о Второй Мировой войне»
Генерал Поппльвелл.*

³ Пикирующий бомбардировщик Юнкерс-87.

2. ГОРЬКАЯ ПОБЕДА

– Ладно, Профессор, выкладывай, – сказала Эйс.

Они смогли благополучно вернуться на ненадёжный горный выступ, на котором приземлилась их ТАРДИС. Сейчас они снова были в отсеке управления, а ТАРДИС снова была в полёте.

Доктор пребывал в мрачном настроении духа.

– Выкладывать? Ты о чём?

– Для начала, о волшебном фонаре. Что это было?

Доктор немного оживился:

– Телепатическое реле. Я воспользовался им для расширения силового поля ТАРДИС. Я взял из ТАРДИС энергию, чтобы освободить Времяточца из мозга Гитлера. Когда она на меня напала, я повысил мощность силового поля, и её унесло.

– Значит, она уничтожена? – с надеждой спросила Эйс.

– Ну, можно сказать, что её разнесло на части, – сказал Доктор. Он сверился с индикатором пути во времени. – Вот видишь, ничего. Никаких показаний.

– Тогда где она?

– Носится где-то в пустоте несфокусированной бурей гнева. Но у неё поразительная воля к жизни. Она снова соберёт себя.

– Значит, мы о ней ещё услышим?

Доктор вздохнул:

– Боюсь, что да. Даже это я не смог сделать как следует.

– Да что с тобой такое, Профессор?

– Какая же это дрянь!

– Что?

– Ваша чёртова история. Оставь вас одних – вы и сами друг друга калечите более чем достаточно. Но это! Вмешательство Главнокомандующего, вмешательство Времяточца, а теперь ко всему этому ещё и моё неуклюжее вмешательство.

– Ты сделал, что мог, Профессор.

– И посмотри, что из этого вышло! Я не только вернул одну из самых ужасных войн в истории человечества, а по ходу дела ещё и Времяточца освободил! Запертая в сознании Гитлера, она могла истощиться и умереть. А теперь она снова шляется где-то в космосе, и всё нужно начинать сначала.

– Ну, по крайней мере, ты вернул правильную историю.

– А что в ней правильного? – мрачно сказал Доктор. – Историю столько раз изменяли, что уже не разберёшь, что там правда, а что нет. Да и кому это важно?

– Да ладно тебе, Профессор, мы-то знаем, что должно произойти.

– Шесть лет войны, вот что должно произойти, – возмущённо сказал Доктор. – Всё, начиная Холокостом и заканчивая Хиросимой, и с Дрезденом по пути! А я проследил, чтобы всё это произошло по расписанию!

– А причём тут Дрезден?

– Это был красивый исторический город, который разбомбили в щепень без особых на то причин.

Эйс нахмурилась:

– Пой, Дрезден же в Германии, нацисты бы такого не сделали.

– Они и не делали. Это вы сделали.

Эйс грустно кивнула:

– И Хиросиму тоже наши сделали... и Нагасаки... Но это же не твоя вина, Доктор. Ты всего лишь вернул всё так, как оно было. Чтобы нацисты проиграли в сорок пятом, а Тысячелетний Рейх Адольфа сдулся за двенадцать лет. Ты открыл дорогу будущему, которое произвело на свет такие замечательные вещи как перестройка, объединённая Европа, и я.

– Ты уверена? Ткань времени была повреждена очень сильно, Эйс. Её не залатаешь, как старую рубашку. А что если я сделал всё ещё хуже?

Эйс с беспокойством посмотрела на него. Она никогда ещё не видела Профессора таким пессимистом. Нужны были радикальные меры.

– Ну, давай тогда вернёмся и проверим.

– Куда?

– Туда, откуда начали.

– 1951 год? Ты уверена? Если история изменилась ещё сильнее, ты могла вообще не появиться, ты можешь исчезнуть, как только выйдешь из ТАРДИС!

– Я рискну, – оптимистично сказала Эйс. – Ничего не может быть хуже, чем слоняться по пространству и времени с Профессором в депрессии. Полетели обратно на этот промокший Фестиваль.

ЭПИЛОГ:

ЗАШТОПАННОЕ ВРЕМЯ

ТАРДИС приземлилась на Южном Берегу под проливным дождём. Из неё вышли Доктор и Эйс. Доктор посмотрел на Скайлон. Вид тонкой, непрактичной башни не был испорчен свастикой. Он посмотрел на Эйс. Она не исчезла.

– Что же, ты сделал это, Профессор, – сказала она. – Ты залатал время.

Доктор улыбнулся:

– *Мы* сделали, Эйс.

Эйс кивнула:

– В этот раз мы определённо сделали хорошо!

Доктор раскрыл свой зонт:

– Не хочешь сходить в Павильон Будущего?

– Я есть хочу. Как на счёт чая с булочкой?

Они прошли к кофейне, в которой жизнерадостный невысокий мужчина протирал чайные ложки. Вывеска над его головой гласила: *«КОФЕЙНЯ, собств. Г. Гольдштейна»*.

– Что вам угодно? – спросил он.

– Два чая и две булочки, пожалуйста, – сказал Доктор.

Мужчина подал им чай и булочки. Чай был крепкий, булочки вкусные. Доктор и Эйс пили и ели с большим удовольствием.

– Отличный у вас чай, – сказал Доктор.

А Эйс с набитым ртом сказала:

– И булочки классные!

Невысокому мужчине было приятно.

– Ну, в честь Фестиваля нам дали дополнительные пайки. Приятно иметь возможность предложить, наконец-то, людям что-то приличное. Нельзя не признать, что жизнь постепенно становится лучше. Смотрите, даже дождь прекратился.

Доктор свернул зонт.

Двое парней вальяжно зашли в кофейню, оттолкнув в сторону Эйс и Доктора.

– Как насчёт бесплатного чая? – спросил первый.

– И фунта из кассы? – спросил второй. – Давай, у вас, у жидов, денег всегда полно.

Эйс сжала кулаки и набрала полную грудь воздуха.

Доктор коснулся её руки:

– Дай ему самому разобраться.

Невысокий мужчина нагнулся над стойкой и погрозил пальцем:

– А ну, вон отсюда! – сказал он. – Пока я вам уши не пообрывал.

– Это ты сам, что ли, делать будешь? – ехидно спросил первый парень.

Эйс похлопала его по плечу:

– На меня тоже можешь рассчитывать.

Доктор вздохнул и сжал покрепче зонт. Появился полисмен – крупный, старомодный, в духе Диксона из Зелёного Дока.

– Какие-то проблемы?

Хозяин засмеялся:

– Это? Проблемы? Я выжил в гитлеровских бомбардировках, старина. Чего мне этих-то бояться?

Полисмен посмотрел на парней:

– Вон отсюда!

Два паршивца быстро скрылись.

Полисмен спросил:

– Всё в порядке, Гарри?

– Да, спасибо. Хочешь чаю?

– Может быть, позже, – полисмен приложил пальцы к шлему и вышел.

Из-за реки доносился слабый звук шарманки. Наступали сумерки, вдали сияли разноцветные огни. Доктор повернулся к хозяину кофейни:

– Что это за музыка?

– И что это за огни? – спросила Эйс.

Мужчина удивлённо посмотрел на них:

– Где вы были?

– Вы не поверите, – сказала Эйс.

– Это же ярмарка, – сказал он. – В парке Бэттерси, – он усмехнулся: – Все эти годы послевоенного воздержания, а теперь вдруг фестивали и ярмарки! Станный этот мир, правда?

– Я люблю ярмарки, – сказал Доктор. Он посмотрел на Эйс.
– Хочешь на ярмарку?

– Да, почему бы и нет? Идём, Профессор.

Они попрощались с хозяином кафе и пошли прочь.

– Знаешь, он прав, – сказала Эйс.

– Кто?

– Хозяин кафе. Странный это мир.

– Согласен, – сказал Доктор. – Но он мог быть намного хуже.

– Ну, он ведь и был хуже, верно? – сказала Эйс. – Но мы это уладили. Как я уже говорила, мы сделали хорошо.

Она улыбнулась Доктору. К её облегчению, он ей тоже улыбнулся. Они пошли вдвоём вдоль туманного берега реки, в сторону огней и музыки.

КОДА

Существо, которое когда-то было лейтенантом Хеммингсом из Freikorps, зависло в пылающей темноте. В его сознании проносились образы боли, смерти, и разрушения. Над ним насмелялись, его унизили, предали. Эта девушка так и не подчинилась его воле, а странный маленький человек обманул его.

Как только они снова окажутся в его власти, он заставит их молить его о смерти... и он им откажет. Они будут страдать вечно. Все его враги будут страдать, все те, кто пренебрегал им и презирал его всю его жизнь. Он всех их аннигилирует, он уничтожит весь мир...

Ледяной красивый голос, холодный и металлический, заговорил в его голове:

– Поздравляю! Ты очень быстро прогрессируешь. Скоро, очень скоро ты сможешь отомстить...